

ВАРЯЖЕКАЯ ГВАРДИЯ
ВИЗАНТИИ

А.В. Олейников

ВАРЯЖЕКАЯ ГВАРДИЯ ВИЗАНТИИ

HISTORY
FILES

А.В. Олейников

ВАРЯЖСКАЯ ГВАРДИЯ ВИЗАНТИИ

Москва

«Вече»

УДК 94(100-87)
ББК 75.5/7
О53

Олейников, А.В.

О53 Варяжская гвардия Византии / А.В. Олейников. — М. : Вече, 2015. — 320 с., ил. — (History files).

ISBN 978-5-4444-2364-6

Знак информационной продукции 12+

В книге рассмотрена история одного из самых элитных и прославленных воинских формирований армии Византийской империи — Варяжской гвардии (Варанги).

Исследованы история создания и структура Варяжской гвардии, специфика ее комплектования, обучения, снаряжения и вооружения. Проанализированы особенности боевой тактики гвардейского формирования и основные вехи его многовекового боевого пути и внутренней службы.

Особое внимание уделено известным людям, в разное время служившим в рядах стражи, а также русам, входившим в состав гвардии.

Варанга охарактеризована как универсальное воинское формирование повышенной надежности.

Отмечено и цивилизаторское значение Варяжской гвардии — ее воины являлись культурно-религиозным связующим звеном между народами Северной и Восточной Европы с Византийской империей — воспринимая высокие достижения империи в материальной и духовной культуре, являясь носителями византийского образа жизни и христианских ценностей.

Работа снабжена приложениями, включающими в себя источники, комментированные словарики, имеет значительное количество иллюстраций.

**УДК 94(100-87)
ББК 75.5/7**

ISBN 978-5-4444-2364-6

© Олейников А.В., 2015
© ООО «Издательство «Вече», 2015

Армия для государства то же,

что голова для тела¹.

«Варяжская стража», «Варяжская гвардия», «Варяжский караул», гвардия этериотов, Варанга — таковы наиболее распространенные наименования самого известного элитного подразделения армии Византийской империи, или, как ее называли сами византийцы, Империи ромеев. Варяжская гвардия была не только одним из наиболее боеспособных, но и наиболее надежных гвардейских формирований Византии, воинской частью с бережно пронесенными через века традициями, зачастую последней надеждой и важным козырем василевсов².

Варангу отличали две важнейшие особенности. Во-первых, почти 500-летняя история. Варяжская гвардия — одно из старейших воинских формирований Европы. Соот-

¹ Высказывание императора Константина VII Багрянородного (905—959).

² Титул византийского императора, в официальную титулатуру введен императором Ираклием в 629 году после победы над державой Сасанидов.

ветственно, Стража, накопив за полутысячелетний период службы огромный служебный и боевой опыт, явилась колыбелью многих воинских традиций и обычаев императорской армии. Во-вторых, в условиях Средневековья она явилась предшественницей воинских формирований нового времени, т.к. являлась без преувеличения **воинской частью** (выделено нами. — *А.О.*). Ведь воинская часть — это «административная, строевая и хозяйственная единица войск, имеющая номер (или наименование) и знамя»¹. Эти признаки у Варяжской стражи присутствовали в полной мере.

Особый интерес вызывает и то обстоятельство, что Варанга своим созданием была обязана русам, — т.е. наши далекие предки в той или иной степени способствовали становлению и успешному функционированию элитной воинской части одной из мощнейших империй мира.

Кроме того, история Варяжской стражи — это история армии Византии во всем ее величии и падении. Были в истории варягов как светлые страницы неувядаемой славы, так и темные пятна несмываемого позора. К чести рассматриваемого нами гвардейского полка, первых, все же было больше, чем вторых.

¹ Краткий словарь оперативно-тактических и общевоенных слов (терминов). М., 1958. С. 74.

1. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, СТРУКТУРА И СТАТУС

Как известно, более или менее значительные контингенты иностранных наемников появились на службе императоров еще во времена поздней Римской империи¹. Необходимость усиления позднеримской и ранневизантийской армий дополнительными профессиональными воинскими формированиями вызывалась причинами как внешнеполитического, так и внутривнутриполитического характера.

Особое значение такие формирования приобрели в период так называемой «византийской Реконкисты» второй половины X — первой четверти XI века. Тогда, в период правления славной Македонской династии, империя после военных катастроф (вызванных прежде всего арабским

¹ Но уже начиная со времен Цезаря, при главе государства находилась конная гвардия из числа иностранных наемников. Их именовали *Batavi*, *Germani corporis custodes* и *Equites singulares*. Набирали их из числа германцев (но этот принцип не всегда соблюдался). См. подробнее: Speidel M. P. *Riding for Caesar: The Roman emperors horse guards*. — Cambridge, 1994. — 223 p.

вторжением) VII—VIII веков восстанавливала утраченные позиции.

Византия почти постоянно находилась в состоянии войны. В течение многих столетий война оказывала сильное влияние на особенности социальной психологии населения империи. Крайнее напряжение сил в борьбе с внешними врагами отражалось и на жизни всех провинций Византии. Почти непрерывно империя подвергалась агрессии на всем протяжении ее сухопутных и морских границ. С каждым столетием количество врагов и их силы возрастали. В X веке это были арабы, болгары, венгры и русы; в XI веке — турки-сельджуки, болгары, норманны, печенеги, половцы, сербы; в XII веке — итальянцы, венгры, крестоносцы, болгары, половцы, турки. В среднем на столетие приходилось не более 20—25 мирных лет. В условиях хронического военного положения империя просто не могла обойтись только собственными силами, мобилизуя под свои знамена лучших представителей иностранных государств.

Высокопрофессиональные наемные воинские контингенты могли успешно действовать на всех фронтах империи — и на Востоке, и на Западе. Такие формирования представлялись в первую очередь государствами — союзниками Константинополя, вассальными либо дружественными тер-

риториями — Арменией, княжествами Кавказа, Болгарией, Венгрией, Киевской Русью. Поставка таких контингентов отдельной строкой прописывалась в торговых договорах Византии со многими из вышеуказанных государственных образований. С 1038 года (300 человек были присланы Геймаром Салернским для участия в сицилийской экспедиции) на стороне ромеев¹ действуют и норманнские воинские контингенты.

Видное место принадлежало иностранцам в императорской гвардии — элите регулярной армии Византии. К X веку существовали следующие гвардейские полки: схолы, экскувиты, арифмы, иканаты (кавалерийские), нумера, тагма стен (пехотные). Наиболее крупный контингент располагался в столице. Гарнизоны всегда были готовы отразить внезапное нападение, а также поддерживали качественный уровень, на который равнялись провинциальные стратиоты². Так как профессиональные солдаты не имели других источников дохода, то получали государственное содержание. Хотя оружие и экипировку кадровые военные также получали от государства, но по возможности приоб-

¹ Ромей — наиболее распространенное самоназвание, употребляемое византийскими авторами, стремящимися подчеркнуть прямую государственно-правовую преемственность Византийской империи с Римской.

² Воины, набравшиеся из свободных крестьян, обязанные служить в ополчении фемы.

ретали вооружение и доспехи более высокого качества самостоятельно.

Эти части, являющиеся ядром сил постоянной готовности империи, образовали Тагмату — своего рода корпус столичной лейб-гвардии. Особое место в нем заняла императорская Этерия¹.

Этерия (дружина) — гвардейское формирование иностранных наемников на службе византийского императора. По сути дела, это элитный корпус профессиональных солдат.

Одни исследователи (А. Гийу², В. Васильевский³) отождествляют Этерию с варяжской Варангой (как по структуре, так и по национальному составу), другие (А. Мохов⁴) понимают под Этерией весь корпус иностранных наемников, считая Варангу ее составной частью. Мы присоединяемся к первой точке зрения, исходя как из понимания термина «Этерия», так и из истории возникновения, функционирования, сущности решаемых гвардией задач.

¹ В переводе — «корпус».

² Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005. С. 487.

³ Васильевский В.Г. Варяго-русская дружина в Константинополе. Сб. трудов, Т. I. СПб., 1908. С. 182, 197 и др.

⁴ Мохов А.С. Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X — начале XI века // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31 (вып. 7). С. 5.

В этническом плане Этерия (Варанга)¹ включала в свой состав русских, скандинавских и англосаксонских воинов в различном процентном соотношении.

Так, конец X — первая половина XI века (до 1043 года) — период доминирования русов, вторая половина XI века (особенно с 1066 года — после битвы при Гастингсе) — англосаксов, XII — начало XIII века — скандинавов (норвежцев, исландцев, шведов и датчан). Известно, например, что к моменту взятия Константинополя крестоносцами в 1204-м году Варанга состояла преимущественно из датчан и англичан. Наконец, поздний период существования империи характерен смешанным составом Стражи, хотя по традиции преобладали все же англо-скандинавы. Недаром в некоторых поздних источниках помимо наименования «Варангианская» гвардия встречается термин «английская гвардия императора».

Эти этнические преобладания объясняются различными факторами — взаимодействием Византии с тем или иным государством в соответствующую эпоху², также тем фактом, что на раннем этапе существования Варанги характер-

¹ Документально термин «Этерия» уступил место термину «Варяжская гвардия» в 1034 году.

² Так, в 1195 году император через посла просил у королей Норвегии, Швеции и Дании 1,2 тыс. человек для службы в Страже; одной из задач посольства императора Константина IX (1042—1055) к герцогу Нормандии Вильгельму была вербовка норманнских воинов на их родине.

ным явлением было поступление в состав Стражи какого-либо князя или конунга со своей дружиной, а впоследствии и во многом наследственным характером ее формирования.

Хотя впервые Константинополь посетили скандинавы в 838 году, честь создания Этерии принадлежит русам. Именно русам, так как византийцы в данное время хорошо различали норманнов и викингов, с одной стороны, и русов и варягов¹, состоящих на их службе, — с другой. Вместе с викингими-наемниками русы, направленные князем в дар императору, и образовали гвардию Варангов. Кстати говоря, термин «Варанга», скорее всего, ведет свое происхождение от староскандинавского *var*, то есть «дар»². Первый же норманн появился в составе Стражи не ранее 1020 года, а скорее всего, между 1023—1026 годами.

Появление на страницах византийской истории самого имени Варангов объясняется прибытием в Константинополь дружины, находящейся на службе киевского князя. Данный факт датируют 980 годом. Причина — брак князя Владимира с сестрой императора Анной.

Своим созданием Варяжская гвардия обязана междоусобной борьбе в Византийской империи. Василий II стал императором Византии в возрасте двадцати лет как стар-

¹ Далее будем использовать термин «варяго-русы» — см. ниже.

² Викинги: набеги с Севера. Энциклопедия исчезнувших цивилизаций. М., 1996. С. 74.

ший сын Романа II и, следовательно, являлся законным наследником империи. Но молодой государь знал реалии византийской действительности: чтобы выжить в условиях придворных интриг и заговоров, он должен был окружить себя надежными сторонниками, а также иметь под рукой реальную и эффективную военную силу, способную быстро реагировать на постоянно меняющуюся ситуацию. Василий был свидетелем убийства императора Никифора и подозревал, что причиной смерти преемника Никифора — Иоанна Цимисхия — было отравление. Усиление военной элиты империи также вызывало опасение молодого монарха. И он не ошибся.

Мятеж Варды Фоки (опытного, прославленного военачальника, наместника фемы¹ Антиохия) против Василия Второго был крайне опасен. Фактически он означал выступление командующего военным округом империи в стратегически важном регионе против центральной власти. Это событие повлияло на решение императора в 988 году образовать из прибывших восемью годами ранее русов подразделение личных телохранителей, так как, по свидетельству Михаила Пселла², он «не доверял римлянам, зная их преда-

¹ Фема — наименование военно-административного округа Византийской империи.

² Пселл Михаил (1018 — около 1078) — ученый византийский монах (до монашества чиновник фемы Месопотамия, далее вестарх — т.е. чи-

тельскую натуру». Русы же полностью завоевали доверие монарха своей безусловной преданностью и одновременно высокими боевыми качествами. И «...поскольку незадолго перед тем (т.е. за 8 лет до описываемых событий. — *А.О.*) явился к нему отряд отборных тавроскифских (так в летописях именуются русские. — *А.О.*) воинов, задержал их у себя, добавил к ним других чужеземцев (по-видимому, тех же русов. — *А.О.*) и послал против вражеского войска». Русские летописи говорят, что в состав отряда, посылаемого в Византию, вошли русские воины, с помощью которых князь Владимир одержал верх над князем Ярополком и овладел Киевом, — то есть обладавшие боевым опытом дружинники.

Боевое крещение корпус прошел под Хрисополем (совр. Скутари) в 988 году и Абидосом (на берегу Дарданелл) 13 апреля 989 года. Под Хрисополем русы высадились с кораблей и под прикрытием холмов обошли лагерь мятежников с тыла, после чего разгромили его. По словам М. Пселла: «...Застали неприятеля врасплох, готовившихся не противника побить, а вина попить; многих убили, остальных

новник 7-го класса табели империи о рангах), приближенный ко многим императорам; автор исторических и философских трудов. Работы служившего 9 василевсам Пселла (прежде всего Хронография) — важнейший источник по истории Византии.

рассеяли». По свидетельству А. Ластивертци¹, в боях под Хрисополем и Абидосом действовало не менее 4 тысяч воинов-русов. К. Кекавменом² четко разделяется функциональное назначение варягов и русов в этой операции: если русы являются пешими копейщиками, образующими «стену щитов», то варяги — экипажами кораблей и морскими пехотинцами.

Другой византийский историк, Г. Кедрин³, также пишет, что когда один отряд Варды явился в виду Хрисополя (ныне Скутари), то Василий II «приготовил ночью корабли и посадил на них Русь... Переправившись с ними, он неожиданно нападает на врагов и легко за-

¹ Ластивертци Аристакес (до 1022 — между 1072—1087) — один из крупнейших армянских историков XI века.

² Кекавмен Катакон (около 1020 — 1078 или после 1081) — византийский писатель, известный как автор «Стратегикона», руководства по военному искусству. Происходил из армянской семьи, переселившейся в Фессалию в Византии. Автор так называемых «Советов и рассказов» — важного источника по истории XI века. Сделал успешную военную карьеру, к концу царствования Константина IX Мономаха стал магистром и дуксом Антиохии. В 1057 г. участвовал в мятеже провинциальной знати против безвольного императора Михаила Стратиготика. Сыграл решающую роль в кровопролитном сражении 20 августа 1057 г. недалеко от Никеи, где, командуя левым флангом войск мятежников, сумел переломить неудачный ход битвы и ворвался в лагерь правительственных войск. Учитывая квалификацию Кекавмена, его труды — важнейший источник по военной истории и военному делу Византии.

³ Кедрин Георгий — византийский историк конца XI или начала XII века, автор труда «Обозрение истории».

хватывает их в свои руки». Михаил Пселл также описывает в данной ситуации отряд отборных «тавро-скифских» (т.е. русских¹) воинов, выступивших против врага².

Итак, 988 год — время рождения Варяжской гвардии.

О численности отряда мы можем судить на основании свидетельства армянского историка Асохика³. Говоря о походе императора Василия в Армению в 1000 году, он называет цифру в 6 тысяч человек, а также показывает, что они были русами и христианами. М. Пселл также отмечает 6-тысячный корпус, присланный Владимиром Василию II. Данная численная традиция поддерживалась и далее, несмотря на этнические изменения в Страже. Более того, можно провести параллель с шеститысячной также пехотной гвардией хускарлов, учрежденной примерно в это же время в Англии (доминируя впоследствии в составе Варанги, англичане следовали и своей традиции). Новая часть

¹ Здесь и далее имеются в виду русы и варяги на императорской службе, так как, разумеется, русский этнос в его современном понимании еще не сложился.

² Пселл М. Хронография. Краткая история. СПб., 2003. С. 12.

³ Всеобщая история. Москва 1864. С. 7.

Таронаци Степанос — армянский историк по прозвищу Асохик (говорун) на рубеже X и XI веков. Написал «Всеобщую историю», доведенную до 1004 года.

заменила старое византийское гвардейское подразделение Экскувитов.

Для более оперативного реагирования на задачи различного характера, а также следуя традиции мобильности поздне-римской и византийской армий, Варанга структурировалась на подразделения (вполне осознанно применяем этот термин к византийской армии вслед за императором — военным специалистом Никифором II Фокой) по 500 человек. Так, Г. Кодин свидетельствует, что «...когда императорский отряд состоял из шести тысяч человек, каждые пятьсот человек стояли под отдельным знаменем»¹. Эти подразделения могли дислоцироваться в разных районах города, а также участвовали в «боевых командировках» в районы военных действий, сменяя друг друга. Харальд Хардрада (см. ниже) командовал такой частью в 500 человек в ряде боевых операций, в битве при Эски-Загр в 1122 году императора Иоанна II Комнина также сопровождали 540 варяжских гвардейцев и т.д.

Участвовала Варанга в походах и в полном составе. Например, в 1034 году Варяжский корпус стоял на зимних квартирах в Малой Азии. Это позволяло накапливать боевой опыт, а также занимать воинов делом, ибо еще римляне считали, что «безделье — главный враг солдата». Визан-

¹ Byzantinae hist. Script. С. 48.

Кодин Георгий — византийский писатель XV века.

тийские военные теоретики и практики (например, Никифор II Фока) также уделяли повышенное внимание дисциплине и занятости солдата.

В сражениях варяги выполняли важную боевую функцию, на улицах и при дворе охраняли особу императора — речь идет, таким образом, о постоянном, регулярном боевом подразделении универсального характера.

На основе русско-византийских договоров (см. ниже) первоначально происходило пополнение Варанги личным составом. Начало XI века вообще характерно значительным притоком русских военных людей в Константинополь. Например, Г. Кедрин пишет, что, когда на Руси умерла сестра императора, а также еще ранее ее муж Владимир, некто Хрисохир, посадив 800 человек на суда, прибыл в Константинополь, желая поступить на императорскую службу. По свидетельству византийских историков, славянский элемент в Страже был замечен и в августе 1030 года — на момент неудачного сражения у Халепа. Ряд хронистов прямо говорят о присутствии русских в Азии в 1031—1034 годах. Временем заката русского присутствия в гвардии считается 1043 г. — год нашествия русов на Константинополь, когда в целях безопасности служившие в Варанге их соотечественники в основном удаляются из ее состава либо отправляются в отдаленные регионы.

В последующем, с теми или иными вариациями, в Страже преобладал неславянский элемент, хотя число русских охотников за удачей иногда бывало весьма велико. Приток скандинавов был столь значителен, что это даже нашло отражение в шведском законодательстве. Русы и шведы появились в составе Варяжской гвардии раньше исландцев, норвежцев и датчан.

Со второй половины XI века доминировали англосаксы, в конце столетия к ним присоединяются и франко-норманны (хотя в Византии последние появляются раньше). Причиной для первых стал исход из отечества после норманнского вторжения, для вторых — начало Крестовых походов.

Для прибытия англосаксов характерна массовость, люди без родины стали мощной опорой василевса. Интересно, что эмигрировали они именно в Византию, которая стала им второй родиной. Помимо высокого статуса, который воины получали на имперской службе, это привело к приобретению земельных участков в империи. Последнее означало, что изгнанники смогли сохранить свою самобытность именно как англичане, по крайней мере еще два столетия после прибытия в Константинополь. Для лиц, чье национальное самосознание было сильно уязвлено норманнским завоеванием родной земли, это было очень существенно.

С 1066 года наблюдался исход англосаксов, усилившийся в 80-х годах XI века.

В 1088 году большая группа англосаксов и датчан (более 5 тысяч человек на 235 судах) прибыла на границы Византийской империи. Источник отмечает, что были среди них три графа и восемь баронов. Руководителем флотилии был Сигурд, граф Глостер. Как отмечает источник, «на кораблях у них была великая сила». Такой массовый исход лиц всех социальных категорий был протестом против политики короля Англии Вильгельма. Потеря статуса и имущественный урон от захватчиков — вот главные причины эмиграции англосаксов в конце XI века. Византийцы, принимая на службу изгнанников, стремились поддерживать сложившиеся в среде последних социальные и субординационные отношения. Так, источники отмечают некоего благородного человека, который получил образование в Сан-Августине в Англии и по прибытии в Византию приобрел подобающую его статусу благосклонность императора, получил титул и руководство над большей частью своих товарищей. Сплоченная англосаксонская община — опора императора Алексея I Комнина. Причем впоследствии василевс даже пытался вербовать наемников непосредственно в Англии.

Многие из англичан-эмигрантов, кто по тем или иным причинам не поступил на службу императору, поселились

на берегах Черного моря. Приток англосаксов привел к тому, что с этого времени Варяжская гвардия даже стала неофициально именоваться Англо-Варангой. Изгнанники столкнулись в боях со своими лютыми врагами — норманнами Роберта Гвискара, противника императора Алексея Комнина. Число английских стражников постоянно возрастало на протяжении XII века. На 1180 год источники отмечают, что Стража состояла из людей «английской расы». Но все-таки это были прежде всего те же варяги, но английского происхождения¹.

Впоследствии был замечен датский контингент в составе Варяжского корпуса. Господствующим языком Стражи вплоть до турецкого завоевания XV века был английский². Приветствовали императора гвардейцы также по-английски. И в варяго-русский, и в англосаксонский периоды истории гвардии ей придавались переводчики.

Одним из направлений военной реформы императора Алексея I Комнина было преобразование гвардии. Показательно, что прежние гвардейские части исчезли, появились новые. И единственным из старых гвардейских полков, который оставил василевс, был Варяжский. Причем Варанга

¹ *Rojas G.A.F.* «The English exodus to Ionia»: The identity of the anglo-saxon varangians in the service of Alexios Comnenos I (1081—1118). Marymount University, 2012.

² *Кодин Г.* Указ. соч. С. 57.

осталась как боевая часть — лишь в позднюю эпоху она превращается почти исключительно в дворцовую лейб-гвардию.

Если рассматривать систему пополнения элитной дружины, то можно отметить следующее.

Северяне приветствовались при византийском дворе.

Во-первых, конунги и вожди со своими отрядами вливались в состав Стражи. Сам статус византийского монарха — первого среди прочих — способствовал их стремлению послужить ромейской короне. Наемники из числа иноземной знати, занимавшие командные должности, получали, кроме платы (руги) и части, добычи богатые дары от императора. Приобретались личные и дипломатические связи, бесценный боевой опыт и значительные материальные средства. Так, во время визита короля Эрика Датского в 1103 году многие конунги из его свиты присоединились к Варяжской гвардии. Когда король Норвегии Сигурд I Магнуссон в 1108 году возвращался из Крестового похода через Константинополь, многие из норвежцев специально сопровождали его для того, чтобы попасть на службу к императору. В 1153 году граф Оркнейский отправился в Крестовый поход с 15 судами, и команды шести из них откололись от отряда в Гибралтаре, прибыв в Варангу.

Учитывая, что варяжские силы стали неотъемлемой частью охраны императора и непосредственно отвечали за

его безопасность, а корпус офицеров гвардии базировался на древних скандинавских и русских традициях института конунгов-князей с их личной дружиной, личную преданность императору со стороны руководителей прибывающих в состав Стражи отрядов нужно считать немаловажным обстоятельством.

Таким образом воспроизводилась отличная от византийской армейской система личной преданности вождей Варяжской гвардии своему верховному вождю — императору. Это было тем более значимым в обстановке расширения личных армий византийских магнатов.

Во-вторых, службу в гвардии почитали за честь представители даже знатных северных родов. То есть служба в Варанге была социально и материально привлекательной для представителей элит государств Европы. Молодые люди из Руси и Скандинавии стекались под ее знамена постоянно. Этому в немалой степени способствовал высокий статус Варанги в византийском обществе — ее бойцы пользовались всеобщим поклонением. Гвардеец Болли Болласон так засвидетельствовал этот факт в своей саге: «Его голову украшал позолоченный шлем, в руке он держал красный щит с золотой фигурой рыцаря. Он был вооружен копьем, как принято у чужеземцев. Когда они располагались на ночлег, женщины готовы были отдать все, чтобы хотя бы одним глазком взглянуть на Болли и его друзей во всем их

великолепии»¹. Скандинавские саги и рунические надписи содержат бесчисленные упоминания о людях, служивших в Варяжской гвардии. Учитывая то обстоятельство, что эти источники фиксировали лишь наиболее важные события в жизни воинов и вождей, такие свидетельства иллюстрируют значимость для северян самого факта принадлежности их к Варяжской гвардии Византии.

В-третьих, с XII—XIII веков складываются настоящие служилые династии, когда Стража пополнялась традиционно представителями северных народов по наследству. Преданность императору в последнем случае впитывалась, по сути дела, «с молоком матери». Например, Константинополь в 1453 году защищали т.н. варангопулы (буквально — «дети варягов») — т.е. потомки кровосмешительных связей варягов с местным населением. На Руси и в Скандинавии (прежде всего Норвегии и Швеции) за столетие — к 80-м годам XI века — складываются специфические социальные группы, представители которых несли наследственную службу в Константинополе: «Что до варягов, носящих мечи на плечах, то они рассматривают свою верность императорам и службу по их охране как наследственный долг, как жребий, переходящий от отца к сыну».

¹ Викинги: набег с Севера... С. 75

В-четвертых, отдельные искатели приключений, воины, оказавшиеся не у дел, паломники и их группы постоянно пополняли ряды Варяжской гвардии. Эти «солдаты удачи» были едва ли не самым надежным элементом Варанги. Воины-профессионалы, к тому же неустроенные в социальном и бытовом плане, верой и правдой служили империи и отрабатывали свой хлеб.

Как уже отмечалось, после смерти императора Алексея I Комнина (1118 год) из всех элитных частей сохранилась только Варанга. Впоследствии, к концу XIII века, вообще большинство гвардейских подразделений (как восстановленных, так и вновь созданных) переводится на выполнение церемониальных или дворцовых обязанностей.

Книга должностей Псевдо-Кодина (XIV век) указывает, что гвардейцы шли впереди императора с прокламациями, а также охраняли и подгоняли всю процессию. Варанги охраняли императорскую резиденцию и приемную во Влахернском дворце, стояли вокруг трона во время официальных приемов (аналог рынд при русском царе), сопровождали государя во время посещения храма: «Варяги сопровождают императора. Они всегда сопровождают его, когда он едет на лошади». То есть гвардия выполняла функции императорского конвоя. Сугубо военных задач более ни одно подразделение Варанги не решает. Варангианская гвардия упоминается в источниках в 1328, 1330, 1341 (на-

пример, упомянуто, что Кантакузин выстроил 500 дворцовых стражей для охраны императора Иоанна Пятого), 1404, 1422 годах.

Хотя есть информация, что охрану императорского дворца впоследствии поручили Критской гвардии (прославилась в боях 1453 года в Константинополе), в то время как на Варангу возложили задачу по охране императорской казны, передислоцировав ее в Магнесии. Ввиду экономических и организационных трудностей численность подразделения постепенно снижается. Окончательно складывается наследственное преемство при формировании Стражи.

Командовал Этерией Великий Этериарх, назначаемый императором. История донесла имена некоторых из них, в том числе и русские. В числе последних известен Феоктист, действовавший в Сирии в 1030-х годах.

Если того требовала обстановка, Этериарх мог руководить и сводными частями, и соединениями на театре военных действий.

Великий Этериарх Феоктист отличился во главе Варяжской гвардии в августе 1030 года у Халепа, а затем был вновь отправлен в Сирию со значительными силами, включавшими в себя и византийские части. В 1033 году Роман III Аргир вновь отправил в Сирию Великого Этериарха Феоктиста, и опять с громадной военной силой.

Великий Этериарх Константин в 1047 году командовал Восточной армией, осаждавшей крепость Хелидоний, недалеко от Двина (Армения).

Анна Комнина¹ называет служившего ее отцу Алексею I Комнину Великого Этериарха Аргири Карацу, отмечая: «Несмотря на свое скифское происхождение, этот человек отличался большим благоразумием и был слугой добродетели и истины».

Известен также Великий Этериарх Константин Триписих, верный слуга императора Андроника I Комнина (время правления — 1183—1185).

Как и любая гвардия, Варяжская стража была кузницей кадров (см. ниже), причем не только византийской, но и иностранных армий. Ведь служить в ней считалось почетным для представителей правящих домов тогдашней Европы: возвращаясь на родину, они занимали ответственные посты в административной и военной иерархии своих государств. Наиболее яркий пример — норвежский король (тогда принц) и будущий соискатель английского трона Харальд Хардрада, в молодости офицер Варяжской

¹ Комнина Анна (01.12.1083 — 1153) — византийская царица, старшая дочь императора Алексея I Комнина и Ирины Дукини. Одна из первых женщин-историков. Историограф отца — автор «Алексиады», исторического повествования об эпохе правления Алексея Комнина. «Алексиада» является одним из наиболее известных источников по истории Византии эпохи Крестовых походов.

гвардии. Находясь на византийской службе, он воюет в Сицилии, Болгарии, Месопотамии и Сирии, участвует в полевых сражениях и штурмах городов. Понятно, какая это была жизненная школа для будущего государя. Зачастую такие вожди и возглавляли отряды в 500 воинов, решавшие специальные задачи. Харальд назван командиром такого подразделения в Солуни в 1040 году.

Такие командиры среднего звена именовались спафарокандидатами. Спафарокандидат — от терминов *spatharios* и *kandidatos*, оба из которых обозначали воинов дворцовой стражи в IV—VI веках. Самое раннее упоминание чина — в начале VIII века, первые аттестации известны с начала IX века. Отличительным знаком спафарокандидата была золотая цепь (*maniakion*), носимая на груди.

Отборные гвардейцы и младшие командиры получали чины манглабитов. Термин «манглабит» (от *μαγγλάβιον* — «дубина») появился в IX веке и означал лиц, которые несут ответственность за личную безопасность императора. Вооруженные мечами и дубинками (*manglavion*), манглабиты предшествовали ему в церемониях, возглавляя процессию, и были ответственны за охрану и функционирование некоторых ворот императорского дворца каждое утро. Чин манглабита стал значимым в имперской иерархии в связи с его близостью к императору. Исчез в конце

XI века. Отличительным знаком манглабита был меч с золотой рукоятью.

Сама организационная система, при которой лучшие боевые офицеры зачислялись в дворцовую стражу, свиту монарха, представляет повышенный интерес. Напрашивается очень интересная аналогия с системой свитских должностей российских императоров — свитские звания могут рассматриваться как военно-придворные.

Наконец, существовала должность Аколужа — начальника лейб-гвардии, т.е. той части Варанги, которая непосредственно состояла при особе императора. Вначале это был титул, присваиваемый командующему наемным войском и позже — главе варяго-русского корпуса. Аколуж административно был связан с одним из высших военных чинов империи, ведавших охраной дворца, — друнгарием виглы. Ничто не мешало Аколужу получать время от времени команду над всеми иностранными силами, а иногда и над всей византийской армией.

Впоследствии, в дворцовый период истории Варанги, варангами командует Аколуж (Великий Этериарх же руководит всеми иностранными частями на императорской службе). В сочинении XIV века Псевдо-Кодина¹ дается следующее определение Аколужа: «Аколуж является ответ-

¹ Византийский анонимный автор XIV века.

ственным за варангов; сопровождает василевса во главе их, поэтому и зовется Аколужом».

Аколуж был одним из высших имперских офицеров, доказательством чему является тот факт, что в период отсутствия императора он являлся хранителем ключа от ворот Константинополя. Многие Аколужы отличились в боевых действиях на бесчисленных фронтах империи.

Так, в 1034 году императорский Аколуж был командующим византийской армией, которая подавила восстание Адама Севастийского. Одним из известных Аколужов Варанги был Михаил, упомянутый в трудах И. Скилицы¹ и К. Кекамена. Он отличился в войне 1050—1053 годов против печенегов. Император послал Аколужа Михаила, который был «гегемоном всего войска», препятствовать набегам печенежских орд, не ввязываясь в решительную битву, и Михаил успешно действовал, разбивая печенегов по частям. Затем он был послан в Ивирию против турок и командовал размещенными в Халдии и Ивирии франками и варягами. В Армении в 1054 году привел варягов и франков к победе над армией турок-сельджуков султана Тогрул-бека. По-видимому, оттуда он и был вызван для новых действий против печенегов. Показательно, что Михаил зани-

¹ Скилица Иоанн — византийский чиновник, хронист XI — начала XII в., в 1081 — 1118 гг. был сановником Алексея Комнина. Центральной его работой была «Обозрение истории».

мал одновременно еще несколько высоких должностей: был императорским патрикием и архонтом (стратигом) фемы Парастрион. Причисление к рангу патрикия означало зачисление в ряды высшей знати, стратиг — наместник и главнокомандующий фемы — обладал всей полнотой гражданской и военной власти. В византийской табели о рангах стратиг фемы относится к чинам 1-го класса.

Попасть в Варяжскую гвардию было нелегко. Но, как гласят саги: «Они были хорошо приняты, как только стало известно, что они были скандинавами». Кандидат в Варангу должен был уплатить вступительный взнос, но гвардейцы могли помочь своему земляку, кроме того, существовали кредиты от казны. Учитывая высокое материальное обеспечение бойцов гвардии, государство только выигрывало в этой ситуации, с одной стороны, стимулируя приток добровольцев, а с другой стороны, зарабатывая на этом. Известно, что бойцы Варяжской гвардии регистрировались в специальных списках. Помимо имен в них указывались жалование и меры поощрения воина.

Бойцы Варяжской гвардии получали высокую плату, являясь элитой и по этому показателю. Размер ее колебался от 10 до 15 номисм золота в месяц, что составляло от 45 до 60 граммов золота в весовом эквиваленте. Это в 1,5—2 раза превосходило размер жалования солдат других элитных формирований и в 7—10 раз — размер жалова-

ния армейцев. Помимо этого существовали различные надбавки, доля военной добычи. Так, после победы Василия II над Болгарией вся военная добыча была разделена на три части — одну из них получила Варанга. Большим подспорьем были дары императора (например, в день коронации) и специальные подарки (например, на Пасху).

Гвардейцы получали также ежедневные пайки, государство заботилось об их жилищных условиях. Так, императорская гвардия занимала целые кварталы в комплексе Большого дворца рядом с ипподромом. Когда решался вопрос о распределении помещений между частями гвардии, то между варягами и греками возник спор, решенный с помощью жребия. Один заключенный (в казармах присутствовала своя тюрьма) жаловался на шум, производимый варягами в ночное время на верхних этажах помещения, и на дым, пахнувший хуже, «чем в царстве Аида»¹, — идущий снизу, из казармы, занимаемой Нумером (другим гвардейским подразделением). Когда император Лев VI посетил помещения варяжского караула, он обратил внимание на разрисованные щитами комнаты варягов².

¹ *Guilland R. Études de topographie de Constantinople byzantine. Tome I. Berlin, 1969. S. 41.*

² *Liutprand. Antapodosis. 1930. T. 1, S. 12.*

Лиутпранд Кремонский (около 922 — 972) — итальянский дипломат и историк X века, епископ Кремоны, который пытался наладить отноше-

Нужно отметить значительное количество व्योचных животных и слуг, обеспечивающих боевую деятельность и жизнедеятельность Варяжской гвардии. Слуги могли сопровождать гвардейцев и во время боевых походов. Вообще в хозяйственном отношении полки столичной Тагматы находились на содержании фемы Оптиматов.

Во время войны варяги имели приоритет при разграблении вражеского города. Существовал и достаточно интересный обычай — после смерти императора варяги имели право войти во дворец и взять то, что им понравится. Богатству уже упомянутого Харальда весьма способствовало то обстоятельство, что он трижды таким образом посещал императорские сокровищницы, расположенные во дворце. Если ко всему сказанному прибавить также широкие возможности для личного обогащения — огромное количество добычи и трофеев от участия в различных боевых действиях, знаки внимания и поощрения императора и других лиц, — то становится понятным, почему в отношении того же Харальда говорили, что «никто в Северной Европе не видел прежде, чтобы столько сокровищ находилось во владении одного человека». Одно только его присутствие в составе Стражи на коронации 3 императоров уже сделало его богатым человеком.

ния между Византией и Западной Европой. Участник посольства в Константинополь, автор труда «Антаподосис».

Харальд, конечно, выдающийся во всех отношениях, образец варяжского гвардейца, но последствия службы и рядовых варягов превосходили все их ожидания.

Применительно к англо-варягам можно говорить и о наделении их земельными участками. Такая мера со стороны Алексея Комнина была особенно благотворна к изгнанникам, лишенным не только имущества, но и отечества. Отслужить и вернуться, как русы и скандинавы, «домой» англосаксы не могли — Византия стала их родиной.

Рассматривая моральный облик Варанги и ее боевой дух, следует отметить прежде всего исключительную преданность Стражи царствующему государю. Когда в марте 1081 года Алексей Комнин решил захватить трон и его армии появились перед Константинополем, город был защищен только Варяжской гвардией и отрядом немецких наемников. Показательно, что Алексей, считая, что подкупить, убедить или принудить варягов невозможно, подкупил немцев, и те открыли ворота. Варяги оставались верны императору Никифору III, даже когда он решил отречься от престола.

Анна Комнина свидетельствует: «Русы соблюдают верность императору, так как охрана его особы является у них семейной традицией, чем-то вроде священной обязанности, бережно передающейся из поколения в поколение. Преданность их венценосной особе нерушима. В их натуре нет и намека на способность к измене».

Арабские путешественники отмечают, что их верность повелителю была столь сильна, что они были готовы «умереть с ним или позволить себе быть убитыми им». Историк И. Зонара¹ рассказывает, что, когда Иоанн Комнин, преемник умирающего императора Алексея, пришел во дворец, варанги, заняв проход в караульной части, где было их местопребывание, не пропускали наследника, отвечая, что, пока император жив, они никого не пропустят. Лишь по предъявлении доказательств смерти монарха Стража уступила. Когда Харальд Хардрада участвовал в мятеже против императора Михаила V, закончившемся низвержением и ослеплением последнего, ему пришлось преодолевать сопротивление бывших сослуживцев. Несмотря на непопулярность Михаила, Варанга осталась верна ему, и ее численность после беспорядков в Константинополе заметно сократилась. Часть стражей после переворота была повешена новой властью, о чем пишет Михаил Пселл, лично присутствовавший при ослеплении императора, а также видевший повешенных. Преданность царствующему монарху высоко ценилась императорами, особенно в неспо-

¹ Зонара Иоанн (умер после 1159) — византийский историк XII века, монах-богослов, автор известной хроники «Сокращенная история». До монашества занимал должности начальника императорской стражи (великий друнгарий виллы) и первого секретаря императорской канцелярии (протасикрит).

койные времена дворцовых переворотов. Недаром про последнего Комнина — Андроника — говорили, что он доверяет лишь своей собаке у кровати да Варяжской страже за дверью.

Затем следует отметить высокие моральные качества варангов. Так, Кедрин упоминает случай, когда один из варягов, встретив в пустынном месте женщину, предпринял попытку изнасилования. Женщина, выхватив его же меч, убила воина. Сослуживцы убитого, собравшись вместе, воздали ей честь, отдав имущество насильника, а его бросили без погребения как самоубийцу. Византийские историки пишут также о том, что немецкие (в широком понимании слова) наемники отличались от варангов своей продажностью.

Наконец, в подавляющем большинстве случаев варяги были людьми верующими и христианами, о чем свидетельствует, в частности, их особая «полковая» церковь Святой Богородицы, расположенная при западном фасаде храма Святой Софии. Уже император Константин Багрянородный упоминал о «крещеных русах», стоявших в карауле во время приема арабского посла. Посещали гвардейцы и храмы в городе. Русы имели церковь Святого Ильи уже в 1-й половине X века.

Первый специально выстроенный варяжский храм, вероятно, существовал с начала XI века, но был закрыт в

1052 году. Вторая скандинавская церковь в честь святого Олафа Харальдсона и Божьей Матери была построена недалеко от храма Святой Софии. Выстроенный во исполнение обета, данного императором полку варангов в сражении при Эски-Загре, этот храм был известен как Панагия Варангиотисса (Богородица Варяжская). Согласно легенде XIII века, над алтарем этого храма висел меч святого Олафа.

Вообще культ святого Олафа, покровителя купцов, путешественников и воинов, был очень популярен в Северной Европе (в Новгороде в XI—XII веках был храм Святого Олафа). Олаф выступал главным образом как покровитель варягов и в первую очередь Харальда Хардрады, своего сводного брата и предводителя скандинавских наемников в Византии. Вначале в Константинополе была построена часовня Святого Олафа, затем церковь в его честь, в дальнейшем меч Олафа перевозят в Константинополь. Причем, по легенде, император строит или участвует в строительстве церкви, а также выкупает меч у его владельца за тройную цену (или за три меча) и отдает его в церковь Святого Олафа. В любом случае именно Харальд был наиболее вероятным источником зарождения культа святого Олафа как святого патрона скандинавских воинов в Византии: ведь сам Хардрада как брат Олафа мог претендовать и претендовал, судя по рассказам саг, на особое покровительство святого.

Английским контингентом Варанги посещалась специально построенная английская церковь в Константинополе — базилика Святых Николая и Августина Кентерберийского.

В традицию у гвардейцев вошли посещения Иерусалима и святых мест. Например, Анна Комнина называет имя одного такого паломника — Петра по прозвищу Кукупетр. Отмечались христианские праздники — прежде всего Рождество, Пасха, а также день Богоявления (полковой праздник варягов с 1122 года — дня победы при Эски-Загре). Христианская атрибутика присутствовала на вооружении и снаряжении воинов Варяжской гвардии. Археологи на местах боев Варанги находят в большом количестве нательные крестики.

В целом в империи культивировался и внедрялся образ «варяга-христианина». И это не было преувеличением. Сама служба Византии приучала варангов к соблюдению христианских традиций и обрядов. Для армии, находившейся в походе, увеличивалось количество религиозных обрядов. Пение Трисвятого в военных лагерях звучало утром и вечером, солдаты исповедовались перед сражением, а крест и ковчег несли от самого Константинополя. Ветераны Варанги, познавшие византийский образ жизни и сущность христианской веры, являлись проводниками христианства в Северной Европе. В этом, без преувеличения,

проявлялась цивилизаторская миссия как Византии, так и ее Варяжской гвардии.

Занимались гвардейцы различными видами спорта. Борьба, игра в мяч, настольные и другие игры активно практиковались среди варягов. Имели место групповые игры — своеобразные матчи. Так, Харальд Хардрада и солдаты его отряда даже во время похода в Италию играли в мяч. Причем устроили состязание прямо под стенами осажденного города, показывая тем самым презрение к его защитникам. Уже упомянутый король Сигурд Норвежский был фанатом ипподрома. Как-то он предпочел осмотр имперской сокровищницы (а это, как правило, сопровождалось богатыми дарами) зрелищу игры на ипподроме. Участвовали варяги и в таких развлекательных мероприятиях, как пантомима, демонстрация греческого огня, музыка и пение. Император и императрица активно участвовали в этих мероприятиях, зачастую выступая в качестве покровителей состязающихся сторон или команд.

В минуты отдыха варяги посещали общественные бани (посещение бань — излюбленное занятие византийцев, один из элементов ромейского образа жизни), осматривали достопримечательности Константинополя, например храмы Святой Софии и Святого Петра, дворцовые комплексы. Посещали гвардейцы городские таверны. Так, когда король Сигурд возвращался из Крестового похода через Констан-

тинополь, он оставил все свои корабли (60 единиц) в дар императору. По крайней мере в части из них были устроены рестораны на воде. Размещенные в задней части корабля, такие заведения, с одной стороны, позволяли приехавшему варягу ощутить специфику далекой родины, а с другой — очутиться в роскошной атмосфере развлекательного заведения «столицы мира» — Константинополя.

Один из варягов нашел время, чтобы вырезать надписи в балюстраде храма Святой Софии, другой — на плече каменного льва из Пирея, третий — в стенах дворца Буколеон. Возможно, это также было своеобразным хобби варангов. Вероятно, некоторые из воинов занимались торговлей или предпринимательством — византийские законы не накладывали жестких ограничений на военнослужащих в этой сфере. Некоторые свидетельства позволяют сделать вывод о том, что варяги занимались охотой и рыбалкой, — благо в то время близ Константинополя было достаточно лесов. О рыбе, добываемой в те времена даже в бухтах столицы, знала вся Европа.

Все это, прежде всего христианство, причудливо сочеталось с военной демократией и кровной местью в рядах Варяжской гвардии — пережитками древнескандинавских обычаев. Так, один варяг, приехавший из Норвегии служить в Варанге, по непонятной причине на родине убил другого человека. Сын убитого преследовал его, и в Кон-

стантинополь они прибыли почти одновременно. Оба были зачислены в Варангу, которая готовилась к выступлению в поход. Походу должен был предшествовать смотр с обязательным осмотром оружия. Онгул (убийца) показал меч, принадлежавший некогда Греттиру (убитому), и, когда его спросили, отчего такой прекрасный меч имеет в середине зазубрину, он рассказал о том, какого храброго человека победил и как рассек ему череп этим самым мечом: с тех пор и осталась зазубрина. Дромунд (мститель) взял вслед за другими воинами диковинное оружие, как будто желая полюбоваться им, но тотчас же рассек им голову Онгула. Власти распорядились немедленно схватить Дромунда, так как он оскорбил священное собрание и применил оружие в стенах императорского дворца. Дромунд в оправдание рассказал свою историю и указал на долг мести, который на нем лежит. Так как убийство наказывается смертной казнью, он был взят под стражу. А далее, если его никто не выкупит, должна была последовать казнь. Проходившая мимо тюрьмы знатная византийская дама услышала разговор заключенных и выкупила Дромунда, втайне от мужа спрятав его у себя дома. Несмотря на закон, варяги поддержали прошение о помиловании правонарушителя, понимая, что сын должен отомстить за отца. В итоге Дромунд был помилован, отличился в боях, был другом Харальда Хардрады.

Вернувшись домой после 2-летней службы, гвардеец был принят в число придворных короля Магнуса Доброго.

О случае, когда гвардейцы осудили насильника из числа своих рядов, признав правоту убившей его женщины, уже упоминалось. Этот случай также говорит о судебном иммунитете членов Варяжской гвардии от обычных военных судов.

Христианину Харальду Хардраде ничто не мешало кроме русской официальной жены (Елизаветы Ярославны) иметь и скандинавку-наложницу (Тору).

Такое важнейшее качество гвардейцев, как доблесть, будет заметно при рассмотрении боевой службы Стражи. Мужество и стойкость варягов помогли выиграть многие ключевые для империи сражения и кампании. Византийской военной традицией было то, что после победы войско служило благодарственный молебен, а затем хоронило погибших. Затем проводился смотр, в ходе которого награждались отличившиеся в бою солдаты. Военные руководства советуют поощрять отличившихся «славой и дарами». Героев благодарили перед строем, а затем награждали оружием, доспехами и дополнительной долей трофеев. Командиры отличившихся частей также награждались или получали повышение. В то же самое время наказывали тех, кто не выполнил своего долга. Виновных в неприкрытой трусости

казнили, тогда как провинившихся меньше пороли перед строем.

Очень важным является то обстоятельство, что если для европейской средневековой армии терпимым был уровень военно-оперативных потерь (то есть общих — убитыми, ранеными, пленными) в размере 15—20 % от ее численности, то византийская армия могла выдержать более высокий уровень потерь. А Варанга — элита этой армии — выдерживала потери и до 70—80 % от своего состава. Ярким примером являются сражения у Монтемаджоре 1041-го и Диррахия 1081 года. И после таких потерь боеспособность восстанавливалась достаточно быстро.

Императоры ценили Варяжскую гвардию прежде всего за верность и мужество, высокие боевые качества и способность выполнять команды эффективно и без лишних вопросов. Византийские обыватели варягов уважали и боялись. У гвардейцев была отличная репутация за пределами империи, но они часто вызывали неприязнь у представителей высших сфер имперской элиты. Так, первоначально в византийской литературе они именовались как «благородные варвары» (Анна Комнина). Но, несмотря ни на что, Варяжская гвардия была одним из самых престижных и уважаемых военных формирований в Византийской империи. Изолированность Варанги от региональных и придворных интриг, политических и религиозных партий, византийской

аристократии и населения делала гвардию бесценным инструментом в руках самодержца. В XI и XII веках репутация Варяжской гвардии была важным столпом имперской идеологии. Византийские летописцы распространяли возвышенные легенды о Варанге, способствуя славе Нового Рима и его императора. Для скандинавских летописцев Византия была образцом государства, символизируя Асгард, дом скандинавских богов. Время службы Харальда Хардрады в гвардии стало важной составной частью его королевской мифологии, сделавшей его чуть ли не преемником славы римских императоров. В русских былинах образ Византии также стоял очень высоко. Гвардейская дисциплина и нахождение в культурной среде Константинополя способствовали становлению и облагораживанию правящих элит стран Северной Европы. Для путешественников возможность попасть в ряды гвардии также была путеводной звездой.

Наконец, агрессия в то время варварских и полуварварских народов выплескивалась, если так можно выразиться, в «мирных целях»: в руках императоров Варанга была щитом, защищающим Европу от многочисленных волн экспансии кочевых и полукочевых хищников — печенегов, турок-сельджуков и пр. То есть такую мотивацию воинов, как служба твердыне христианства (прежде всего православия), нельзя сбрасывать со счетов. Наконец, служба в

Варанге ярко высвечивала и социальные мотивы для желающих попасть в ее ряды (а они всегда были очень сильны). Кратко они звучат так: верно, честно и мужественно служи и получай достойное (даже очень достойное) вознаграждение за верность и мужество. Государство заботилось о своих воинах.

Тем не менее этериоты страдали и весьма заметными огрехами. Самым, пожалуй, видным было злоупотребление спиртными напитками. Ряд свидетельств современников пестрит фактами подобного рода. В XII веке столичные обыватели называли варягов «императорскими винными бочонками». Посетивший в 1103 году Константинополь король Эрик Датский даже призывал варяжских гвардейцев «вести трезвый образ жизни, не давать волю пьянству». Множество византийских анекдотов отражают этот порок гвардейцев. Большинство преступлений варягов, в том числе и против государя, совершались в нетрезвом виде. Например, восстание против Никифора Вотаниата в 1079 году совершалось именно в такой обстановке. Пытаясь в пьяном угаре с помощью клинкового оружия открыть дверь, ранив императорского секретаря, варяги были отброшены подоспевшей Стражей из числа греков. Интересно, что доблестно защищавшийся император помиловал раскаявшихся дебоширов, лишь зачинщики были им отправлены служить в отдаленные гарнизоны.

Другим пороком варягов была вспыльчивость. Источник («Иерусалимская хроника») приводит интересный факт: в 1032 году в ходе победоносного восточного похода полководца Георгия Маниака против Эдессы возникла необходимость в переговорах. Г. Маниаком с соответствующим поручением (по всей видимости, согласовать время и место переговоров) был послан солдат Варяжской гвардии. Известно, что послужило тому причиной, но этот воин вышел из себя и ударил эмира Харрана топором. В «Хронике» говорится, что этот человек был русский. Иногда участвовали варяги в кровавых ссорах как между собой, так и, например, между четырьмя партиями цирка Константинополя.

Еще один недостаток был связан со стремлением варягов к красивой жизни, чего северные воины не могли получить на родине. Греческие красавицы, ставки в гонках колесниц, игры в карты и на ипподроме требовали дополнительных средств. Соответственно, пороком была тяга к роскоши и страсть к золоту. Так, Харальд Хардрада в 1042 году был обвинен в незаконном присвоении средств государственной казны. Самым, пожалуй, ярким случаем, навсегда запятнавшим честь части, стали события 1204 года. В момент штурма Константинополя крестоносцами варанги стали требовать денежных выплат от императора, причем в такой момент, когда это граничило с явным предательством.

Тем не менее взлеты и падения есть в истории любой воинской части, и Стража здесь не исключение.

2. РУСЫ И ВАРАНГА

До сих пор не выяснен вопрос о том, кого считать русами — славян или варягов на службе князей¹. Обходя стороной споры о происхождении Руси, отметим следующее.

В IX веке наблюдался особенно интенсивный приток на Русь скандинавов, которых привлекали как материальные блага, так и возможность отличиться на военной службе. Источники зафиксировали наличие крупных варяжских (прежде всего шведских) поселений, растянувшихся от Новгорода до Киева. Скандинавские саги и русские летописи сохранили сведения о вовлечении скандинавов во внутреннюю жизнь древнерусского общества, и в первую очередь в войска князей в качестве профессиональной военной силы. Отряды Олафа Трюггвасона и Харальда Сигурдсона присутствовали в войске князя (Владимира и Ярослава соответственно), «которое он отправил охранять страну». В той же роли оказывается знатный норвежец Эймунд Хрингссон, поступающий на службу сначала к Ярославу Мудрому, а затем к его брату — полоцкому князю

¹ *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. М., 1995; *Фомин В.В.* Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.

Брячиславу Изяславичу. Варяжский корпус некоторое время нес постоянную княжескую службу.

Мы видим варягов среди славянского войска в походе Олега на Византию. Игорь, собрав войско, «посла по Варяги многи за море». Владимир Святославович, готовясь к борьбе с Ярополком, «бежа за море» и вернулся оттуда «с варяги». Ярослав, судя по летописи, чаще других князей обращался к помощи варяжских дружин: и в борьбе со своим отцом Владимиром, и готовясь к столкновению с Мстиславом Владимировичем. Именно дружины викингов, а не отдельных искателей приключений нанимали к себе на службу русские князья вплоть до XI века и заключали с их предводителями своего рода коллективный договор, на что опять же указывают и летописи, и саги.

Присутствие скандинавов на Руси и их высокий социальный статус подтверждаются и данными археологии — во многих ключевых пунктах, имевших важное торгово-административное положение, обнаружены богатые погребения и свидетельства постоянного проживания северян.

Досконально установить данный вопрос пока не представляется возможным, но, учитывая, что в период IX—XI веков в основном произошла ассимиляция славянского и скандинавского элементов, он не имеет принципиального значения. Да и сам термин «русский» — не русский. Про-

исхождение этнонима «русь» возводится к древнеисландскому слову *Róðsmenn*, или *Róðskarlar*, — «гребцы, мореходы».

Существуют самые разнообразные теории и по поводу происхождения термина «варяг». По мнению О.И. Сенковского, «варяги» означали искаженное название славянами дружины викингов. Возникшая позднее в Византии лексема «веринги» могла быть заимствованием от русов, то есть искаженные «варяги». В сагах викинги называли себя норманнами, употребляя термин «веринги» («варяги») только по отношению к скандинавским наемникам в Византии. В.Н. Татищев предполагал происхождение термина от *varg* — «волк», «разбойник».

Другая распространенная версия: слово «варяги» произошло от древнегерманского *waга* (присяга, клятва), то есть варягами были воины, давшие клятву. М. Фасмер также производит слово от предполагаемого скандинавского *vár* — «верность, порука, обет», то есть «союзники, члены корпорации». По мнению А.Г. Кузьмина, слово происходит от кельтского *var* (вода), то есть под варягами понимали жителей побережья, из чего он выводит древнерусское «варяги» и «Варяжское море». С.А. Геденов нашел еще одно близкое значение: *warang* — «меч». По мнению другого историка XIX века, А. Васильева, для слова «варяг» (участника «соленого промысла») самой убедительной этимологией следует считать слово «варя» (процесс выварки соли

от затопки печи до выноса соли на сушку). По тексту саги «Прядь о Карле Несчастном» норвежский купец (солевар) возвращается из Руси к себе на родину, чтобы исполнить секретное поручение от русского князя Ярослава.

Если в России до сих пор термин «варяг» означает «иностранец», «чужеземец» или «человек из-за моря», то в Беларуси — внешнюю характеристику человека — высокий, дородный. Бесспорно лишь мнение о том, что варяги — это скандинавы восточного происхождения либо находящиеся на востоке — в т. ч. на Руси. Тем более что «первоначально русские дружины, видимо, состояли преимущественно из скандинавов»¹. Да и имена упомянутых в договорах Руси с Византией лиц (а это люди, приближенные к князю) — Карл, Фарлаф, Вермуд, Рулав и Стемид — выдают их явно скандинавское происхождение.

Будем использовать вслед за известным русским византиевистом В.Г. Васильевским термин «варяго-русы» — т.е. восточные варяги, варяги с Руси или бывавшие (бывшие) на Руси, ассимилированные на Руси варяги, варяги, так или иначе служившие русским князьям.

Соответственно, и термин «Русь» будем использовать как географический термин, который включает в себя рус-

¹ Каинов С. Варяжские наемники на Руси. Конец IX — середина XI века // Военная иллюстрация. 1998. № 1. С. 2.

ских славянского и скандинавского происхождения¹. Иллюстрацией правильности этой позиции является и тот факт, что сами византийцы вплоть до времен императоров династии Комнинов использовали термины «рос» и «варяг» в качестве синонимов.

Скромным признанием того большого значения, которое для военной системы и истории Руси имели скандинавы, является тот факт, что легендарный крейсер русского императорского флота, недостроенный авианосец советского ВМФ и ракетный крейсер российского ВМФ гордо носили (последний носит) наименование «Варяг».

В X—XII веках Византийская империя была самым богатым и наиболее могущественным государством в Европе, а Константинополь был величайшим городом мира. Уникальное положение на Босфоре способствовало притоку в этот город как купцов, так и воинов—искателей приключений со всего света — прежде всего из Скандинавии и Руси.

Облегчало их прибытие наличие знаменитого торгового пути «Из варяг в греки», структурированного таким образом, что приходилось двигаться в основном по водному

¹ *Vernadsky G. The Origins of Russia. Oxford, 1959. S. 198—201; Blondal. The Varangians of Byzantium. S. 1—14; Davidson H.R.E. The Viking Road to Byzantium. London, 1976. S. 57—67. Carile A. Byzantine Political Ideology and the Rus in the tenth-twelfth centuries, Harvard Ukrainian Studies, 2012—13.*

маршруту — самому быстрому в Средневековье. Византийский император Константин Багрянородный в своем трактате «Об управлении империей» (950 г.) рассказывает о маршруте пути «Из варяг в греки» — караван судов шел с Русского Севера по Днепру к острову Березань в Черном море и оттуда — в столицу империи. Каждую весну (лето) из Киева вниз по Днепру отправлялась флотилия, насчитывавшая не менее 100—200 ладей. Кроме купцов, путешественников, дипломатов, слуг и пр. на них находился и внушительный отряд профессиональных воинов. Соответственно, число русских, преодолевавших печенежские заслоны у днепровских порогов и доводивших, вопреки всем тяготам пути, караван до имперских берегов, никак не могло (при самых скромных подсчетах) быть меньше тысячи человек во время каждой экспедиции — т.е. ежегодно. Налаживание торговых связей Руси, охрана караванов и поддержание инфраструктуры — это во многом заслуга варягов.

Как германцы во время поздней Римской империи, варяги и русы стали и грозой, и союзником византийской армии.

Отношения Руси и Византии строились прежде всего на основе серии русско-византийских договоров. Все три текстуально известных договора дошли до нас в древнерусской версии, отмеченной некоторыми русизмами, однако

все они имеют византийские дипломатические прототипы. Сохранившиеся тексты являются переводами, сделанными с аутентичных (т.е. обладавших силой оригинала) копий правовых актов.

Договор от 2 сентября 911 года был заключен после успешного похода дружины князя Олега на Византию.

Он восстанавливал дружественные отношения государств, определял порядок выкупа пленных, устанавливал наказания за уголовные преступления, совершенные греческими и русскими купцами в Византии, уточнял правила ведения судебного процесса. Договор регулировал наследственные отношения, создавал благоприятные условия торговли для русских с византийцами, изменял береговое право — теперь вместо захвата выброшенного на берег судна и его имущества владельцы берега обязывались оказывать помощь собственнику или владельцу в их спасении. Русские купцы получили право жить в Константинополе по полгода, империя обязывалась содержать их в течение этого периода времени за счет казны. Вообще купцам русов было предоставлено право беспошлинной торговли в Византии.

Допускалась возможность найма русских людей на военную службу в Византии: «Если кто хочет служить в императорском войске, могут это делать свободно».

Договор 945 года был заключен после неудачного похода войск князя Игоря на Византию в 941 году и повторного похода в 944 году.

Подтверждая в несколько трансформированном виде нормы договора 911 года, новый договор обязывал русских послов и купцов для пользования установленными ранее льготами иметь княжеские грамоты, а также вводил ряд ограничений для русских купцов. Русь обязалась не претендовать на крымские владения Византии, не выставлять застав в устье Днепра, помогать друг другу военными силами.

Насколько рассчитывали императоры на русскую военную помощь, видно из того факта, что Константин VII в 957 году просил у приехавшей в Константинополь княгини Ольги «вой (т.е. воинов. — *А.О.*) в помощь» — т.е. значительного увеличения численности тех воинских контингентов, которые (в соответствии с условиями договора 944 года) прибывали в империю для найма на военную службу. Ведь Константин VII Багрянородный уже в это время планировал отвоевание Крита у арабов. Возможность для империи в любой момент получить союзную помощь от русских стала важнейшим фактором политики Руси и Византии. Император был заинтересован даже в том, чтобы о военном сотрудничестве с русами знали недруги Византии.

Договор 971 года подвел итоги русско-византийской войне 970—971 годов. Он был заключен князем Святославом Игоревичем с императором Иоанном Цимисхием вскоре после поражения русских войск под Доростолом (по версии «Повести временных лет», после победы русского войска над византийским).

Этот договор уже содержал обязательства Руси не нападать на Византию, а также не подталкивать к нападению на нее третьи страны и помогать империи в случае таких нападений.

Договор 1046 года подвел итоги русско-византийской войне 1043 года. Русь окончательно становилась союзником Византии.

В итоге заключенных на протяжении века договоров положение русских в империи можно расценивать как исключительное — они пользовались (прежде всего в Константинополе) экстраординарными торговыми, правовыми и иными льготами.

Но фактическим началом межгосударственных отношений Византии и Руси следует считать 860 год, который знаменует первую осаду Константинополя русами. В первых соглашениях русских с византийцами устанавливалось, что князь не должен чинить препятствий тем русским, которые, прибыв в Византию, захотят поступить на военную службу империи. Впоследствии, в договорах

между Михаилом III и русами, уже оговаривалась посылка варяго-русских воинских контингентов для целей императорской службы.

В последующие десятилетия отношения между Русью и Византией в основном оставались достаточно сердечными, хотя важно упомянуть об одном из условий русско-византийского договора 911 года, который был заключен после осады Константинополя в 907 году: «Всякий раз, когда вы (византийцы) сочтете необходимым объявить войну или когда вы начнете военную кампанию, находящимся на византийской службе русам разрешается действовать в соответствии с их желанием».

Эта норма была вызвана следующим обстоятельством. Еще до 911 года установилась практика, в согласии с которой император извещал (грамотой или через вестника) князя о предстоящем походе войск империи (главными врагами были арабы и болгары) и о нужде в связи с этим в наемниках. Такого рода приглашения посылались, скорее всего, осенью предшествующего походу года, так как военные действия империя начинала обычно весной или ранним летом следующего года. Часть наемников-русов прибывала в империю на краткий срок, не оставаясь на чужбине на зиму, а часть решалась нести службу длительное время. И очевидно, что до заключения договора киевский князь либо прямо препятствовал найму русов в армию им-

перии на большой срок, либо выражал в связи с этим свое недовольство, — теперь же он дал согласие не чинить препятствий русским добровольцам, сколько бы их при этом ни оказалось.

Данная уступка в пользу империи была существенной, и становится понятным, что она была компенсирована ответными льготами в пользу князя.

Эта норма была доработана и воспроизведена в договоре о дружбе и союзе 941 года и в мирном договоре 944 года. Последний договор прямо предусматривал взаимную военную помощь Руси и Византии, особо оговаривая вопрос присылки русских воинских контингентов по просьбе византийской стороны.

Империя приобретала важнейший ресурс в виде значительных военных формирований, состоящих из профессиональных воинов. Известные данные об условиях найма и несения службы наемниками в империи (размер платы, снабжение продовольствием, одеждой и оружием) позволяют сделать вывод, что договор заключался либо с группой, уже прибывшей в империю, либо (а после 944 года — как правило) в результате предварительного межгосударственного соглашения. Комплектование отряда происходило еще на родине, под контролем князя, носило характер военной помощи, а воины знали заранее и о размерах оплаты, и о служебных обязательствах не только перед императором в

соответствии с контрактом, но и перед собственным князем — гарантом соблюдения договора.

Плата была как регулярной, независимо от того, участвовал ли воин в военной кампании, и эпизодической — за участие в конкретном походе. В 911 году 700 воинов-русов получили перед морской военной экспедицией против критских арабов 1 кентинарий золота (100 литров — то есть 7,2 тыс. номисм), т.е. примерно по 10,25 номисмы на человека — сумма значительная, превосходящая стоимость двух быков. По другим данным того же времени, простые византийские подданные, отказывавшиеся идти в поход лично в качестве воинов ополчения, должны были уплатить каждый по 5 номисм. Содержание же воина в течение года обходилось военнообязанным деревням, если они не выставляли воина, в 18 номисм. Очевидным становится, как ценились русские воины в империи.

По договору 911 года воины-русы сами решали вопрос о том, наниматься им в войско империи или нет, и князь не принуждал их к этому — они сами стремились служить императору в надежде на плату, награды и добычу. И эту их готовность имели в виду договаривающиеся стороны, вырабатывая вышеуказанную статью договора 911 года.

Если соглашение 911 года устанавливало право беспрепятственного прибытия русско-варяжских воинов на

императорскую службу в любое время (обязательства оказывать военную помощь еще нет), то договор 941 года уже обязывал.

Это было следствием военного поражения русов — их флот был сожжен греческим огнем. Если раньше имел место слабоорганизованный вольный наем, то теперь воины направлялись в Византию централизованно. Князь держал под своим контролем дело найма русов на службу в империи. Эта служба перестала быть частным делом воинов — теперь она приносила дивиденды великокняжеской власти.

Согласно договору 944 года, воин-рус или их группа, отправлявшиеся на свой страх и риск в империю для найма на службу без ведома и воли князя, рисковали найти дурной прием в Константинополе. Они могли быть арестованы впредь до выяснения цели их прибытия (путем обмена письмами с Киевом), даже убиты при сопротивлении, а в случае удавшегося бегства на Русь репрессированы князем.

Все это имело практическое значение. Наемники-русы появились в империи, причем даже в императорской дворцовой гвардии, уже в 60-х гг. IX века, и поступление их на службу, как и само появление в империи, не регулировалось договорами. К моменту заключения первого договора русы успели зарекомендовать себя в империи как воины-профессионалы.

Так, отряд из «крещеных русов» состоял в составе экипажей кораблей василевса еще при Константине VII. Не менее 700 варяго-русских воинов присутствовали в составе византийской армии на положении вспомогательных войск во время похода на Крит в 911 году, в дальнейшем воюя на Крите, Кипре и побережье Сирии.

В 935 году 415 человек на 7 судах участвовали в итальянской экспедиции Романа I Лакапина.

После 944 года русские воины имели особенно широкие возможности реализовать свои навыки на престижной императорской службе. Наибольшее применение они нашли на таких театрах военных действий, как Киликия, Сирия, Ифрикия. Несли службу береговой охраны на далматинском побережье, отражая набеги мусульманских пиратов. Активно русский воинский контингент участвовал в критских экспедициях Константина VII, Льва VI, Варды Фоки, Никифора Фоки. Так, в критском походе 949 года зафиксированы 7 русских кораблей (629 русов — 584 воина и 45 слуг). В 954 году при участии русов осаждался Хадат, впоследствии они входили в состав гарнизонов крепостей на сирийской границе. Сирийский поэт Мутанабби зафиксировал присутствие русов в составе византийской армии Варды Фоки в битве при Хадате в 955 году. В 957 году был взят Хадат, а в 958 году — Самосата. Принимали участие русы и в победоносном походе Никифора Фоки на Крит в

960 году, а два их корабля действуют в составе византийского флота, направленного в Италию в 967—968 годах. Во время экспедиции Никифора Фоки (960 год) подразделение императорской армии, состоявшее из русов-пехотинцев, прорвало береговую оборону арабов. В 964—965-м годах русы участвовали в походах на Крит и Сицилию (участвуя в разгроме арабов у Раметты). Русские отряды сражались с эмиром Алеппо в Месопотамии, воевали в Армении (с 947 года — непрерывно). Сицилийские экспедиции и критские походы продемонстрировали тот факт, что русы помимо живой силы выставляли и определенное количество судов и экипажей к ним.

Новая эпоха службы русов в Византии наступила с формированием Варанги — постоянной гвардейской пехотной части. Обращение императора Василия за помощью к русам было актом, подготовленным предшествующими дипломатическими отношениями. М. Пселл писал о прибытии русско-варяжских воинов и их первых операциях: император Василий был хорошо осведомлен о нелояльности соотечественников — «порицал неблагодарных ромеев и, поскольку незадолго перед тем явился к нему отряд отборных тавроскифских воинов, задержал их у себя, добавил к ним других чужеземцев и послал против вражеского войска. Те застали неприятелей врасплох, готовившихся не противника побить, а вина попить, многих убили, а осталь-

ных рассеяли, и поднялся среди мятежников бунт против самого Фоки»¹. Император-воин всегда был рад принять надежных и доблестных солдат.

Существовавшие до прибытия 6-тысячного корпуса в империи воинские соединения из русских наемников влились в этот корпус, а сложившийся механизм его пополнения и обновления выглядел следующим образом. Являвшиеся в империю «новички» вступали в корпус, а отслужившие договорные сроки уезжали на родину. Процесс шел регулярно, приурочиваясь к судоходному сезону на Черном море. Если соглашения о продолжительных сроках службы заключались на 10—15 лет, то в течение этого времени состав корпуса должен был, по всей вероятности, полностью обновиться. Соответственно, несколько сотен воинов ежегодно должны были покидать империю и примерно столько же или несколько больше прибывало им на смену (тем более что корпус нес постоянные потери в боях).

Притоку варяго-русов в Стражу в конце X — начале XI века способствовала нестабильная внутривосточная ситуация на Руси, а также привлекательные условия императорской службы.

«Русский Константинополь» в это время был весьма многолюден, русская община имела собственное подворье

¹ Пселл М. Хронография. Краткая история. СПб., 2003. С. 12.

в городе. Ученый-византиист Г.Г. Литаврин установил, что целый квартал — квартал святого Маманта («Мама») — был отдан византийским правительством для размещения русских людей: «Вдали от родины, в чужой, заморской стране, плохо зная ее порядки и нравы ее жителей, не понимая или едва разбирая греческую речь, испытывая постоянный неотступный надзор полицейских агентов епарха, не имея права брать с собой привычное средство самозащиты (оружие) при посещении Константинополя, русы в самом деле чувствовали себя в безопасности, почти как дома, только “у Мамы”. Только здесь, вплоть до дня отплытия, они вращались в среде соотечественников, слышали родную речь, имели даровые кров и пищу, мылись в банях, “елико хотят”, советовались с бывалыми людьми — ветеранами, отслужившими договорный срок в армии императора и ожидавшими, также “у Мамы”, отправления каравана, чтобы вместе с ним вернуться на родину...»¹

Русский корпус принимал с тех пор и почти до конца XI века самое деятельное участие во всех военных предприятиях империи и на Востоке, и на Балканах, и в Италии. О его значении свидетельствует тот факт, что в 1016 году третью часть всей добычи, взятой в Болгарии, Василий II

¹ Литаврин Г.Г. Византия и славяне. М., 2001. С. 469.

отдал русским (столько же, сколько получило все остальное войско и сколько взял себе сам император).

Победы в Закавказье — также результат действий варяго-русских отрядов. Именно русских имеет в виду армянский писатель Степанос Таронский по прозвищу Асохик, когда рассказывает о прибытии Василия II в армяно-грузинскую область Тайк в 1000 году. У горы Хаватчич византийского императора встретили абхазский царь Баграт и его отец, грузинский царь Гурген. В тот самый день, когда Гурген, получивший звание магистра, собирался отбыть, в византийском лагере произошла стычка между иверами (грузинами. — *А.О.*) и русами: «Из пехотного отряда рузов какой-то воин нес сено для своей лошади. Подошел к нему один из иверийцев и отнял у него сено. Тогда прибежал к рузу на помощь другой руз. Ивериец кликнул своих, которые, прибежав, убили первого руза. Тогда весь народ рузов, бывший там, поднялся на бой: их было 6 тыс. человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых просил царь Василий у царя рузов в то время, как он выдал сестру свою замуж за последнего. В это же самое время рузы уверовали во Христа. Все князья и вассалы тайкские выступили против них и были побеждены». Упоминание об этом событии имеется и у Аристакеса Ластивертци. У крепости Хаватчич, куда прибыл император: «По неведомой мне причине, — пишет Ластивертци, — произошла стычка между западным войском,

так называемыми рузами, и полком азатов. На этом месте погибли 30 знатнейших азатов».

В 1021 году император Василий II воевал в Армении против Гургена I — царя Абхазии и Картлии, нарушившего византийские интересы захватом некоторых соседних областей. Автократор Василий появился на границах Армении и Грузии с крупными византийскими контингентами и значительным числом иностранных наемников. Большое сражение при Уктике закончилось безрезультатно. Василий II зазимовал со своими войсками в Халдии. Зимой стороны вели переговоры о мире, но под их прикрытием грузинские войска атаковали византийскую армию.

Несмотря на фактор внезапности, грузины потерпели поражение: «Когда русские полки императора сделали натиск, то успело спастись только небольшое число из пришедших первыми, потому что еще ни царь, ни кто бы то ни был из главного корпуса грузинской армии не подоспели. В этот день погибли также и те, которые противились заключению мира. Все были обращены в бегство, большое число пало под мечом, некоторые попались в плен, другие убежали. Греки получили громадную добычу и овладели всем тем, что было у грузин из царских сокровищ». А. Ластивертци говорит о «бесчисленном множестве» грузин и абхазов, убитых в сражении. Битва произошла 11 сентября 1022 года при Шегфе, неподалеку от Эрзерума, и была вы-

играна благодаря усилиям воинов-русов. Император Василий преследовал царя Георгия и принудил его к миру, покорности и выдаче в заложники собственного сына.

Поход Романа III Аргира, закончившийся плачевно, привел к сражению у Халепа (август 1030 г.) — присутствие именно славянского элемента в этом сражении замечено местными летописцами. Император был разбит и едва успел спастись в Антиохию благодаря мужеству иностранной дружины варяго-русов, его окружавшей.

Вполне вероятно, что тот военный корпус, с которым император Василий II совершил два раза свои походы в Армению и Грузию, продолжал оставаться в Малой Азии и в 30-х годах XI века. А его основу составляли русы.

В 1032 году византийцы овладели Эдессой, городом на Евфрате, известным уникальным нерукотворным образом Спасителя. Полководец Георгий Маниак вошел в Эдесскую крепость с небольшим отрядом в 400 человек. В этом числе был приближенный Маниака по имени Рузарн, отправленный послом к эмиру Харранскому. Рузарн, имя которого сильно говорит за его принадлежность к русам, был вооружен топором или секирою.

Историк Г. Кедрин указывает на то, что крепостью Пергри овладели «русские и прочая греческая сила». То есть греческая сила еще и была на вторых ролях. Взятие крепости Пергри произошло осенью 1033 года.

В июле 1043 года, когда в результате обострения русско-византийских отношений русские совершили свой последний поход на Константинополь, русские купцы и служившие в столице воины были подвергнуты временному аресту. Но через три года согласие Византии и Древней Руси было восстановлено, дочь императора Константина IX Мономаха стала женой сына князя Ярослава Всеволодовича. Варяго-русский корпус после заключения мира с киевским князем около 1046/1047 гг. занял прежнее положение в военных силах империи, а в 50-х годах принимал активное участие в войнах с печенегами.

В 1047 году русы действовали в Южной Италии, в 1055 году совместно со скандинавами обороняли итальянский город Отранто от норманнов.

Русы упоминаются отдельной строкой в византийских императорских грамотах (хрисовулах). Так, в хрисовуле № 33 от 1060 года (императора Константина X Дуки) указаны варяги, русы, сарацины, франки; в хрисовуле № 44 от 1082 года (императора Алексея I Комнина) — русы, варяги, кулпинги, инглины, немцы. В хрисовуле № 48 от 1086 года (того же императора) — русы, варяги, кулпинги, инглины, франки, немцы, болгары и сарацины.

Значение русского контингента в Варяжской гвардии стало падать в 70-х годах XI века — приток русских наем-

ников в Византию резко сократился, и их постепенно стали вытеснять англосаксы.

Тем не менее арабский историк Ибн аль Фатирх, говоря о составе армии византийцев в сражении 1071 года при Манцикерте, называет византийцев, франков, печенегов, арабов, грузин и русов. Сражались русы под командованием императора Романа Диогена и при Хелате.

Все это позволяет сделать вывод о том, что именно русские контингенты выполняли ударную функцию во время византийских операций 1020—1040-х годов. Речь идет о непрерывной военной кампании, придавшей блеск византийской короне как в Закавказье, так и в Азии. Многие источники прямо указывают на имевшие место зимовки русских отрядов в Малой Азии в 1030-х годах.

Соответственно, можно отметить следующее.

Первый этап взаимоотношения русов с византийским правительством — с 860-го до 980-х годов. Варяго-русские воины (хотя они присутствовали в византийской армии и ранее) прибывали на императорскую службу в больших количествах, отношения строились на основе ряда договоров, подписанных официальными властями Киевского княжества, с одной стороны, и Восточной римской империи — с другой. Уже с 860-х годов известно о присутствии в дворцовой гвардии «тавроскифов» (русов). С начала X века среди служилых русов в империи были и моряки,

и конные подразделения, и пехотные отряды. Они входили в регулярные части — тагмы, гвардейские отряды (схолы, экскувиты, арифмы, иканаты, нумеры). Кроме того, входили в состав Этерии, полностью состоявшей из наемников. Главная особенность формирования русских контингентов в этот период в том, что воины прибывали поодиночке или группами, службу несли лично, не структурируясь в виде отдельной крупной воинской части.

Второй этап — с 980-х гг. — характеризуется оформлением русско-варяжских воинских контингентов в отдельную воинскую часть — Варяжскую гвардию. Служба стала носить постоянный и регламентированный характер. В первые три четверти столетия — это едва ли не самое главное соединение византийской армии, элитная часть армии империи, способная спасти положение в разных концах страны. Часть русов в составе Этерии находилась в столице, другие в виде выполняющих те или иные задачи подразделений размещались в провинциях или находились в боевых командировках на театрах военных действий. Причем до середины XI века налицо преобладание русско-варяжского элемента в составе Варанги.

Присланный по просьбе Василия II шеститысячный русский отряд, который в 988 и 989 годах разгромил главные силы мятежника Варды Фоки, спас Василию II трон, а может быть, и жизнь. Этот отряд остался по взаимному согла-

сию императора и князя Владимира на византийской службе и постоянно пополнялся выходцами из Руси. Именно он стал родоначальником Варяжской гвардии.

Итак, русы — родоначальники Варанги, костяк ее в первые 60 лет существования, победители в важнейших боевых операциях, основоположники традиций части (чего стоит, например, клятва верности императору — своеобразная присяга) и ее самый надежный элемент.

3. КУЗНИЦА КАДРОВ — ИЗВЕСТНЫЕ ЛЮДИ, СЛУЖИВШИЕ В СТРАЖЕ

Варяжская гвардия была кузницей кадров как для византийской армии, так и для других армий Европы. Великие Этериархи и Аколумы командовали как соединениями, так и объединениями византийских войск на различных театрах военных действий, действуя в основном успешно. Так, Михаил в середине XI века действовал в Армении и на печенежском фронте, Феоктист в 30-х годах того же века — в Сирии. Офицеры более низкого ранга, такие как Рангвальд и Харальд Хардрада, примерно в то же время воевали в Азии и на Сицилии. Общим было то, что военной компетентности варяжских офицеров государство всецело доверяло, поручая им как общевойсковым командирам руководство более или менее крупными

группировками войск различного состава на всех театрах военных действий империи.

Более того, расставляя офицеров Стражи во главе армейских частей и соединений, император приобретал высокую степень контроля над всей византийской армией. Получившие богатый боевой опыт варяжские офицеры занимали ключевые позиции в военной и административной структуре своих государств. Самый яркий пример такого рода — это, несомненно, Харальд Хардрада.

Саги Норвегии и Исландии (особенно с 1034 года) — важнейший источник применительно к лицам, служившим в Варяжской гвардии Византии. Также огромное значение в качестве источников имеют скандинавские рунические камни. Руны — это языческий алфавит, известный со II в. н.э. Считалось, что он обладает магической силой. Поэтому рунические знаки вырезали на стоячих могильных камнях (как правило, гранитных) варяжских вождей и воинов в качестве оберега. Особой изощренности руническое искусство достигло на закате своего существования — в XI веке. Имеющие особую ценность в качестве источника надписи в этот период помещались на лентообразных драконах, образующих как бы рамку изображения, внутри которой находятся различные фигуры. Особенно много таких камней сохранилось в Швеции. Отличившиеся на чужбине (в том числе в Византии) многие скандинавские воины воз-

вращались домой, чтобы упокоиться на родине. Надписи на могильных валунах лаконично сообщают нам о наиболее значимых достижениях и приключениях таких солдат удачи.

Варяги сами высекали рунические камни, на которых фиксировали важные события, высказывали почтение к мертвым и делали заявления. Женщины ставили рунические камни погибшим или пропавшим сыновьям и мужьям.

Наибольшую известность приобрел Харальд Сигурдсон (Хардрада — т.е. Грозный) — будущий король Норвегии и несостоявшийся король Англии.

Харальд, сын конунга Восточной Норвегии Сигурда Свиньи, был младшим единоутробным братом короля Норвегии Олафа II. В 1030 году, когда Харальду было 15 лет, король Олаф погиб при защите трона от войск Кнута Великого. Харальд принимал участие в битве при Стикластадире, был ранен, после чего покинул Норвегию. Он сформировал военный отряд из таких же изгнанников, как и он сам. В 1031 году Харальд с отрядом достиг Руси, где поступил на службу к великому князю киевскому Ярославу Владимировичу Мудрому.

А в 1034 году Харальд со своей дружиной (около 500 человек) поступил на службу к византийскому императору, войдя в состав Варяжской гвардии. Как фиксируют источники: «Стремясь к военным подвигам и к приобретению

золота и драгоценностей, отправляется Харальд в Царьград (Miklagard) и поступает на службу к византийскому императору».

Достаточно быстро молодой варяг показал себя в бою, завоевав уважение гвардейцев. Уже к моменту вступления в Варангу он был подготовленным воином: «Восемь родов из телесных упражнений знаю я; дерусь храбро, сижу крепко на лошади, привык плавать, умею на коньках бегать, метая копье искусно, умею грести»¹.

Источник сообщает: «В то время Страною Греков правила конунгова жена Зоя Могучая вместе с Михаилом Калафатом. И когда Харальд прибыл в Миклагард и встретился с конунговой женой, он поступил к ней на службу. Осенью он отплыл на галере вместе с войском, и они плавали по Греческому морю. У Харальда была своя дружина. А предводителем войска был человек по имени Гюргир. Он был сородичем конунговой жены. Харальд пробыл в войске недолгое время, как веринги крепко с ним подружились и всегда были вместе с ним в битвах. Вскоре Харальд сделался предводителем всех верингов».

Европейский хронист Адам Бременский также говорит о вступлении Харальда в войско византийского императора в период правления Зои и ее будущего супруга, хотя и не

¹ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.). М., 2000. Т. 3. С. 257.

называет его имени. Весьма любопытно свидетельство саг, что Харальд поначалу не назвался своим именем и не открыл своего происхождения, а взял имя Нордбрикт, так как в Византии, по словам саги, небезопасно было пребывание сына властителя другой страны.

Византийский полководец XI века К. Кекавмен в советах и рассказах дает интересное описание пребывания Харальда в Византии, чему он, как следует из его текста, был очевидцем: «Привел он с собой и войско, пятьсот отважных воинов. ...Он прибыл, и василевс его принял как положено, затем отправил Аральта (Харальда. — *А.О.*) с его войском в Сицилию (ибо там находились ромейские военные силы, ведя войну на острове). Придя туда, он совершил великие подвиги. Когда Сицилия была подчинена, он вернулся со своим войском к василевсу, и тот почтил его чином манглавита. После этого произошел мятеж Деляна в Болгарии. Аральт участвовал в походе вместе с василевсом, имея при себе свое войско, и в борьбе с врагами совершил дела, достойные его благородства и отваги. Покорив Болгарию, василевс вернулся. Впрочем, сражался и я тогда за василевса по силам своим. Когда мы прибыли в Мосинополь, василевс, награждая Аральта за то, что он участвовал в войне, почтил его титулом спафарокандидата. После смерти Михаила и его племянника — экс-василевса — Аральт при Мономахе захотел, отпросясь, уйти в свою страну. Но не

получил позволения — выход перед ним оказался закрытым. Все же он тайно ушел и воцарился в своей стране вместо брата Юлава. И Аральт не роптал из-за того, что удостоился [лишь] ранга манглавита или спафарокандидата! Более того, даже будучи королем, он сохранял верность и дружбу к ромеям»¹.

Харальд, находясь на службе у византийского императора, принял участие в целом ряде сражений. Вот основные вехи его 10-летней службы империи:

1034—1036 гг. — участие в походах против пиратов в Малой Азии и Сирии.

1035—1037 гг. — поход в Азию, в частности в Сирию и Месопотамию; 1036 г. — поездка в Иерусалим. Саги также говорят об участии Харальда в войнах с сарацинами и о его путешествии в Иерусалим: «Он дошел вплоть до Йордана», «совершил богатые приношения Гробу Господню и Святому Кресту и другим святыням в Йорсалаланде».

1036—1040 гг. — отряд Харальда входит в состав византийской армии в сицилийском походе. Операции против Сицилии осуществлялись под командованием талантливого византийского полководца катепана Италии Георгия Маниака, которого саги называют Гюргир. Кекавмен сообщает, что после возвращения из Сицилии Харальд получил

¹ Кекавмен К. Советы и рассказы. СПб., 2003. С. 300—301.

чин манглабита — «обычный для воинов отряда телохранителей василевса». Считается, что термин «манглабит» означал и «капитан судна». Возможно, к Харальду Кекавмен применял термин именно в этом значении, но, скорее всего, речь шла об официальном чине военно-дворцовой иерархии. Более значимым, чем ранг, обстоятельством была определяемая этим чином степень приближенности к первому лицу в государстве.

Сицилийский поход — золотое время службы молодого скандинава византийской короне. Сам Харальд писал в своей оде о сицилийской экспедиции: «Корабли мои совершили плавание в Сицилию, то были дни нашего сияния, нашего великолепия; мой темноцветный корабль, нагруженный людьми, поспешно летел по моему желанию; упражнен войнами, я думал всегда так плавать...»¹

В 1041 году в составе Варяжской гвардии Харальд принимает участие в подавлении болгарского восстания Петра II Деляна. По сведениям скандинавских саг и болгарской летописи, Харальд лично убил болгарского царя в сражении. После этих событий он якобы стал командиром всей гвардии. Об этом говорит Кекавмен, на это указывает и прозвище, данное Харальду скальдом Тьодольвом Арнорссоном, — *Bolgara brennir* («уничтожитель болгар»).

¹ Джаксон Т.Н. Указ. соч.

С этим военным предприятием связывают и руническую надпись на пирейском льве, перечисляющую ряд имен, среди которых фигурирует имя Харальда Высокого. После болгарского похода Харальд удостоился титула спарофокандата, который жаловался друзьям империи из числа иноземцев.

Так или иначе, относительно средний уровень титулов, полученных Харальдом в Византии, может свидетельствовать о нежелании византийского двора как-то особенно выделять командира наемного отряда. Император в этом вопросе полностью солидарен с точкой зрения К. Кекавмена, выраженной в форме совета василевсу: «Иноплеменников, которые не из царского рода своей страны, не возвышай присвоением больших титулов и не доверяй им высоких должностей. Ведь, поступая таким образом, ты неизбежно унизишь и себя самого, и своих архонтов-ромеев. В самом деле, если ты почтишь явившегося [к тебе] иноплеменника из престолярства должностью примикирия или стратига, то какой достойный военный пост ты можешь дать ромею? Конечно, ты превратишь ромея в [своего] врага... Весьма полезно для Романии, государь, не оказывать честь иноплеменникам, ставя их на высокие посты. Если они будут служить за одежду и хлеб, знай, что будут исполнять службу верно и преданно, посматривая на длань твою в ожидании нескольких номисм и хлеба.

А когда ты удостоишь иноплеменника более высоким титулом, чем титул спафарокандидата, с того момента он будет небрежен и перестанет служить тебе верно»¹.

В 1042 году Харальд и его воины принимают активное участие в дворцовом перевороте, в результате которого император Михаил V Калафат был свергнут и ослеплен. Известный византиевист Г.Г. Литаврин склонен считать, что с самого начала своего правления Константин Мономах «проявлял недоверие к русским и варягам, верно служившим ненавистным новому императору Пафлагонцам». А Харальд, кроме всего прочего, был в дружественных отношениях с Ярославом Мудрым, с которым у взошедшего на престол Константина Мономаха сразу же сложились натянутые отношения, завершившиеся открытым столкновением в 1043 году. Неудивительно поэтому, что император выдвинул против Харальда обвинение в незаконном присвоении государственных средств.

В тюрьме Харальд оказался вместе с двумя своими спутниками, Халльдором Сноррасоном и Ульвом Оспаксоном. Слух о заключении Харальда в тюрьму разнесли по северным странам варяги, служившие в Константинополе. Спасаясь от суда, Харальд и его товарищи по несчастью (а также многие из воинов отряда) были вынуждены бе-

¹ Кекавмен К. Указ. соч. С. 295.

жать из столицы, укрывшись в Киеве. Это бегство Харальд осуществил на своем корабле. Бегство протекало непросто. Бухта Золотой Рог была перегорожена цепью. Разогнав судно, Харальд приказал, когда цепь была рядом, всем своим спутникам быстро перебежать на корму: нос судна поднялся над цепью. Тогда Харальд велел всем бежать на нос — и корабль благополучно перевалил через цепь. Рассказ саг о бегстве Харальда из Константинополя подтверждает и К. Кекавмен: «Все же он тайно ушел...» Согласно легенде, одной из причин ареста Харальда стала любовь к нему племянницы императрицы Зои — Марии.

В 1043 году князь Ярослав, используя как предлог «убийство одного знаменитого русского в Царьграде» (Константинополе), послал своего сына — новгородского князя Владимира — совместно с Харальдом в поход на императора Константина Мономаха. Поход закончился миром, заключенным в 1046 году.

Зимой 1043/1044 годов Харальд стал зятем Ярослава, взяв в жены Елизавету Ярославну. Будущий король Норвегии приложил много усилий, чтобы завоевать любовь девушки, — ода Харальда, перечисляя его умения, навыки и военные заслуги, в каждом четверостишии содержит слова: «Однако не мил я русской красавице».

Харальд участвовал в боевых действиях на всех театрах военных действий Византии — в Месопотамии, Палести-

не, на Сицилии. В период службы он добыл огромное количество золота и драгоценных камней, часть этой добычи на протяжении ряда лет отсылал на хранение Ярославу Мудрому. Сага Харальда так комментирует эти обстоятельства: «Харальд провел много зим в Африке, взял там много золота, разного рода великолепных драгоценностей и замечательных камней. Но все то богатство, которое он брал и которое не было нужно ему для использования со своим войском, он посылал со своими верными людьми на север, в Хольмгард (Киев. — *А.О.*) во власть и на хранение конунгу Ярицлейву. Там собралось [такое] большое богатство, какое было возможно, когда он воевал в той части мира, которая была богаче всех остальных золотом и серебром, и такое большое, каким он его сделал, и раньше было сказано о том, что он захватил восемьдесят городов. Он сражался с самим конунгом Африки, и победил, и завладел большей частью его государства»¹. Другой источник гласит: «Отправился он тогда со своим войском на запад в Африку, которую веринги называют Серкландом». Серкланд обычно понимается как «Земля сарацин» — т.е. сарацинские земли в Азии, Сирии и Месопотамии — земли, принадлежавшие халифу Багдадскому. Хотя, согласно источникам, византийцам на Сицилии пришлось сражаться и с африканскими вой-

¹ Джаксон Т.Н. Указ. соч. С. 114—115.

сками. Все же первый театр военных действий, где отличился Харальд Хардрада, — район Евфрата, Месопотамии и Сирии.

Интересен вопрос об отсылаемом на хранение князю Ярославу имуществе. В соответствии с норвежскими законами Харальду не стоило посылать богатства, добытые во время его византийской службы, к себе на родину. Согласно статье 47 «Законов Гулатинга», человек, покидающий Норвегию, мог назначить управляющего своим имуществом на срок в три года. По прошествии трех лет его имущество автоматически переходило к наследникам. В том же случае, если он уезжал в Византию, наследники вступали в свои права незамедлительно. В этом случае помощь Ярослава, принимавшего, хранившего и возвратившего Харальду его имущество, можно считать неоценимой.

Вернувшись домой после насыщенной событиями византийской службы, являясь обладателем большого боевого опыта, Харальд стал реализовывать собственные стратегические планы. Византийское и трофейное золото послужило начальным капиталом для их реализации.

Во главе армии в 1045 году Харальд прибыл в Швецию и сразу стал угрозой для короля Норвегии и Дании Магнуса — своего племянника. Магнус сделал в 1046 году Харальда своим соправителем в Норвегии. Но уже через год умер, перед смертью провозгласив своими наследниками:

в Дании — Свена II Эстридсена, а в Норвегии — Харальда III Хардраду.

Харальд, не согласившись с таким разделом, начал войну со Свеном за датскую корону. Датчане терпели поражение за поражением, практически каждый год норвежские корабли разоряли прибрежные селения. В 1050 году Харальд разграбил и сжег дотла Хедебю — главный торговый центр Дании, а в 1062 году в крупном морском сражении в устье реки Ниссан разгромил флот Свена. Тем не менее, несмотря на все победы, Харальду не удалось завоевать Данию, так как знать и простые жители поддерживали Свена. В 1064 году Харальд отказался от притязаний на датский трон и заключил со Свеном мир.

Кроме долгой и кровопролитной войны с Данией Харальд в 1063—1065 годах воевал со Швецией, король которой поддерживал оппозиционных ему ярлов. В сражении при Венерне (1063 г.) Харальд разбил объединенное войско шведов и мятежных упландцев. Хардрада проводил жесткую централизаторскую политику, в период его правления христианство окончательно закрепилось на всей территории Норвегии. Кроме ведения войн Харальд заботился об упрочении торговли, именно он в 1048 году основал торговое поселение Осло, ставшее впоследствии столицей Норвегии.

Погиб Харальд Хардрада 25 сентября 1066 года в битве при Стамфорд-Бридже, около города Йорк, сражаясь с войском короля Англии Гарольда Годвинсона. В походе Харальда сопровождали жена Елизавета Ярославна, сын Олаф и обе дочери. Старшего сына король оставил в Норвегии, провозгласив его конунгом. Хардрада высадился в Северной Англии с силой приблизительно 15 тысяч воинов на 300 кораблях и 20 сентября разгромил первые встреченные им английские войска в битве у Фулфорда. Но через 5 дней его армия была полностью разбита в битве при Стамфорд-Бридже — сам король получил в этом бою смертельную рану: стрела вонзилась ему в горло.

Таков был конец самого знаменитого командира Варяжской гвардии. Боевого опыта и финансов, накопленных на службе империи, ему хватило, чтобы стать королем, причем королем, объединившим Норвегию. Неизвестно, как бы сложилась судьба Англии, если бы не роковая стрела. Вполне возможно, Харальд носил бы две королевские короны, а Вильгельм Завоеватель Норманнский — ни одной.

Уже с момента прибытия в Византию Харальд занял офицерскую должность — стал командиром своего отряда в составе Варанги. Как писал В.Г. Васильевский, Харальд «со своими скандинавскими товарищами не просто служили наряду с русскими... а составляли особый отряд в иностранном греческом корпусе». Как уже отмечалось,

Харальд Сигурдсон занимал посты манглабита и спафаро-кандидата.

В истории Харальд Хардрада остался не только как «последний викинг», король Норвегии и основатель Осло, но и как один из богатейших людей своего времени. Причем это богатство он приобрел исключительно за счет личных усилий и заслуг. О большом богатстве Харальда, приобретенном в Византии, говорит Адам Бременский: «Став воином императора, он участвовал во многих битвах против сарацин на море и скифов на суше, прославившись доблестью и скопив большое богатство». Помимо указанных источников такого богатства (военная добыча, подарки императора, троекратное участие в коронации, троекратное исполнение обычая взять то, что хочется, после смерти императора) немаловажным было и то, что после ослепления Михаила Капафата, в котором Харальд должен был участвовать, он мог оказаться среди толпы, штурмовавшей дворец, — и именно тогда он учинил то, что сага назвала грабежом царских палат.

Кроме того, существует точка зрения, что, с одной стороны, варяги-гвардейцы могли использоваться для сбора податей в тех местностях, где регулярные сборщики дани не могли справиться без военной поддержки, а с другой — наемники, будучи на длительное время расквартированы в какой-либо византийской провинции, должны были полу-

чать с местного населения специальный налог. В любом случае, если он привлекался для сбора налогов, то возможности для присвоения государственных средств и личного обогащения у Харальда, несомненно, были.

При участии в сборе дани, согласно русской традиции, варяги получали одну треть. Интересно, что одну треть добычи получал и корпус русов в Византии во время похода Василия II на Болгарию (еще одна треть шла императору и треть — греческому войску). Если к возможности присвоения значительных средств прибавить надежный канал для их хранения, то очевидно, что Харальд не мог не стать очень богатым человеком. И случилось это, согласно источникам, в тот момент, когда Харальд взял все то золото и всякого рода драгоценности, которые он посылал Ярославу из Византии, — «под свою власть, в свое распоряжение».

Нужно также помнить, что Харальд, помимо того что являлся византийским офицером, был командиром русской службы и зятем великого князя киевского, т.е. относился к уже упомянутым варяго-русам. На почти 10 лет службы императорской короне приходились 7 лет службы киевскому престолу.

Другой известный варанг — Болли Болласон (родился около 1006 г.). Это был варяг исландского происхождения, первый получивший известность на Западе варяжский гвардеец. Он также дослужился до чина манглабита.

По возвращении домой из-за своей блестящей экипировки стал известен как «элегантный Болли». Персонаж нескольких скандинавских саг. Так же как и Харальд, вернулся на родину богатым человеком.

У Болли было тяжелое детство, он рано увидел гибель родственников. В 18 лет включился в борьбу за отцовское наследство. Болли с братом очутились в Норвегии при дворе короля Олафа II, где обратили на себя внимание отличной экипировкой и вооружением. После посещения Дании Болли оказался в Константинополе и много лет верой и правдой служил империи в рядах Варяжской гвардии. Саги называют его «самым отважным во всех делах, достойных мужчины». Болласон в бою был всегда в первых рядах и получил из рук императора Романа III ряд наград.

Болли и его 12 отборных воинов уже в момент схода с корабля на берег привлекли к себе всеобщее внимание — одеты во все алое, позолоченные седла, красные щиты. Сам Болли выделялся роскошным поясом, позолоченным шлемом, алым плащом, мечом с золотой рукоятью.

Умер Болли Болласон в период правления Харальда III Хардрады — своего однопольчанина по Варяжской гвардии. Это яркий представитель чисто скандинавского контингента в составе Варяжской гвардии.

Эдгар II (1051 — около 1126 гг.) — последний член семьи англосаксонских королей дома Уэссекса и представи-

тель англосаксонской части Варанги. Эдгар был провозглашенным (но некоронованным) королем Англии в период нормандского завоевания 1066 года. Активно участвовал в англосаксонском сопротивлении Вильгельму Завоевателю, но был вынужден покориться и оставить претензии на английский престол. После смерти короля Эдуарда Исповедника в начале 1066 года Эдгар остался единственным представителем мужского пола английской королевской династии. Однако он был еще ребенком, не способным возглавить страну в условиях резко возросшей внешней угрозы. Поэтому 5 января 1066 года королем Англии был избран Гарольд Годвинсон — будущий Гарольд Храбрый. После гибели последнего при Гастингсе Эдгар возглавил оппозицию и сопротивление норманнам.

Приблизительно в 1098 году Эдгар отправился в паломничество на Восток, но остановился в Константинополе, присоединившись к гвардии варангов. В Варяжской гвардии он служил дольше многих английских эмигрантов. Император Алексей I Комнин вскоре поставил его во главе флота и, определив задачу охранять крестоносцев от атак с моря, поручил собрать информацию об Антиохии на случай осады последней. Неизвестно, как долго Эдгар и его люди оставались на службе императора, — известно, что примерно в 1106 году они вернулись в Европу.

Это, если можно так выразиться, «звезды» Варяжской гвардии. Но рунические камни и другие источники проливают свет и на имена других варяжских воинов, служивших в гвардии императора.

Среди них — Гудлог Ленивый, умерший в «стране лангобардов». Его камень датируется 1050—1080 годами¹. В этот период империя вела ожесточенные войны в Италии против норманнов и мусульман. 1071 год — время сражения за г. Бари, где активно действовали варяжские гвардейцы. Возможно, жизненный путь молодого скандинава пресекался именно в это время.

О судьбе еще одного варяга, Ярлабанке, лаконично сказано: «Он умер в Греции».

Некоторые камни, как камень Ульфа Баресты (1010—1050-е гг.), даже исполнены в т.н. русско-византийском стиле и несут на себе изображения христианской символики.

Уникальным памятником пребывания скандинавов в Византии являются надписи на пирейском льве. Надпись изысканно орнаментирована и достаточно нетрадиционна по содержанию, среднешведского происхождения. Одна надпись называет (помимо того, что упоминает о том, что все воины участвовали в подавлении какого-то восстания,

¹ *Edberg R., Mattias E., Vanehem M. Runriket — en handledning. Stockholm, 2007. S. 28.*

по-видимому, Петра Деляна) имена Гакона, Ульфа, Асмунда, Ерна и «Гаральда Высокого», которые наложили значительные подати на жителей Афин. Другая гласит: «Сразили его среди войска, а в этой гавани мужи высекли руны по Хорси, доброму мужу, в заливе». Третья же сообщает: «Поместили swei это (т.е. надпись. — *A.O.*) на льве... [Он] действовал с умом, золото завоевал, поехав...» По всей вероятности, над граффито пирейского льва трудилось целое подразделение варягов.

Имеются варяжские надписи и в храме Святой Софии в Константинополе — некто Хальфдан отметился в истории подобным образом.

Показательно, что из 53 рунических камней в Упланде (Швеция) в 18 повествуется о Византии.

Рунный камень, найденный в местечке Эд под Стокгольмом, повествует о громких подвигах в далеком Эгейском море: «Руны высечены по велению Рагнвальда. Он был в Греции во главе войска».

Из одной надписи мы узнаем, что «Далк попал в плен в дальних краях. Эгиль ушел в экспедицию с Рагнаром в Румынию и Армению».

Другая гласит: «Он был на Западе и на Востоке».

Или: «Свейн и Ульф воздвигли камни в память Хальвда-на и в память Гуннаре, их братьях. Они встретили свой конец на Востоке...»

Вот типичная надпись о судьбе варяжского воина: «Умер в южных странах, в Серкланде». По представлениям скандинавов раннего Средневековья, Серкланд располагался за пределами южной части Каспийского моря, но позже таковым считались сарацинские земли — владения арабского халифата.

Или: «Путешествовал на Восток с Ингварем (в русской транскрипции “Игорем”), умер в Серкланде»; «Погиб на Востоке с Ингварем»; «Он был на Востоке с Ингварем».

Одна из надписей очень лаконична: «Харальд, брат Ингваря», другая сообщает о том, что воин «управлял кораблем на Востоке, был с Ингварем».

Всего существует 9 рунических камней со ссылкой на экспедицию Ингваря (в основном из районов Швеции).

Эти надписи отражают судьбу воинов конунга по имени Ингварь. Считается, что это имя шведского принца (умер в 1042 году), который является героем исландской саги Ингваря. Сага была написана в начале XIII века на основе ныне утраченной более древней поэмы.

Из 16 имен воинов, нашедших отражение в известных скандинавских сагах, 10 принадлежат исландцам, 4 — норвежцам, 1 — датчанину и 1 — шведу. Эти надписи в основном отражают вторую, чисто скандинавскую волну контингента Стражи — в большинстве (10 имен) относясь к 1-й половине — середине XI века. Среди имен помимо Ха-

ральда Хардрады — Ульф, Асмундар, Ханродар, Халлдор и другие. Исландец Дромундр, например, служил в 1030 году и «был на корабле в Средиземном море».

Есть около 30 рунических надписей, касающихся только Греции. Из 30 шведов, чьи имена отражены в этих надписях, подавляющее большинство относится к 1-й волне контингента Варанги — это конец X — начало XI века. Среди 28 имен более привычные для уха руса имена — Рагнвальд, Гуннар, Фзур, Ормулф и др. Причем, что очень важно, 7 камней имеют христианскую символику либо надписи. Одна же надпись прямо гласит: «(Он) был в Греции командиром свиты».

Мы знаем о том, что в Варанге служили Кольскегт (вскоре после 989 г.), Гест Торхалльссон и Торстейн Стюрссон (около 1011 г.), Барди (между 1022 и 1025 гг.). Вскоре после 1016 года побывал в Константинополе датчанин Эйлив Торгильссон, «брат ярла Ульва». Как сообщают источники: Торкель «ходит под рукой» византийского императора, Эйвинд служит «в дружине» и т.д. Кольскегт же не только «пошел на службу», но и стал «предводителем войска варангов». «Служит в числе варангов» Гест и следующие за ним десятки скандинавов.

На рубеже 1079—1080 годов некто Олег Святославич, воин Варяжской гвардии, был выслан из столицы на остров Родос. Возможно, из-за этого случая русские (ва-

ряги) перестали так охотно стремиться на службу в Константинополь, а византийцы стали их постепенно заменять англосаксами.

Получил известность и некто Хардигт, англосакс по происхождению. Вступив в конфликт с двумя греками, он явился во дворец для суда императора (еще одно свидетельство судебного иммунитета Варанги). Коварные греки, подкараулив идущего по дворцу воина, выпустили из клетки льва. Хардигт убил зверя голыми руками, ударив его головой о дворцовую колонну, а затем расправился и с обоими злоумышленниками. Пораженный его силой и мужеством, император Алексей Комнин назначил его начальником своей охраны, а впоследствии — главой военно-морских сил империи.

Идеалом судьбы воина-варяга на византийской службе можно считать слова одной из саг: «Он нес императорскую службу. Последнее, что было слышно о нем, — это что он взял себе там жену, и был начальником над варягами, и остался там».

4. ВООРУЖЕНИЕ, СНАРЯЖЕНИЕ И УНИФОРМА

В комплексе вооружения и снаряжения воина Варяжской гвардии переплетались как национальные элементы, так и собственно византийские. Император, военный практик Никифор II Фока отмечал, что для получения необходимо-

го эффекта каждый боец должен действовать тем оружием, к которому привык¹.

Прибывая на службу со своим оружием, варяги впоследствии получали вооружение с византийских арсеналов (прежде всего это касалось оборонительного снаряжения), использовалось также и трофейное оружие. Для позднего периода истории Варанги (XIV—XV века) национальные особенности почти сгладились — система вооружения стала носить универсальный общеевропейский характер.

Начнем с наступательного вооружения.

Визитной карточкой Варяжского караула стали знаменитые секиры. О них пишет применительно к наемным отрядам на византийской службе упоминавшийся выше Никифор Фока. Некоторые современные авторы указывают, что секиры были принадлежностью русской эпохи истории гвардии, в то время как мечи — англо-скандинавского периода. Это неверно. Секиры оставались атрибутом Варяжской гвардии в течение всего времени ее существования, причем являлись оружием не только церемониальным, но и боевым. Источники четко свидетельствуют об этом.

Так, когда византийцы к концу 1031 года овладели Эдессой, в составе их армии был отряд варягов, вооруженных,

¹ *Никифор II Фока*. Стратегика. СПб., 2005. С. 6.

как во времена войн Святослава с греками, — топором или секирою¹.

В описании триумфа Константина Мономаха 1043 года отмечаются меченосцы, жезлоносцы и те, которые потрясают на правом плече секирами².

Свидетельство М. Пселла о переговорах с Исааком Комнином: «...одни были подпоясаны мечами, другие потрясали железными секирами...»³

Он же об охране императриц Зои и Феодоры: «Вблизи находились жезлоносцы, копьеносцы и ...которые потрясают секирою на правом плече». В событиях, связанных с юным императором Михаилом, принимали участие «щитоносцы, потрясающие на своем плече некоторого рода секирой, с одной стороны острой и тяжеложелезной».

Анна Комнина в рассказе о событиях, связанных с ее отцом Алексеем, упоминая элитную пехоту, попеременно говорит как о секирах, так и мечах, бывших на их вооружении. Ведь англосаксонский топор не менее известен, чем русская секира. Лев Диакон пишет, что топор или секира — более признак культурного состояния, чем национальной принадлежности.

¹ Chronique de Matthieu d Edesse. Paris, 1858. P. 49.

² Пселл М. Хронография. Краткая история. С. 142.

³ Там же. С. 148.

Мы можем встретить «варангов императора Алексея» в сражении при Диррахии, вооруженных длиннорукоятчатыми двузубцами. Супруг Анны Комнины Никифор Вриенний в своих «Исторических записках» (987—1087-е гг.) упоминает Стражу трижды. Во-первых, давая ей характеристику, отмечает, что «этот народ прибыл из варварской страны, находящейся близ океана, и издревле отличался верностью ромейским василевсам, вооружась щитом и нося на плечах секиру»¹. Причем эти же воины, идя по улице, ударяли в щиты по обычаю и бряцали взаимноскрещиваемыми мечами — яркое свидетельство вооружения гвардейцев и мечом, и секирой одновременно. Во-вторых, в бою у Зомпского моста центр армии под командой кесаря составляли «варвары, вооруженные щитами и секирами, которым всегда вверялось охранение царского дворца»². Наконец при Алексее Комнине упоминаются «вооруженные бердышники — царская стража»³.

¹ Вриенний Н. Исторические записки (976—1087 гг.). М., 1997. С. 53.

Никифор Вриенний (1062—1137) — византийский государственный деятель эпохи Комнинов. От императора Алексея Комнина получил чин кесаря. Был мужем Анны Комнины. Является автором исторических записок, охватывающих период с 976 по 1087 год, одного из важнейших источников по истории Византии этого периода.

² Вриенний Н. Указ. соч. С. 83.

³ Там же. С. 133.

По свидетельству византийского чиновника и историка Георгия Акрополита, когда в 1190 году армия Исаака II Ангела втянулась в ущелье, болгары напали на византийцев сверху со всех сторон, и телохранителям императора пришлось секирами прорубать дорогу среди повозок обоза и охваченных паникой собственных воинов для бегства императора с приближенными.

Роберт де Клари¹ в событиях о взятии Константинополя в 1204 году упоминает англичан и датчан с топорами, стоящих от ворот до Влахернского дворца.

Никита Хониат² пишет о Страже германской, вооруженной секирами. «Секироносные варвары их сталкивали с набережных подъемов и многих ранили» — это также о событиях 1204 года в Константинополе.

Иоанн Кантакузин в своей «Истории» писал о императорской Страже (в связи с коронацией Андроника Третьего в 1316 году), что так называются «варанги с их секирами». Последнее упоминание об англичанах, вооруженных то-

¹ Де Клари Роберт (ок. 1170 — после 1216) — французский хронист, участник 4-го Крестового похода, автор труда «Завоевание Константинополя».

² Хониат Никита — родился в середине XII века и умер, видимо, вскоре после 1206 года. Занимал должности великого логофета, начальника царской спальни, филиппопольского губернатора. К 1204 году был сенатором в Константинополе. Когда крестоносцы взяли Константинополь, бежал в Никею. Автор «Истории» Византии с 1118 по 1206 год.

порами и состоящих на византийской службе, относится к 1404 году.

Применялись топоры четырех типов. Самый ранний — так называемый «бородатый топор» (skeggox). Кроме оттянутого вниз лезвия его отличала прямая верхняя грань. Нижняя часть режущей кромки заметно длиннее верхней. Режущая кромка — до 15 см, рукоять — до метра длиной. Лезвие «бородатых» топоров было перпендикулярно верхней грани и понемногу скруглялось книзу, что помимо рубящих придавало топору и некоторые режущие свойства. Кроме того, такая конструкция позволяла брать топор под обух, так что лезвие прикрывало руку — это было удобно в бою. К тому же выемка уменьшала вес топора.

Известен также топор с короткой рукоятью и узким лезвием. Он был излюбленным оружием офицерского корпуса Варанги.

Со временем «бородатый» топор сделался крупнее, превратившись в топор с широким лезвием на длинной рукояти (breidox). Этот тип отличался серповидным лезвием. Такая секира делалась из высокопрочного металла, ширина лезвия достигала 30 см, длина режущей кромки — 23 см, а общая длина (по периметру загнутого края) лезвия — 45 см. Иногда режущая кромка делалась из закаленной стали, приваренной к самому топору. Средняя длина топорща — 1,25 м, а общая длина оружия — 1,5—1,8 м. Эта

секира (или датский двуручный боевой топор) — излюбленное оружие англо-датской Варанги.

Наконец, в дворцовый период истории Стражи появляется церемониальный, или парадный, топорик. Все виды топоров могли богато украшаться серебряной и золотой инкрустацией.

Вообще боевой топор — самое эффективное оружие Средневековья, вплоть до появления алебарды, производившее неизгладимое впечатление как на самих византийцев, так и на их разнообразных противников. Это идеальное оружие, наносящее тяжелейшие телесные повреждения как человеку, так и лошади. Как показывает исторический опыт, боевой топор губителен против любого доспеха, позволяет одним ударом отсечь лошадиную голову, разрубить щит или развалить надвое человека. Топор эффективно подрубал древки копий. Воин, вооруженный топором, держал топорище левой рукой сверху, а правой снизу. Это позволяло делать замах против правого бока противника, не прикрытого щитом. Удар топора было практически невозможно парировать.

Оружие показало отличные результаты и против тяжелой кавалерии — в боях с рыцарской норманнской конницей Варяжская гвардия выходит победителем в большинстве случаев (разгром же ее в сражении при Диррахии в 1081 году был вызван ударом во фланг Варанге). На гобеле-

не из Байо, посвященном битве при Гастингсе, видно, как хускарл ударом секиры свалил всадника вместе с конем.

Секира — страшное оружие, применимое не только в прямом боевом контакте. Так, в 1122 г. в бою у Эски-Загре, действуя секирами, гвардейцы императора Иоанна II Комнина прорубили себе дорогу в печенежских повозках, окружавших кольцом лагерь кочевых хищников. Интересно, что долго оборонявшиеся и успешно контратаковавшие под прикрытием такого своеобразного вагенбурга печенеги ничего не смогли противопоставить яростной атаке гвардейцев-секироносцев.

Боевой топор (секира) — национальное оружие русско-варяжских и англосаксонских воинов Варяжской гвардии. Фактически это региональное оружие воинов Северной Европы. Так, телохранители короля Дании, Англии и Норвегии Кнута Великого вооружались только топорами. Позднее вооруженные топорами хускарлы охраняли и английских королей. Появившись в качестве образца основного наступательного вооружения первых воинов Стражи, с которым они прибыли на службу, он стал впоследствии неизменным элементом вооружения варанга. Это оружие сочетало в себе эффективные боевые свойства с национальным колоритом его носителей, по сути дела, обессмертив всю воинскую часть.

В Восточной Римской империи двуручный топор (секи-ра) — оружие, характерное исключительно для Варяжской гвардии. В византийской же армии боевые топоры всегда держали одной рукой, оставляя вторую руку свободной для щита. Двуручные топоры, хотя и имелись в арсенале, использовались только как инструмент для рубки дров.

До сих пор неясно, имелись ли на вооружении Варяжской гвардии ромфайи. Ромфайя — традиционное оружие римских охранных подразделений, дворцовой стражи и гвардии. Это холодное оружие ближнего боя, имевшее немного изогнутое, односторонне заточенное лезвие на рукояти, которая была длиннее острия (есть точка зрения, что равна длине острия). Лезвие длиной до 80 см, изгиб его ярко не выражен. Попадались ромфайи и с прямым лезвием. Ромфайя могла использоваться как колющее, так и рубящее оружие. Принцип действия очень походил на таковой у длинного японского меча (катаны), с той лишь разницей, что для усиления режущего эффекта катаны был необходим оттяг, а у ромфайи, наоборот, давление. Для идеального распределения сил существовала длинная удобная рукоять, чем во многом обуславливалась значительная устойчивость и надежность оружия. Есть свидетельства, что ромфайя была на вооружении римской армии со II—III веков нашей эры.

В Византийской империи ромфайя — оружие, которым обладала исключительно императорская гвардия. Если оно и было в арсенале варягов, то использовалось как парадно-церемониальное, хотя исключить отдельные случаи боевого применения мы также не можем. Болгарские археологи находят отдельные экземпляры этого интересного оружия. Три экземпляра ромфайи (правда, с более короткими лезвиями) были найдены на месте одной из грузинских крепостей, где в XI веке стоял варяжский гарнизон.

Анна Комнина говорит о ромфайе как об альтернативе мечам и копьям, используя для нее термин, отличный от того, каким она называет боевой топор. М. Пселл также упоминает однолезвийное оружие, лежащее на плече у гвардейцев, также различая секиры и ромфайи.

Как уже говорилось выше, кроме топора на вооружении варягов были также мечи и копья. Анна Комнина пишет о мечах варягов на правом плече¹. Мечи² — это самый дорогой вид оружия Средневековья. Меч был оружием доблестных воинов, профессиональных солдат. Хороший меч чрезвычайно ценился воином, часто передавался по наследству. Многие из мечей имели собственные имена.

¹ Комнина А. Алексиада. СПб., 1996. С. 3, 9, 91.

² Английский источник X века указывал, что за хороший меч давали 120 быков. Качество русских мечей высоко ценилось. В восточной литературе упоминания о них не исчезают до XV века.

В период XI—XIII веков мечи на вооружении Варяжской гвардии были, как правило, обоюдоострые, в среднем 80—90 см длиной, ширина клинка достигала 5—5,5 см. Длина рукояти — до 10 см. Масса — 2 кг. Для уравнивания тяжелого клинка на конец рукоятки ставилась массивная 3- или 5-дольная, позднее — дисковидная головка.

С XIII века перекрестье меча вытягивается в длину и достигает 18—20 см (при обычной длине перекрестья в предшествующий период — 9—12 см). Длинное перекрестье лучше предохраняло руку от скользящих вдоль лезвия ударов противника. Обычное для конца X—XII веков искривление перекрестья сменяется в XIII веке его прямолинейностью. Так возникли мечи с полуторными рукоятками, а затем и двуручные, позволявшие нанести более мощный удар. Клинком XII—XIII веков могли колоть, но основным назначением меча вплоть до середины XIII века по-прежнему оставалась рубка.

У варягов ценились сила удара и его вес, а не количество выпадов или искусство фехтования. Рукоять и клинок украшались золотом, серебром, медью или чернью.

Ножны деревянные, покрыты обработанной кожей, на конце — металлическая оковка. Носился меч на левом бедре (подвешен к поясному ремню или на перевязи через правое плечо). Ремни, перевязи, пряжки также украшались.

В поздний период истории гвардии применялись как европейские мечи, так и сабли византийского образца. Особенно эффективны в бою в этот период были двуручные немецкие мечи XV века.

Использовались гвардейцами-варягами также кинжалы различных типов. Кинжал — вспомогательное оружие. В X—XI веках был наиболее распространен так называемый сакс (в скандинавском варианте — скрамасакс). Длина клинка такого оружия доходила до полуметра, толщина — свыше 5 мм, заточка односторонняя, хвостовик, как правило, асимметричный. Большинство клинков — широкие, тяжелые, с прямой спинкой, переходящей в острый конец. Скрамасаксы использовались в Европе, находили применение и на Руси.

Клинок скрамасакса был достаточно толстым и мог достигать до 8 мм в толщину у обуха. В силу веса такого кинжала колющие удары были страшны по силе — он протыкал и хорошую кольчугу, и кожаный доспех. В ряде европейских государств в период раннего Средневековья скрамасаксы конкурировали с мечами.

Клинок украшался серебряной инкрустацией либо инкрустацией из медной или бронзовой проволоки. Гарда кинжала даже если имелась, была небольшой. Щеки рукоятки изготавливались из древесины, иногда украшались резьбой. Интересно, что головка рукоятки скрамасакса ча-

сто выполнялась в виде головы ворона — варяжской эмблемы.

Скрамасаксы носились в ножнах на бедре воина — ножны соединялись с поясом посредством серии бронзовых колец. Ножны некоторых скрамасаксов изготовлены из деревянных пластин, покрытых кожей, подобно ножнам мечей. Ножны кинжала также богато украшались.

Асохик упоминает наличие на вооружении Варяжской стражи Василия Болгаробойцы копий и щитов¹. Копье — основной элемент в комплексе вооружения средневекового воина, это универсальное оружие. Копья можно было использовать как в ближнем бою, так и на расстоянии.

Форма наконечника — листовидная либо ромбовидная. Копья для метания имели более тонкие наконечники. Часто наконечники имели огранку, снабжались т.н. «крыльями». Эти «крылья» не давали копьё войти в жертву слишком глубоко (и тем самым сделать последующее извлечение более сложным) и позволяли копейщику отражать удары с большей легкостью. Длина наконечника копья варьировалась от 15 до 30 см. Изготавливались наконечники копий из сварной стали. Интересно, что многие наконечники копий варяжских гвардейцев несли христианскую символику — между наконечником и древком копья помещался металли-

¹ Асохик. Всеобщая история. М., 1864. С. 200—201.

ческий крестик (он мог выполнять и функцию «крыльев»). Наконечники же других копий украшены изображениями двух воронов древнескандинавского бога Одина — Хугина и Мунина. Наконечники копий также украшались инкрустацией и геометрическими узорами.

Копье — эффективное оружие в руках опытного воина. Копьем также наносился мощный удар. Держалось оно одной или двумя руками. Это оружие позволяло не только колоть, но и наносить режущие удары, рубить, бить древком, парировать выпады противника. По-видимому, колющие копья имели древко длиной до 2 м. Типичным для X века являлось древко толщиной 2,5 см, в XII—XIII веках оно расширилось до 3,5 см.

Длинное копье было удобным оружием в момент начала рукопашного боя, но затем, когда противник оказывался уже слишком близко, копье приходилось бросать и действовать мечом или топором.

Защитное вооружение включало в себя прежде всего защиту корпуса. Качественный доспех позволял воину избежать множественности ранений — в условиях средневекового уровня развития медицины это было очень важно. Хотя Анна Комнина пишет, что у варягов были тяжелые доспехи, преобладала все же кольчужная защита (особенно в ранний период существования Стражи). Причем данная разница была более заметна на фоне пластинчатых

конструкций собственно византийских доспехов. К слову, кольчуги во времена Комнины были основным защитным элементом и собственно рыцарского снаряжения. Кольчуги имели короткие рукава и длину до колен — реже короче. Сказались русская и норманнская традиции. Как правило, в кольчужном полотне применялись перемежающиеся ряды колец: сплошные и клепаные. Кольца кольчуги равны в поперечнике 11—16 мм, диаметром 13—16 мм, шириной 2—4 мм при толщине 0,6—0,8 мм.

В XI веке длина кольчуг увеличилась. Например, кольчуга Харальда Хардрады доходила до середины икры и «была такая прочная, что никакое оружие не могло повредить ее». Саги называли варяжские доспехи «досадными и жаркими для боя». Варяжская кольчуга была длиннее византийской, но, как правило (попытка сэкономить в весе), с рукавами до локтя.

Фактически это уже хауберк — сплошной кольчужный доспех, включавший в себя кольчугу с капюшоном (подшлемником), кольчужным клапаном (прикрывал горло и нижнюю челюсть воина) и иногда рукавицами (капюшон и рукавицы могли надеваться отдельно либо составлять единое целое с кольчугой). Вес длинной кольчуги — 15—18 кг. Такой доспех был весьма дорогим за счет стоимости материала (железная проволока — от 20 до 60 тысяч колец),

времени изготовления (до года) и навыков, требуемых для производства, — так что обычные европейские пехотинцы редко были экипированы хауберками. Состоятельные варанги вполне могли себе это позволить. Хорошая кольчуга — это очень дорогая вещь, передаваемая по наследству, ведь срок ее службы при тщательном уходе фактически неограничен.

Точно и образно назначение этого доспеха описал великий ученый Востока Аль-Бируни: «Кольчуги предназначены для посрамления оружия (врага) в бою, они защищают от того, чем действуют противники, и от ударов, срубающих голову». Отличные технические и предохранительные свойства, гибкость и непроницаемость обеспечили кольчугам широкое распространение и популярность. Кольчуга оказалась в какой-то мере уникальным доспехом, сочетающим гибкость, подвижность, небольшую толщину и вполне приемлемую защиту против случайных и скользящих ударов. Впрочем, кольчуга никогда и не предназначалась для защиты от прямых рубящих ударов и уколов: она была призвана защищать в основном от скользящих (режущих) ударов — предполагалось, что прямые удары воин сможет отразить, приняв их на щит или меч. Тем более что главной защитой для варяга было умелое владение секирой. Ведь лучшая защита — это стремительная атака.

Не давала кольчуга надежной защиты и от обстрела из лука и арбалета на реальных дистанциях боя: уже в 50 метрах от стрелка воин в кольчуге не мог чувствовать себя в безопасности. Ярким примером является тяжелая неудача Варяжской гвардии в сражении при Диррахии — фаланга этериотов была во фланг расстреляна норманнскими лучниками. Как раз для такой ситуации повышенное значение приобретали щиты. Учитывая, что кольца кольчуги изготавливались из достаточно мягкого металла (кольца из твердой стали ломались при ударе), то такой доспех все же имел довольно слабую защиту (рассекался, протыкался и разрубался).

Поэтому под кольчугу с целью амортизации ударов надевался так называемый поддоспешник. На Востоке в качестве такового использовался ватник (вата в XIV веке была известна в Азии), а в Европе использовали стеганку (стеганую куртку, прошитую из 8—30 слоев холста и набитую паклей, щетиной или другим подобным материалом). Стандартный поддоспешник — это суконная, льняная или кожаная рубаха с прокладкой из шерсти или конского волоса. Поддоспешник не давал кольчуге оцарапать тело, смягчал удары, да и сам по себе служил дополнительным уровнем защиты.

Применялись также ламеллярные и чешуйчатые доспехи различных типов. Они могли надеваться на кольчугу. И те, и другие изготавливались из металлических пластин. Различие между чешуйчатыми и ламеллярными доспехами заключалось в том, что чешуя крепилась непосредственно к подкладке из кожи или ткани (при этом верхний ряд чешуи накрывал нижний), тогда как пластинки ламеллярного доспеха прежде всего соединялись между собой (при этом нижние ряды пластин накрывали верхние).

Размер пластин ламелляра мог быть самым различным, от очень мелких, полотно из которых по подвижности приближалось к кольчатому, и до крупных, длиной почти с ладонь взрослого человека, которые составляли сравнительно малоподвижный, но крепкий доспех. Ламеллы могли быть разной формы, применялось золочение или воронение пластин.

Чешуйчатые доспехи представляли собой холщовую или кожаную рубаху, к которой с помощью заклепок крепилась чешуя. Чешуйки также могли иметь разнообразную форму.

Между собой чешуйки и ламеллы скреплялись шнуром или кольцами, укладывались слоями — особое значение для защиты имело то обстоятельство, что они частично перекрывали друг друга. Чешуйчатые и ламеллярные доспехи изготавливались в нескольких вариантах, были техно-

логичны, так как состояли из большого числа одинаковых деталей. В этом они походили на кольчуги, но, в отличие от кольчуги, обеспечивали владельцу более высокую степень защиты. Источники отмечают на воинах броню греческого производства, которая была отличного качества.

Очень распространенной была комбинированная схема — кольчужная основа и сегментная защита, а также кирасы, надеваемые на кольчуги. Чешуйки и пластины красили в присвоенный воинской части цвет — например, золотой и синий. Это имело декоративный и идентифицирующий эффект — вся гвардия носила подобные парадные доспехи. Есть свидетельства об особых латных нагрудниках варягов.

В поздний период истории гвардии вошел в употребление фактически рыцарский доспех со всеми его атрибутами. Этот так называемый бригантно-латный доспех полностью вытеснил ламеллярный. Доспехи XIV—XV веков обеспечивали воину почти абсолютную защиту от применявшегося в то время холодного оружия.

Использовались варягами поножи и наручи. Поножи защищали переднюю часть ноги от колена до щиколотки, а наручи — руки от локтя до кисти.

Более всего распространены были полосчатые наручи и поножи. Они были сегментной конструкции — т.е. собира-

лись из прямоугольных металлических пластин-полос шириной около 16 мм и разной длины, крепились к кожаным ремням. Были и трубчатые наручи и поножи, слегка сужающиеся к одному концу. Такой наруч состоял из двух трубчатых соединенных шарнирами частей, которые стягивались (точнее, закрывались) на руке при помощи двух ремешков и двух пряжек. Русские гвардейцы Варанги даже в XIII веке продолжали использовать кольчатые поножи.

Шлемы Варяжской гвардии в начале ее истории были характерной каркасной конструкции, присущей для Северной Европы.

Каркас представлял собой обруч из бронзовых или железных полос, покрывался металлическими пластинами или обтягивался кожей либо склепанными металлическими листами. Как правило, имел четыре вертикальных ребра, дополненных навершием и полумаской. Использовались сегментные (сборные) шлемы и других конструкций.

Форма таких шлемов — простая коническая или полусферическая. Различают шлемы русского и скандинавского образцов. Высокий и более остроконечный «кавказский» сегментный шлем часто встречался в X—XI веках. Такие шлемы часто находят на территории Украины и России. Известны несколько изображений подобного шлема, сделанных на востоке Румынии в XI веке. Интересен шлем из

Ясенева, датируемый IX—X веками, так как он имеет оригинальную конструкцию.

Некоторые шлемы имели усиливающие накладки. Такие накладки на чашке шлема впервые появились на шлемах римских легионеров в начале III в. н.э. Усиленный таким образом шлем мог выдержать сильный рубящий удар. Иллюстрации из «Хроники» И. Скилицы показывают, что шлем «из Ясенева» был распространен столь же широко, как и так называемый гребневый шлем (шлем с накладкой на чашке). Появился и ранний тип так называемой железной шапки — простого шлема с полями. В XII веке шлем в форме фригийского колпака распространился по всему Средиземноморью — он также мог иметься в арсенале вара́нга.

Интенсивно использовались и цельнокованные куполовидные шлемы, изготавливаемые из единого стального листа, — они имели повышенную степень надежности.

Имеется информация об идентифицирующей раскраске шлемов (темно-синие шлемы носили воины Харальда Хардрады на Сицилии, зеленые — варяги Иоанна II Комнина в битве при Эски-Загре).

Шлемы носили или отдельно, или в сочетании с кольчужным подшлемником. Использовался кожаный подшлемник в виде шапочки, удобный как в самостоятельном ношении,

так и в качестве амортизатора к шлему. Применялись также дополнительные амортизаторы под шлем — матерчатые или кожаные, из шерсти. Особый интерес представляют упоминаемые в источниках подшлемники в форме мягкой шапки с ушами, которые могли завязываться под подбородком, — такой подшлемник связывают с русским влиянием в Варанге. Кожаные и матерчатые подкладки к шлему крепились на заклепках.

Шлем мог снабжаться наушами, назатыльником, личной, височными пластинами, оснащаться подбородным ремнем. Воины Варяжской гвардии любили маски-личины (закрывали все лицо), полумаски (закрывали половину лица), металлические глазницы, носовые пластины. Носовые пластины (наносники, назальные пластины), защищавшие лицо от поперечного удара мечом, и наглазники — характерная деталь шлемов Северной Европы (византийские шлемы имеют бармицы и нащечники, но наносников не имеют). Присущей такому шлему деталью были и металлические «брови».

Шлем воина-варанга обычно оснащался бармицей. Бармица — элемент шлема в виде сетки, обрамляющей шлем по нижнему краю в целях защиты шеи воина. Бармица могла быть стеганой или в виде кожаных полос-птериг. Она соединялась со шлемом благодаря отверстиям в нижней

кромке или крепилась с помощью более сложного устройства в виде трубки, через которую была пропущена проволока. Аналогичная система крепления бармицы имелась и на шлеме из Ясенева, иллюстрации показывают, что шлемы с полями поначалу также имели бармицу, хотя способ крепления ее к шлему неизвестен. Широко применялись кольчужные бармицы — они закрывали не только шею, но и нижнюю часть лица. Кольчужная бармица могла иметь кожаную подкладку. Иногда шлем варяга оснащался не бармицей, а кольчужным назатыльником.

Шлем и его детали золотились и серебрились в зависимости от желания и возможностей воина.

В дальнейшем появляются и шлемы византийского типа, а также модифицированные западноевропейские. Они имели вид конуса либо сферы.

В XI—XII веках оборонительный комплекс варанга (длинная кольчуга или латы, шлем с кольчужной маской и бармицей) превращал гвардейца в своего рода пешего катафракта — только глаза выделялись на фоне сплошной стальной стены. Сама возможность динамично и эффективно сражаться в таком облачении делала варягов одними из сильнейших воинов Европы.

В течение X—XII веков воинами Варяжской гвардии применялись щиты преимущественно круглой формы

(средний диаметр — 80—100 см), с 20-х гг. XII века в моду постепенно входят так называемые щиты-коршуны.

Миндалевидный щит в романской Европе, до третьей четверти XII века довольно большой и массивный, был призван закрыть бойца в первую очередь от копейного тара-рана. Использовался такой щит и варягами. Удерживался такой щит локтем и кистью руки, продетыми через несколько ремней. Полагался также ремень через шею, позволявший в случае необходимости откинуть щит за спину и действовать двумя руками.

Использовались также щиты русского образца — каплевидной и прямоугольной формы. Это упоминаемые в источниках так называемые длинные щиты. Каплевидные щиты могли достигать в высоту 1,1 м и выше (чаще встречались щиты высотой 95 см). Оба типа щитов оснащались двумя веревочными или кожаными рукоятками, крепящимися к задней стороне щита с помощью кольца. Рукоятки держали кистью руки, не используя предплечья.

Технологически щиты изготавливались из досок, из деревянных планок либо (цельные) — из единого куска дерева. Иногда щиты делали двух- или трехслойными, при этом направление волокон в каждом из слоев шло перпендикулярно по отношению к другим слоям. Это увеличивало прочность щита.

Впоследствии появляются модные на Западе треугольные щиты. О применении в бою варягами щитов последних типов практически нет достоверной информации, в то время как традиционный круглый, миндалевидный или каплевидный щит позволял, во-первых, держа его в левой руке, использовать топор в правой против левого бока противника, во-вторых, закинув щит на спину, — двумя руками орудовать секирой.

Понятным становится повышенное внимание к защите корпуса воина — в самый ответственный момент боя щит находился на спине варяга.

Национальные системы защитного снаряжения также накладывали отпечаток на облик Варанги. Так, применительно к защите норманнских воинов Стражи в «Алексиаде» есть следующие интересные сведения: «Кельтские доспехи состоят из туники, изготовленной из переплетенных железных колец. Железо, из которого делалась кольчуга, было столь качественным, что она надежно защищала воина от стрел. Щит был удлиненной формы: широкий и закругленный сверху и суживающийся к противоположному концу. Его внешняя поверхность была гладкой. На ней находились лишь бронзовые шишки-украшения. Такой щит мог отразить любую стрелу — как персидскую, так и скифскую. Такие доспехи делали этих воинов практиче-

ски неуязвимыми». В норманнской кольчуге чередовались ряды сплошных и склепанных колец. Кольчуга доходила до колен и даже до лодыжек. Особенностью норманнского защитного комплекса было наличие небольшого отверстия на уровне пояса, через которое меч проскальзывал в ножны, располагавшиеся под кольчугой на уровне бедра. Другим отличием был небольшой клапан в верхней части груди, который имел кожаную или матерчатую подкладку. Он предназначался для защиты нижней части лица, являясь неотъемлемой частью кольчуги. Во время битвы клапан с помощью двух тесемок поднимался вверх и защищал шею и нижнюю часть лица.

Для англосаксов были характерны обязательные металлические умбоны щита (умбон — бляха-накладка полусферической или конической формы, размещенная посередине щита и защищающая кисть руки от пробивающих щит ударов). Обычно диаметр умбона составлял 15 см. Он выковывался из цельного куска железа. Иногда умбон был плоский или конический. На месте умбон удерживали четыре-пять заклепок с головками диаметром до 50 мм. Металлические детали щита часто серебрили или золотили. Края у дорогих щитов дополнительно оковывали железной полосой.

Англосаксы и норманны охотнее носили кольчужные подшлемники и использовали щиты каплевидной формы. Такой щит, остроконечный книзу и закругленный сверху, составлялся из деревянных досок, обшитых кожей. Щиты носили на ремнях на предплечье. Для переноски щита за спиной предназначался плечевой ремень.

Желающие служить в Варяжской гвардии прибывали в своей национальной одежде — скандинавской, славянской, англосаксонской. Постепенно под влиянием окружающей обстановки, по мере износа своей одежды, вследствие влияния византийской моды менялся и внешний облик воинов.

Из одежды использовались рубахи и штаны свободного покроя. Рубахи — шерстяные, хлопковые, льняные или шелковые (применялись и комбинации указанных материалов) с длинными рукавами, длиннополые (достигали середины бедра или даже колена). Часто под такую рубаху надевали нарядную шерстяную или льняную сорочку. Рубаха окрашивалась в основные природные цвета — коричневый, серо-голубой, зеленый, желтый, кирпично-красный. Изобразительные источники по Варяжской гвардии показывают, что наиболее распространенный цвет рубах гвардейцев — оранжевый, алый, серый, бледно-розовый и серо-голубой. Горловина, запястья и подол украшались вы-

шивкой. Носилась варягами и византийская одежда — приобретенная или подаренная. Болли Болласон, например, носил одежду из бархата — личное пожалование императора.

Штаны могли быть разного типа — облегающие либо порты на выпуск. Арабский источник X века сообщает, что русы носят просторные штаны, перехваченные у колен. Такие шаровары требовали в несколько раз больше ткани, чем обычные штаны, но, вероятно, такой покрой должен был показать состоятельность владельца, который может себе позволить не экономить на ткани. Штаны также могли украшаться вышивкой. Так, богато украшенные штаны видны на некоторых варяжских гвардейцах, представленных в источниках.

Существовали различные варианты верхней одежды.

Так, в холодное время года варягами носились шубы с отделанными шелком обшлагами, с воротом, расшитым золотой нитью, и украшенным орнаментом подолом.

Обязательным атрибутом варанга был плащ, застегивающийся на плече.

Высокие кожаные сапоги были основной обувью гвардейца-варяга. На марше голенища сапог подворачивались, а перед боем поднимались вверх, закрывая голень и колено.

На ноге сапоги держались или за счет жесткости кожи, или подвязывались к поясу.

Носились и более низкие виды обуви. Некоторые гвардейцы изображены в полуботинках. На некоторых византийских иллюстрациях показано использование гвардейцами своего рода шерстяных обмоток, обернутых по спирали вокруг ног. Подобные предметы гардероба северного воина были найдены близ Новгорода. Зафиксировано и ношение варягами носков.

Среди головных уборов варягов особый интерес представляет куколь — круг ткани (часто покрытый шелком), обертываемый вокруг головы, — некое подобие тюрбана. Использовался также платок из треугольного или квадратного куска ткани, завязанного под подбородком или на задней части шеи. Носились и капюшоны различных форм, как правило, белого цвета. Все эти головные уборы при необходимости можно было носить под шлемом. Имелись также шляпы восточного стиля с меховой отделкой. Варяжский офицер на одном изображении показан в капюшоне, с нижнего края прихваченном шнурами. Некоторые изображения показывают также использование варягами византийского военного тюрбана (*phakeolis*).

Традиции византийской армии применительно к униформе и идентифицирующим воинскую часть эмбле-

мам были весьма богаты, основываясь на долгом опыте Римской империи. Обычай отличать войсковые единицы друг от друга по изображению и цвету щита, а также характерным предметам экипировки и снаряжения просуществовал до конца империи. В военных руководствах Византии содержится требование, чтобы в каждом подразделении щиты всех солдат были одного цвета. На изображениях видно, что на щитах и знаменах частей изображались одинаковые символы. Иностранные воинские части, такие как Варанга, идентифицировались еще более четко.

Во время несения службы в императорской резиденции варяги могли носить парадную форму, состоящую из красной или красно-фиолетовой рубахи (туники) с вышивкой на манжетах. Источники отмечают красный или пурпурный (т. н. царский) цвет как плаща, так и поля щита.

Широко была распространена и синяя окраска поля щита. На известном изображении бойца Варяжской гвардии синее поле обрамлено мелкими камнями альмандина, украшено белым жемчугом (парадные щиты украшались жемчугом). В центр щита вписан наполовину синий, наполовину черный ворон. 4 заклепки вокруг ворона показывают места крепления ремней для рук и плеч обладателя щита.

Алый и синий — основные цвета форменной (если так можно выразиться) одежды варангов.

Некоторые изобразительные источники позволяют говорить о щитовой эмблеме Варяжской гвардии в виде черного ворона, имеющей явное скандинавское происхождение.

Ворон (священная птица Одина) вполне мог быть эмблемой варяжского полка. Известно, например, что большинство знамен варягов на своей исторической родине украшало изображение ворона. Так, флаг короля Кнута во время битвы под Ашингдоном в 1016 году представлял собой белое шелковое полотнище с вышитым на нем изображением ворона. Англосаксонская хроника упоминает о вороне, изображенном на трофейном знамени, захваченном еще в 878 году. Согласно сагам, если ворон был с расправленными крыльями, то это означало победу, а если ворон сидел, сложив крылья, то это означало поражение. Соответственно, и примета: когда флаг развевался на ветру, казалось, что ворон машет крыльями, а это к победе.

Знамя Харальда Хардрады также несло изображение ворона, поскольку ворон, «говорят, приносит удачу воинам, идущим перед знаменем во время битвы». Норвежский король Сверри (1184—1202), герой «Саги о Сверри», говорил: «Поднимем же перед королем знамя: и принесем жертву под когтями ворона».

Существуют следующие знаковые изображения воинов Варяжской гвардии.

Об одном раннем изображении варяжского офицера в подобии капюшона, со щитом синего цвета мы уже говорили.

Еще один варяжский гвардеец показан на фреске конца XI века (Крит). Воин изображен с рыжими волосами, одетым в облегающую тунику темно-красного цвета и с боевым топором в руке.

Фреска, посвященная предательству Христа (начало XIII века, церковь Святого Иоанна в Килисе, Турция), показывает варягов с рыжими волосами и бородами, длинными топорами, в темно-красных туниках.

Изображения, посвященные взятию Константинополя крестоносцами в 1204 году, позволяют восстановить следующий внешний облик бойца Варяжской гвардии. На алую рубаху надет кольчужный доспех, усиленный пластинчатыми накладками, — ряд скрепленных кожаными ремешками пластин образует сплошную защиту живота, боков и груди (на один ряд выше нижней кромки кольчуги). Пластины защищают также шею и плечи воина. На голове — сферический сегментный стальной шлем с полями. Вооружен варанг секирой и мечом (крепится к поясному ремню слева). Каплевидный щит красного цвета имеет ме-

таллическую окантовку и массивный умбон. Защита ног и рук ниже локтя отсутствует. Из снаряжения кроме поясного ремня — характерная «варяжская портупея», или «варяжский лифчик». Эта своеобразная разгрузка в виде плечевой портупеи распределяет вес кольчуги. Она надевалась под грудь с «напуском», в результате чего вес доспеха лучше распределяется и кольчуга меньше давит на плечи.

Фрагмент фрески во Влахернской церкви (деспотат Эпир), относящийся ко второй половине XIII века, показывает Константина Великого в окружении телохранителей. Телохранители (фактически это варяги) изображены с длинными светлыми или рыжими волосами и бородами, со щитами, в красных и белых плащах, по краям украшенных белыми камнями, и в кольчужных доспехах. Фреска является ценным источником применительно к варягам в течение столетия после взятия Константинополя крестоносцами и венецианцами.

Последнее известное изображение варангов датируется временем Иоанна V и Иоанна VI Кантакузина (1341—1354 гг.) и представляет собой императора на Вселенском соборе 1351 года в окружении Стражи. Церемониальная форма варангов этого времени включала в себя голубое платье, возможно с золотой вышивкой, белую шляпу с золотой отделкой в виде лодки, видна золотая перевязь с

бантом, ножны меча черно-красного цвета и украшены золотом. Меч по традиции может носиться на плече, как и секира (последняя присутствует даже на печати главного интерпретора Варанги со времени Палеологов). Одежда, характерная в целом для XIV—XV веков.

Командный состав Варанги часто исполнял свои обязанности (в том числе в бою), находясь верхом на коне. Поэтому офицерское снаряжение в значительной мере было адаптировано к верховой езде. Мы видим в гардеробе офицера кавалерийские овальные щиты, украшения из перьев на шлемах, традиционные птериги. Офицеры могли носить и плащи синего цвета, украшенные желтыми листьями плюща (христианский символ вечной жизни). Офицерские плащи также (например, сотника Болли Болласона) украшались вышивкой в виде геометрических фигур — возможно, их сочетание обозначало ранг командира. Командный состав выделялся позолоченными доспехами и оружием, зачастую подарками императора (например, тот же Болли Болласон — владелец меча с золотой рукояткой).

В моде у варягов были золотые украшения как символ высокого социального статуса — цепи, гривны, кольца. Щиты также украшались — как уже отмечалось, даже жемчугом.

Применявшиеся украшения отражали как национальную принадлежность, так и вкусы владельца. Например, многие норвежские амулеты изображают молот Тора (скандинавского бога-громовержца). Преобладала, разумеется, христианская символика, но причудливо сочетавшаяся (особенно на раннем этапе истории Стражи) с языческими мотивами. На доспехах варангами носились большие нагательные кресты.

Крученные из золота и серебра браслеты (излюбленный подарок князей и ярлов своим воинам) в большинстве своем украшены изображениями животных, как и лезвия многих найденных археологами топоров и мечей. Браслеты выполняли и практическую функцию. Изготовленные из драгоценного металла, в случае необходимости они рубились на части, и осуществлялся наличный расчет — возможно, термин «рубль» также имеет варяжское происхождение. Другим распространенным украшением была фибула, которой пристегивали плащ. В ходу были и питьевые рога — такая специфичная посуда и в то же время атрибут викинга были широко распространены в Северной Европе.

Отличали варягов длинные рыжие и светлые волосы и густые бороды с густыми же усами. У датчан — более темные волосы. Византийские источники отмечают также высокий рост и наличие татуировок как непременный

атрибут северного гвардейца василевса. Варяги уделяли большое внимание своему внешнему виду. На их исторической родине личные гигиенические принадлежности с разнообразными украшениями были найдены как в женских, так и в мужских могилах. Множество гребешков, расчесок и скребков позволяли ухаживать за волосами, тщательно подстригать усы. В арсенале модника-варанга находились пинцеты для удаления лишних волос и крошечные ложечки для чистки ушных раковин.

В качестве преемника старого гвардейского подразделения Экскувитов Варяжская гвардия унаследовала алый штандарт в форме дракона. Дракон представлял собой бронзовую голову, тканевое тело и нечто, напоминавшее хвост, сзади тела дракона. Полая бронзовая голова закреплялась на верхушке древка со змеевидным шелковым рукавом. Воздух, проникая в пасть дракона, проходил через тело и выходил через развевающийся хвост. Также считается, что внутри тела дракона мог помещаться какой-либо инструмент, издававший характерный свист. Шелковое тело дракона могло украшаться вышивкой. Изначально драконий штандарт был знаменем кавалерийских частей римской армии. Учитывая, что Варяжская гвардия была во многом прообразом сил быстрого реагирования империи, представляя собой мобильную (ездящую) пехоту, возмож-

но, выдача ей штандарта кавалерийской части была глубоко символична.

В IX—X веках в Византии наблюдается упорядочение предназначения, формы и названий военных стягов. В это же время в византийскую иконографию широко проникают образы святых воинов. Не избежала этого и Варанга.

Нам известны датируемые серединой XII века знамена Стражи классической византийской формы, состоящие из центральной части (квадрат с крестом) и трех лопастей (косиц), позволяющих идентифицировать воинскую часть. Есть мнение, что число косиц обозначало количество подразделений в части. Цветовая гамма — алый, синий (базовые цвета) и светло-коричневый (или желтый) и черный. Знамя богато украшалось золотым шитьем.

Знамена использовались как в полевых боях, так и в десантных операциях.

В походную экипировку варанга входили: резак, ручная мельница, пила, молоток, плетеная корзина, 2 лопаты и 2 кирки. Эти инструменты, использующиеся для походной жизни и для разбивки лагеря, могли переноситься или перевозиться в обозе.

Кожаные пояса варягов имели декоративные пряжки с ремешками на концах. Аксессуары для поясов чаще изготавливались из медных сплавов. Пояса, как правило, были

узкими, менее 2,5 см в ширину. В ходу были кожаные сумки и подсумки, кошельки. Кошельки представляли собой вырезанный из кожи круг с дырочками по краям, в которые продергивался шнурок. Большой кошелек аналогичной конструкции во время похода мог служить рюкзаком. В походе на поясе воина помимо подсумка обычно находились ножницы (чтобы подстричь бороду и волосы), кремень и огниво, трут, ложка и чашка.

Общая тенденция развития комплекса наступательного и оборонительного вооружения воина Варяжской гвардии в начале XI — середине XIII — начале XV века выглядела следующим образом. Кольчужный хауберк превратился в кольчужно-латный (ламеллярный, чешуйчатый или пластинчатый панцирь надевался поверх кольчуги) и в латно-бригантинный доспех рыцарского типа. Цельностальной или сегментный куполовидный шлем с кольчужной бармицей превратился в сферический шлем с кольчужной личиной и далее в шлемы бацинетной и салатной конструкции. Круглому щиту пришли на смену овальный и каплевидный щиты, щит-коршун и треугольный щит. Боевой топор превратился в секиру и далее в парадный топорик, обычный меч так называемого франкского типа сменил двуручный немецкий меч и византийские модели мечей и сабель. Одежда менялась в связи с развитием общей моды.

5. ВСЕГДА В АВАНГАРДЕ — БОЕВАЯ ТАКТИКА ВАРАНГИ

Если по византийским боевым наставлениям пехотные части, как правило, выстраиваются в качестве второй линии позади кавалерии, то Варанга — ударная сила императорской армии. И тактическое применение ее в бою варьировалось от обстановки, предоставляя полководцу в этом смысле самые широкие возможности.

Во многих сражениях Варяжская гвардия была в авангарде — и действовала блестяще. В сражении при Диррахии 1081 года варяги (причем сами изъявив подобное желание) были выстроены в две линии в авангарде фланга византийских войск. Анна Комнина так свидетельствует об этом факте: «Разделив уже войско, он (Алексей I Комнин. — *А.О.*) не прекратил наступления варваров, которые двинулись к лагерю Роберта (командующий армией норманнов. — *А.О.*), но удержал вместе с их начальником Намбитом тех, кто носит на плечах обоюдоострые мечи (варягов. — *А.О.*). Этим последним он приказал спешиться и рядами двигаться на небольшом расстоянии впереди строя, так как все воины этого племени носят щиты». Причем это развертывание является примером интересной тактической комбинации вспомогательных и ударных войск в

армии Алексея Комнина. При Шегфе в 1022 году варяги также возглавили атаку и обратили грузин в бегство.

Во многих случаях Варанга являлась основой боевого порядка, выполняя базовую функцию тяжелой пехоты. Таковой была задача Варанги в победном сражении при Каннах в 1019 году, в битве при Сирмии в 1167 году и во многих других боях.

Варяжская гвардия была резервом (зачастую последним) в руках императора или стратига. Так, в битве при Драстаре из варягов был сформирован резерв за частями тяжелой пехоты из латинских наемников. С одной стороны, был усилен центр боевого порядка, с другой — осуществлялась поддержка менее надежных частей византийской армии, кроме того, защищался имперский обоз. Это объясняет тот факт, почему болгарские археологи находят остатки варяжских доспехов и оружия непосредственно возле Драстара.

Важнейшей задачей Варанги была защита императора в случае нахождения его при действующей армии. Эта функция выполнялась даже в безнадежной обстановке. Яркие примеры — сражения при Манцикерте и Мириокефале.

И по вооружению, и по защите Варяжская гвардия представляла собой отличную тяжелую пехоту. Способ

ведения боя также подтверждает этот факт — Анна Комнина отмечает сомкнутое построение Этерии в сражении при Диррахии.

Основным боевым построением Варяжской гвардии была фаланга — так называемая Стена щитов, состоящая из 5 и более рядов. Особенно эффективен этот строй был в обороне. В обычных условиях каре со стеной из щитов могло успешно выдерживать атаки вражеской конницы — плотному пехотному строю рыцарская конница мало что могла противопоставить. Чтобы смешать такой боевой порядок, на обороняющихся обрушивали град стрел и дротиков отряды легкой пехоты, которые в самой сшибке не участвовали. Ярким примером является сражение при Диррахии.

Чем более сомкнут строй тяжелой пехоты, тем больше шансов (причем как у отдельного воина, так и у всей части) выжить в условиях оружия и тактики того времени. Иллюстративные источники изображают варягов, стоящих тесно друг к другу, так, что их щиты перекрываются между собой почти наполовину (то есть на каждого воина по фронту приходится не более 50 см). Но такой плотный строй держали лишь во время сближения с врагом, принимая на щиты град стрел и дротиков. Причем давление, плотность строя были часто таковы, что не давали падать

убитым. Сблизившись с противником, для того чтобы орудовать секирами и другим оружием, строй варягов становился более свободным.

Воины Варяжской гвардии уже с момента создания их части приучались к дисциплине и действию в строю. Эту школу им приходилось проходить под руководством сурового императора-воина Василия II: «...вступая в сражение, Василий сжимал ряды по правилам тактики, как бы обносил армию стеной, смыкал войско с конницей, конницу — с отрядами, а отряды — с гоплитами и никому ни в коем случае не позволял выходить вперед из рядов и нарушать строй. Если же кто-нибудь из самых сильных и удалых воинов вопреки приказанию... вступив в схватку с противником, побеждал, то его не удостоивали по возвращении венков и наград, а, напротив, немедленно удаляли из войска и наказывали, словно преступника. Ведь нерушимый строй Василий считал главным условием победы и полагал, что только благодаря ему неодолимо ромейское войско. Когда же воины выказывали недовольство строгим надзором и в лицо оскорбляли царя, он спокойно переносил их насмешки и благодушно, вполне разумно отвечал: “Иначе нам никогда не кончить войны”»¹.

¹ Пселл М. Указ. соч. С. 18.

Использовали варяги плотный строй и занимая круговую оборону. Например, так выстроились воины Харальда Хардрады у Стемфордского моста: «Они построились в длинную линию в несколько рядов так, что фланги соприкасались». Соответственно, Харальд мог применять это построение и в других условиях в период своей долгой боевой карьеры.

В атаке Варяжскую гвардию отличала свирепость первого натиска. Фаланга варягов в движении без преувеличения напоминала паровой каток.

Вариантом фаланги, предназначенным для атаки, было *svynfylking* (свиное рыло) — построение клином. В первом ряду клина стояли два воина, во втором — три, в третьем — пять и так далее. Клин мог быть один или несколько, объединенных общими задними рядами. Во втором случае передняя линия напоминала зубья пилы. Это позволяло выставить лучших воинов на острие удара, а также варьировать участок приложения наибольших усилий.

Вместе с тем на ближней дистанции фаланга была уязвима для стрелков — особенно с тыла и фланга. Не любили варяги сражаться и против кавалерии.

Упомянутое сражение при Диррахии — иллюстрация отличной тактической выучки гвардейцев: «Их (лучников) Алексей намеревался первыми бросить против Гвискара и

напутствовал Намбита (командира варягов. — *А.О.*) наступиться и пропустить их (передвинуться влево и вправо), когда они будут наступать на норманнов, а потом вновь сомкнуть ряды и двигаться вперед, когда те (лучники) отойдут»¹. Мы видим, что Варанга действительно была воинской частью, способной к тактическим маневрам и перестроениям различной степени сложности.

Как элитная пехота Варяжская гвардия использовалась в специальных операциях, крупномасштабных сражениях, локальных боевых действиях. Местность Болгарии, например, способствовала использованию мелких подразделений Варанги, решавших узкие тактические задачи. С 1034 года (после прихода Харальда Хардрады) Варяжская гвардия эффективно действует на море, выполняет полицейские обязанности в Восточном Средиземноморье. Общая схема варяжского боя на море следующая. Корабли выстраивались друг против друга, сцеплялись, и завязывался абордажный бой. Но, прежде чем начать рукопашную схватку, варяги осыпали противника градом стрел и дротиков. Чтобы избежать потерь на этом этапе сражения, свободные воины прикрывали щитами гребцов. Перед непосредственным столкновением щиты воинов смыкались так плотно, что «между ними не оставалось ни щелочки».

¹ Комнина А. Указ. соч. С. 150.

К. Кекавмен, будучи старшим армейским офицером, сам ветеран сицилийской кампании, четко разграничивает в составе Варанги пехотные подразделения, состоявшие из русов, и варяжские отряды, исполнявшие функции морской пехоты. Последние осуществляли молниеносные рейды, высадки мобильных групп на пляжи, бухты, проводили десантные операции.

Эффективно осуществляли варяжские гвардейцы и осадные действия. Особенно в этом плане отличились варяги Харальда на Сицилии. В 1035 году варанги захватили форт в Беркри в Армении, цитадель Хираполиса в 1068 году. Кампании Иоанна II Комнина в Малой Азии привели к взятию 30 городов и крепостей — в чем большая заслуга сапиров-варангов.

Мобильность — традиционное качество варягов. Несмотря на то что они не были природными кавалеристами, эффективно использовали трофейных лошадей. Повышенная оперативная подвижность путем использования конского состава, захваченного у противника, — одна из особенностей Варяжской гвардии. Вместе с тем варяги использовали лошадей лишь для того, чтобы быстро перемещаться по суше, но для боя спешивались. То есть Варанга — это именно ездящая пехота, прообраз таковой в период Нового времени — драгун. Под драгунами как раз первоначально

понималась пехота, для решения тех или иных задач посаженная на лошадей, прибывавшая к месту боя верхом, но для боя спешивающаяся. Кстати говоря, термин «драгун» происходит от «дракон», уже упоминаемого нами кавалерийского штандарта. Здесь также напрашивается интересная аналогия. Варанги также в ряде случаев к месту назначения прибывали на лошадях — чтобы в нужный момент дать противнику решающий бой. Ярким примером является кампания 1000 года в Закавказье.

Общая схема действия Варяжской гвардии в полевом бою следующая.

В обороне: фаланга «стена щитов» служила основой боевого порядка всей армии или ее части. «Стена щитов» позволяла отразить стрелковую атаку противника, а также действовать мечом или копьем. В случае необходимости строй мог адаптироваться к круговой обороне.

В наступлении: под прикрытием щитовой защиты фаланга варягов метала в противника копья и (или) продвигалась к нему для ближнего боя. Если щит оставался в руке, воин действовал копьем или мечом, либо (что было гораздо эффективнее) щит забрасывался на спину, а гвардеец орудовал топором или секирой. Строй принимал форму геометрической фигуры, при стремительной атаке — чаще всего клина.

Варяжская гвардия решала различные задачи в полевом бою — служила общим или частным резервом (при Эски-Загре и Драстаре), выполняла ударную функцию (при Диррахии и Шегфе), являлась основой боевого порядка (при Каннах и Сирмии). Эффективно действовала Варанга также в сфере осадного дела, обороны городов и крепостей, выполняя задачи морской пехоты.

В целом Варяжская гвардия Византии — универсальная тяжелая мобильная пехота, могущая при необходимости решать и специальные боевые задачи.

6. ОПЛОТ ПРОТИВ ВРАГА ВНУТРЕННЕГО — ОХРАННАЯ И ПОЛИЦЕЙСКАЯ СЛУЖБА

Варяжская гвардия предназначалась для борьбы с врагом как внутренним, так и внешним. Своим формированием она была обязана гражданской войне в Византийской империи. И тот факт, что 6 тысяч наемников Этерии количественно превышали 4-тысячную византийскую гвардию в Константинополе (части Тагматы и дворцовой стражи), также не случаен. Это дополнительная гарантия для императора Василия II от своих ненадежных сограждан.

Вообще, по словам Анны Комнины, солдаты-варанги были гораздо преданнее императору, чем собственно византийцы. Но, в отличие от греческих гвардейских частей,

варяги были преданны скорее императорской власти и статусу государя, нежели личности монарха. Именно поэтому, когда император Никифор II Фока подвергся нападению и гвардейцы, ломая дверь, чтобы прийти ему на помощь, узнали о его смерти — они перестали прорываться и не препятствовали провозглашению нового императора — Иоанна Цимисхия. Когда в марте 1081 года претендент на императорский престол Алексей Комнин, подкупив немцев, вошел в Константинополь, варяги остались верны императору. Но Никифор III Вотаниат решил отречься от престола и не начинать кровавую гражданскую войну. Аналогичная ситуация применительно к верности варягов произошла и в 1203—1204 годах. Поэтому, как это ни парадоксально звучит, Варанга (состоящая из невизантийцев) служила именно Византии, а не какому-либо монарху — то есть «не хозяину, а дому».

Величайший монарх Византии Василий II Болгаробойца удержался у власти почти исключительно благодаря 6-тысячному корпусу русов князя Владимира. Русы — спасители Византии, оплота православия в то время. Неудивительно, что они — родоначальники самой элитной воинской части императорской гвардии.

Любое гвардейское формирование рассматриваемой эпохи главной задачей своей деятельности имело прежде

всего охрану первого руководителя государства, членов его семьи и важнейших правительственных учреждений.

Главные объекты несения караульной службы Варяжской гвардии — Большой дворец и другие резиденции императора, Влахернский дворец, личный кабинет монарха, его приемные покои. Разумеется, первоочередной задачей являлась охрана особы государя. И в качестве преемника Экскувиторов Варанга была предназначена прежде всего для охраны императора и обеспечения его личной безопасности. Все перемещения императора — по государственным и личным делам, в церковь, в походе — осуществлялись под охраной варяжских гвардейцев.

1044 год — Варяжская гвардия защитила императора Константина IX Мономаха от возмущенной толпы, считавшей, что он пытался убить свою жену, императрицу Зою, и ее сестру.

Предотвратила стража и покушение на этого императора: убийца, «когда самодержец шел в процессии из театра во дворец... смешался с толпой замыкающих шествие стражников, проник внутрь дворцовых покоев и расположился в засаде где-то рядом с кухней; все, кто видел его, думали, что он находится там по царскому повелению, и потому никто не прогонял его из дворца. Позже на допросе он открыл свой тайный план и сообщил, что собирался наброситься на спящего царя, убить его мечом, который прятал на груди, и

присвоить себе власть. Таково было его намерение, и когда царь заснул... наглец приступил к делу. Но... Царь сразу же пробудился (*стражи к тому времени уже собрались и с пристрастием допрашивали варвара*) (выделено нами. — А.О.), пришел в ужас от этой дерзости и, естественно, огорчился, что такой человек смог поднять руку на самого царя»¹.

Участвовали варяги в срыве заговора Соломона против императора Алексея I Комнина.

В 1154 году 300 варягов сыграли важную роль в срыве покушения на императора Мануила I Комнина.

1185 год — Варяжская стража встала на пути восстания против Андроника I Комнина и почти вся погибла.

В 1200 году — Варяжская гвардия предотвратила две попытки свергнуть императора Алексея III.

Личная преданность императору и иммунитет от симпатий местного населения, знати, военной элиты сделали варягов особенно полезными для такой деликатной задачи, как арест лиц с высоким религиозным или аристократическим статусом. По той же причине они использовались в качестве тюремщиков, особенно в страшной тюрьме Нумера, расположенной в Большом императорском дворце. Недаром на фресках и других византийских изобразительных источ-

¹ Пселл М. Указ. соч. С. 115.

никах в сценах, посвященных предательству Христа в Гефсиманском саду, стражники изображены именно как варяги.

Неоднократно Этерия наводила порядок во время волнений в Константинополе.

Особенно результативно действовала Варяжская гвардия при борьбе с мятежами. С самого момента формирования Варанга пошла в бой.

В 988 году гвардейцы застали мятежников Варды Фоки врасплох у Хрисополя и рассеяли их. 13 апреля 989 года Варяжская гвардия выиграла свой первый серьезный бой. Так уж случилось, что это был бой против врага внутреннего — фокианцев в Абидосе. Мятежники были разгромлены почти исключительно благодаря усилиям Варанги.

Русский корпус (костяк сил императора) высадился под Лампсаком. Интересно также то, что русам Василия II противостояла грузинская гвардия Варды Фоки. Есть мнение, что при русском контингенте находился князь Владимир¹.

В результате действий варяго-русов Василий укрепился на троне, а голова Варды Фоки оказалась на копье. По свидетельству Льва Диакона, узурпатор был поражен мобильностью императорских войск: «Варда Фока, пораженный внезапным приближением и нападением императора, вы-

¹ *Левченко М.В.* Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире / Византийский временник. 1953. Т. 7. С. 206.

шел из укрепления навстречу ему: сражаясь в пространстве между двумя войсками, он внезапно свалился с лошади, и ему отсекли голову».

1009—1011 гг. — борьба с повстанческими отрядами Мелоса у города Бари (Южная Италия). Мелос планировал организовать республику, но византийцы действовали оперативно. После серии боев город был возвращен империи в июне 1011 года.

1018 год — вторая кампания византийцев (войска катепана Италии) против Мелоса из Бари. В 1019 г. — сражение при Каннах (имеется в виду район знаменитой битвы Второй Пунической войны). Перелом в бою, закончившемся сокрушительным поражением норманнов Гилберта — союзников мятежников — совершил отряд варангов русского происхождения. Источник отмечает, что, когда император узнал, что отважные рыцари вторглись в его земли, он послал против них своих лучших солдат. В первых трех боях норманны победили, но, когда они столкнулись с русами, были полностью разгромлены, а их армия уничтожена.

В 1038 году вновь началось восстание в Бари — и три года в Апулии шла борьба с ломбардским восстанием. 1041 год — прибытие катепана¹ Михаила Дуки с допол-

¹ Катепаны — наместники важных в стратегическом отношении пограничных округов Византии, где они, подобно стратигам, обладали всей полнотой военной и гражданской власти.

нительными воинскими контингентами, включающими в свой состав и подразделения Варяжской гвардии. В течение года имели место три сражения — в марте (Оливенто), мае (Монтемаджоре) и сентябре (Монте-Пелозо). Варяжские отряды показали свою способность к боевым действиям высокой интенсивности. Ломбардской пехоте содействовала норманнская кавалерия.

В операциях против мятежников и их союзников наряду с войсками фем Опсикон и Фракия успешно действовали контингенты из состава Варяжской гвардии. Но — тяжелое поражение в бою с норманнами при Монтемаджоре. 2 тысячи конных латников-норманнов разбили численно превосходящую армию василевса.

Боевые порядки византийцев состояли из двух эшелонов. Норманны таранили строй противника, вероятно, выстроившись клином, прорывали его и обращали врага в бегство. Удар их тяжелой кавалерии разрушил растянутое построение византийцев, которые во время отступления во множестве потонули в разлившейся реке Офанто. В этом третьем по счету в военной истории сражении при Каннах погибло много варяжских гвардейцев, но Харальд Хардрада спасся.

1040—1041 годы — Георгий Маниак подавляет восстание болгар Петра Деляна. Восстание было изначально

успешным. Петр Делян был провозглашен болгарским царем летом 1040 года в Белграде, и восстание быстро распространилось на значительную часть Балканского полуострова. Восставшие закрепились в Диррахии и отправили отряд в Грецию, который дошел до Фив и нанес поражение византийскому войску.

К восставшим присоединилась и фема Никополитов, жители которой убили налогового сборщика. Отряды восставших появлялись и в окрестностях Солуни, но неудачи начались после безуспешной попытки взять Салоники. А закончилось восстание капитуляцией перед императорскими войсками, в состав которых входил отряд Харальда.

В 1042 году варяги были вовлечены в свержение и ослепление непопулярного императора Михаила V. Харальд, участник этих событий, на время попал за решетку, но вскоре смог выехать на Русь, а оттуда в Скандинавию — бороться за норвежский трон.

Георгий Маниак впал в немилость и был отозван из Италии в Константинополь. Не подчинившись, он провозгласил себя императором, начал войну против империи и был убит в битве при Острове. В сражении ему противостояли несколько варяжских подразделений. В триумфальном шествии через Константинополь после строя варягов с то-

порами на плечах несли отрубленную голову того человека, который еще недавно вел их к победам над арабами и норманнами: «...шли воины с мечами ...и потрясающие в своих десницах секирами...» Впрочем, в Варяжской гвардии Георгий Маниак не пользовался популярностью даже в лучшие времена.

По словам М. Пселла, этого достойного человека и великого полководца всю жизнь преследовал рок: «...начал он медленно продвигаться вперед и постепенно, поднимаясь со ступени на ступень, достиг высших воинских должностей. Однако стоило ему добиться успеха, как он тут же, украшенный победным венком, попадал в оковы; он возвращался к царям победителем и угождал в тюрьму, его отправляли в поход и отдавали под начало ему все войско, но по обе стороны его уже становились молокососы-военачальники, толкавшие его на путь, идти которым было нельзя, где все должно было обернуться и против нас, и против него самого. Он взял Эдессу, но попал под следствие, его послали завоевывать Сицилию, но, чтобы не дать овладеть островом, с позором отозвали назад. Я видел этого человека и восхищался им. Природа собрала в нем все, что требовалось для полководца»¹.

¹ Пселл М. Указ. соч. С. 94.

1047 год — мятеж Льва Торника. Силы были неравны: мятежники «...еще и не приблизились к стенам города, а уже примкнуло к ним по дороге множество добровольцев и явилась толпа воинов из горных областей; все жители вплоть до самой столицы сочувствовали и содействовали их намерениям. Так обстояли дела мятежников, у самодержца же все получалось не так, как надо: собрано не было ни наше войско, ни союзническое, *если не считать небольшого отряда из иноземцев, который обычно присутствует в царских процессиях* (выделено нами — речь идет о подразделении Варяжской гвардии. — А.О.); что же касается Восточной армии, то ее и на местах не было, и потому не могла она собраться быстро по сигналу, чтобы прийти на помощь очутившемуся в опасности самодержцу»¹. Тем не менее в итоге Торник был вынужден капитулировать и был ослеплен.

В 1055 году варяги приняли участие в подавлении попытки переворота Феодосия.

20 августа 1057 года после битвы при Петро (около Никеи) Михаил VI был вынужден отречься от престола в пользу Исаака Комнина. Варяжские отряды присутствовали в войсках с обеих сторон. По преданию, Исаак успешно противостоял в бою четырем варягам.

¹ Там же. С. 104.

1077—1078-й годы — вновь сражения с мятежниками (Никифора Ватаниата, Никифора Вриенния).

Эффективно осуществляли варяги полицейские обязанности на море. Так, Харальд и его воины в Эгейском море противодействовали арабским набегам на побережье. Это совпадает с возрождением морской мощи империи и изгнанием мусульман с Сицилии в царствование императора — морского стратега Романа III (1028—1034). Из саги Харальда Сигурдсона мы знаем, что он должен был заплатить 100 монет с каждого захваченного им пиратского судна, а все остальное оставить себе и своим людям. Варяги также, вероятно, были частью гарнизона военно-морской базы Пафос на Кипре. Вообще, борьба с пиратством — идеальная задача для варягов, которые сами были прирожденными мореходами и пиратами. В 1068—1071 годах — до осады г. Бари — варангами выполнялось патрулирование береговой полосы Апулии.

Иногда (правда, крайне редко) Стража сама становилась источником нестабильности. Так, в 1057 году в качестве одного из самых элитных полков византийской армии Варанга сыграла ключевую роль в государственном перевороте — когда императором вместо Михаила VI стал Доместик Востока Исаак Комнин. После 988 года это был первый случай такого рода — всегда верная Варанга оказалась не на высоте. Возможно, сказался тот факт, что органически предан-

ные своему вождю варяго-русы перестали доминировать в Страже. Более того, применительно к этому событию источники впервые говорят о размежевании в самой Варанге. Летописец засвидетельствовал также противостояние двух норманнских тагмат и одной русской. Если италийцы (т.е. норманны) «порывисты, быстры и неудержимы», то русы «бешены и свирепы». Первый натиск норманнов неотразим, но они быстро переполняются гневом; русские же не столь горячи, но «не жалеют своей крови и не обращают никакого внимания на раны». Они (русы. — *А.О.*) были вооружены длинными копьями и обоюдоострыми секирами; секиры они положили на плечи, а древки копий выставили в обе стороны и как бы образовали навес между рядами.

7. В БОРЬБЕ С ВРАГОМ ВНЕШНИМ — БОЕВОЙ ПУТЬ ЧАСТИ

Варанга считалась наиболее боеспособным гвардейским подразделением как в силу традиций верной службы империи, так и в связи с боевым опытом входивших в ее состав воинов. Воины северных стран всегда считались отличными солдатами — сам менталитет и характер наделили их такими качествами, как стойкость, хладнокровие в бою, взаимовыручка. Следует добавить сюда первоклассное вооружение и экипировку, а также постоянную

практику участия в широкомасштабных и локальных боевых действиях.

Смело можно говорить об участии Варяжской гвардии или ее части в боевых действиях, если в походе личное участие принимал император. Так, этот элитный полк сопровождал Василия II во всех его кампаниях на Востоке и на Балканах. Василий II Болгаробойца — один из наиболее выдающихся императоров Македонской династии (правил с 976-го по 1025 г.). Византия достигла в его царствование вершины своего могущества. При Василии II были достигнуты крупные военные успехи в Азии: укреплены позиции империи в Северной Сирии, присоединены к Византии значительные районы Армении и Грузии. Однако главные завоевания были сделаны на Балканах, после почти 40-летней войны Болгария была захвачена, а сербские и хорватские земли попали в вассальную зависимость (1018 г.).

Интересно, что некоторые авторы отмечают, что и стиль ведения боевых действий этого автократора — варяжский, построенный на внезапности, мобильности и свирепости. С конца X века Варанга всегда сопровождала императора на театре военных действий.

Вместе с тем и использование гвардейской части как элитного подразделения полевой армии зачастую давало весьма ощутимые результаты, иногда позволяя переломить

ход сражения. Подразделения Стражи придавались также полевым армиям и гарнизонам в качестве важного средства усиления.

Обозначим наиболее значимые вехи боевого пути части.

999 год — Варяжская гвардия участвует в походе против фатимидского князя Антиохии. Император Василий осадил и захватил Эмесу. Жители бежали в укрепленный монастырь Константина, но русы подожгли его и тем вынудили защитников сдаться. После чего монастырь был разграблен — «унесли даже свинец и медь с крыши».

1000 год — участие в боевых действиях в Армении и Грузии. Армянские летописцы отмечали присутствие варяжского полка, использовавшего для быстроты передвижения верховых лошадей. Возможно, это одно из первых упоминаний в военной истории о «ездящей пехоте». В любом случае еще одно доказательство мобильности Варанги. Гвардия в этом походе участвовала в полном составе (6 тысяч человек) — ведь сам император возглавил поход. В сражении с участием Варяжской гвардии нашли свою гибель 30 грузинских аристократов.

1001 год — участие в контрнаступлении византийских войск против Болгарии. В войне, затянувшейся на 18 лет, интенсивно использовались русско-варяжские воинские контингенты. В 1014 году при Клейдоне болгарская армия

разгромлена (причем мобильные византийцы устроили ей «котел», обойдя с обоих флангов и зайдя с тыла).

Битва при Клейдоне (Беласице) стала эталоном тактики на пересеченной местности в эпоху Средневековья: «Завладев проходом и поставив в нем заграждения и военные отряды, Самуил ожидал наступления царских войск. Когда же они подступили и начали освобождать проход, Самуил оказал мужественный отпор и сверху наносил сильный удар нападавшим, так что Василий начал приходить в отчаяние и думал отказаться от предприятия. Тогда стратиг Никифор Ксифия предложил царю сделать попытку обойти этот проход и ударить на неприятеля в тыл. Было условлено, что царь будет продолжать для вида демонстрации против защищающих проход, а Ксифия с небольшим отрядом охотников прошел через гору по едва проходимым тропинкам и неожиданно спустился в долину, где стояло болгарское войско. В смятении и страхе перед неожиданным появлением врага болгары предались бегству, в то время как царь Василий вступил в проход и встретил расстроенного неприятеля, пытавшегося спастись в горах. Здесь было захвачено в плен 15 тысяч болгар».

В 1018 году была захвачена столица царства — царь Самуил сокрушен, а его территории вошли в состав империи. В этот период Болгария — главный театр военных действий, а Варяжский полк выполнял важнейшие задачи

в центральной части Балканского региона. Именно он помог Василию II окончательно покорить Болгарию. О том, что император прекрасно понимал роль и значение своего элитного полка в этой кампании, свидетельствует факт раздела трофеев после победы — варяго-русы получили $\frac{1}{3}$ всей добычи.

1016 год — успешные действия против хазар и в Закавказье. Вхождение Грузии в состав Византийской империи. Император Василий послал флот на Черное море в помощь своему племяннику князю Ярославу. Византийский флот под командованием адмирала Монга, сына Андроника, взаимодействовал с русской армией полководца Свенга, брата Владимира. Хазарский правитель Георгий Цул в первой же битве был пленен, а его территории аннексированы. Варяжские отряды выполняли функции морской пехоты.

1018 год — участие в сицилийском походе, г. Мессина отбит у арабов, но вновь утрачен.

1021 год — начало 2-й грузинской кампании. 11 сентября 1022 года — сражение при Шегфе. Участие Василия Болгаробойцы со своей гвардией в разгромной для грузин и абхазов битве. Сообщения о битве особо отмечают «русские полки» василевса. По преданию, император Василий заявил, что заплатит по золотому за голову каждого убитого врага, — и русы аккуратно разложили головы грузин вдоль дороги, по которой ехал самодержец.

1025 год — поход на Сицилию в составе войск прото-спафария Ореста.

1030 год, август — разгром императора Романа III Аргира сарацинами в сражении у Халепа. Император смог спастись и скрыться в Антиохию только благодаря мужеству и отчаянной храбрости своей Варяжской гвардии.

1032 год — полководец Георгий Маниак отбросил арабов от Антиохии и взял Эдессу.

Эдесса — важнейший стратегический пункт в Северной Месопотамии. Город с 115 года прочно удерживали римляне. Во время византийско-персидских войн V—VI вв. Эдесса переходила из рук в руки. К концу правления императора Юстиниана I (565 год) она входила в состав империи, но при его преемниках была потеряна, став центром одного из крупнейших арабских эмиратов. После приобретения Георгия Маниака город вновь стал форпостом империи на Востоке, однако вскоре после битвы при Манцикерте (1071 г.) его захватили турки-сельджуки, и Эдесса была навсегда потеряна для империи.

1033 год — поход в Египет под командованием прото-спафария Феоктиста.

1034 год — ключевой год для Варяжской гвардии после смерти Василия II, когда младший сводный брат короля Норвегии Олафа II и будущий король Харальд III (Хар-

драда) занял видный пост в Страже. Прибытие 19-летнего принца открыло новую эпоху в истории Варанги.

1035 год — варяги присутствовали в войсках Николая Пегонита, которые захватили форт в Беркри в Армении после длительной осады.

1038 год — начало кампании, сделавшей Варяжскую гвардию известной всей империи и за ее пределами. В ходе операции против мусульманских войск на Сицилии под руководством Георгия Маниака подразделение Варанги в 500 человек во главе с Харальдом Сигурдсоном выполняло важные задачи — блокировало вражеский берег, осуществляло патрульные и осадные действия. В рамках последних даже велась настоящая подземная война — посредством рытья тоннелей и траншей варяги подбирались к городским стенам для их подрыва. Чтобы разрушить каменную стену, лучше всего было подвести под нее подкоп. Земляные работы проводились под прикрытием переносных щитов. Вырытую нишу укрепляли бревнами и наполняли горючими материалами. Когда горючие вещества вместе с опорами выгорали, участок стены обрушивался. Вообще варяги показали себя искусными специалистами в плане ведения осадной войны — могли эффективно использовать тараны, обстреливать стены из-под прикрытия щитов, применять катапульты. Осаде подверглись Мессина, Сиракузы, а также еще ряд городов. В итоге эффективных действий

осаждающих 13 городов пали перед мощью византийской армии.

1040 год — сокрушительное поражение объединенной арабской армии в полевой битве у Траины. Летописец отмечает, что сражение было таким упорным, что близлежащая речка текла кровью. Минимальный размер разгромленной арабской армии оценивается в 60 тысяч человек. Кампания завершилась в 1041 году.

В период правления Константина IX (1042—1055 гг.) оперативное влияние Варанги сказывается на всех театрах военных действий — в Малой Азии, Средиземноморье, Закавказье и на Балканах.

В 1043 году в период штурма Константинополя флотом князя Ярослава русы из состава Варанги были отправлены в отдаленные гарнизоны империи.

1045 год — ½ Стражи (3 тысячи человек) была отправлена для участия в боевых операциях в Армении (королевство Ани). Правитель анийского царства Гагик II оказался почетным пленником византийского императора. Варяжские отряды действовали также в Грузии и Абхазии.

700—800 человек из их числа участвовали в победном сражении у Сасирета. Летописец отмечает: «Когда три тысячи варягов пришли на помощь Баграту, то он расположил их при Бахе и взял из них только семьсот человек; потом двинулся вперед с силами Хида-Картлии, присоединенны-

ми к варягам, не ожидая месхов. Битва произошла при входе в рощу Сасирет; армия Хида-Картлии дала тыл; Абусер опять попался в плен и с ним другие дедулы». Как видно, и 700 человек варягов было достаточно для того, чтобы переломить ход сражения.

Значительная часть Варанги и норманнские наемники обороняли императорскую крепость Манцикерт. Участвовали гвардейцы и в стремительных рейдах против турок-сельджуков.

1046 год — варяги сопровождали катепана Италии в г. Бари.

Зима 1046/1047 гг. — подразделения Варанги обороняли дунайские рубежи.

В 1048 году варяжские подразделения захватили несколько итальянских городов, но, чтобы освободить катепана Евстафия Палатина, их сдали.

1050 год — участие в экспедициях против печенегов. Печенеги вторглись в Болгарию, победив Константина Аранита у Адрианополя. Варяги приняли участие в боевых действиях, настигнув печенежское войско у Каласирты близ Константинополя, и «положили их головы к ногам императора».

Варяжские контингенты под руководством Аколужа Михаила нанесли еще ряд серьезных поражений печенегам.

В промежутке этой кампании Михаил действовал против сельджуков султана Тогрул-бека в Кессарии.

1052—1053-й гг. — операции против печенегов в Восточной Болгарии (бой у Преслава). И. Скилица так рассказывает о сражении под Преславом в 1053 г.: «Стремясь окончательно избавиться от печенегов, император собрал силы Востока и Запада и вручил их Аколугу Михаилу. Приказал он и синкеллу Василию взять “болгарские войска” и выступить против печенегов. Когда печенеги узнали, что против них идет соединенное византийское войско, они укрепили свой лагерь под Великой Преславой рвом и палисадом. Византийцы не смогли ничего сделать. Они страдали от недостатка продовольствия и собрали совет, на котором приняли решение отступить ночью. Печенежский хан Тирах, узнав о решении врагов, выслал войска вперед занять теснины, через которые должны были отходить византийцы. Когда императорские войска стали выходить из ворот своего лагеря, печенеги напали на отступающих. Поражение византийцев было полным — многие погибли (в т. ч. синкелл Василий), немало попало в плен. Остатки войск во главе с Михаилом спаслись, отойдя в Адрианополь. Император собрал новое войско, но печенеги запросили мира, и он был заключен сроком на 30 лет».

В поражении был виноват не только и не столько Михаил: у Великой Преславы командующий созвал совет, но к этому времени из Константинополя прибыло письмо императора, в котором он запрещал вступать в сражение, если его удастся избежать. Михаил высказался в пользу сражения. Как отмечает источник, тогда синкелл Василий, мучимый завистью, ссылаясь на письмо василевса, потребовал отступления. Он тайно интриговал против командующего, говоря, что тот стремится к славе, надеясь на победу. Мнение Василия победило. Ночью византийцы стали сниматься с лагеря. Печенеги, узнав о решении противника от пленных, напали на них у выходов из лагеря и устроили побоище не успевшей развернуться армии. Они долго преследовали остатки византийских войск. Василий упал при бегстве с лошади и был убит.

1054 год — победа над вторгнувшимися в Армению турками-сельджуками. В бою у Баберда (совр. Байбурт) противник был наголову разбит, погиб турецкий командующий, освобождены ранее захваченные врагом пленные.

Описываемое Аристакесом Ластивертци сражение произошло во время известного похода султана Тогрул-бека, когда турки дошли до Абхазии и Кавказского хребта на севере, до Тчанетских лесов — на западе и до так называемой горы Сим — на юге. Тогрул-бек осадил Манцикерт, но не смог его взять и вернулся обратно, разграбив по пути

г. Арцке. Как повествует Ибн-ал-Асир, после взятия Гандзака Тогрул-бек «пошел в Армению и направился в Мелазгерд, принадлежавший румам, осадил его, стеснил его жителей, разграбил соседние с ним селения... Во время похода он дошел до Эрзен-ар-Рума, но с наступлением зимы возвратился в Азербайджан, не успев овладеть Мелазгердом».

Тогрул-бек дошел до Иверии. Тогда император Константин Мономах вызвал с Запада Аколужа Михаила: «Явившись, он собрал рассеянных по Халдии и Иверии франков и варангов и сумел приостановить нашествие султана». Проникшим в Тайк туркам у Баберда повстречался отряд из ромейского войска, «так называемые ванги», которые, неожиданно наткнувшись на (врагов), сразились с ними. Аристакес Ластивертци говорит, что «по милости Божьей полки ромеев “так называемые ванги” обрели могущество, одолели врагов, убили военачальника, а с ним и многих других, остальных же обратили в бегство, захватив много добычи и пленных».

В период правления Константина X Дуки (1059—1068) отряды Варанги использовались в боевых действиях в Ломбардии против норманнских войск. В 1066 году варяжский контингент действовал в Апулии у г. Бари, оборонял Бриндизи и Отранто (1064). Участвовали гвардейцы в походах Исаака Комнина и Романа IV Диогена.

В Бриндизи варяги использовали военную хитрость — их командир Никифор Карантен сделал вид, что желает сдаться, — и, когда норманны начали подниматься по лестнице на городскую стену, подрубили лестницу и атаковали противника. Обезглавив 100 трупов, варяги послали головы императору. Варяги были также в составе византийского флота, победившего Роберта Гвискара под Бриндизи.

В 1068 году в кампании против турок в Малой Азии под командованием императора Романа Диогена варяжские гвардейцы захватили ворота цитадели Хираполис, тормозившей успешные действия византийских войск.

В 1070 году подразделения Варанги были выведены из Малой Азии, чтобы укрепить оборону империи в итальянских владениях. Несмотря на это, последние опорные пункты Византии в Италии пали на следующий год.

1071 год, 19 августа — страшный и роковой день для старой Византии, поражение при Манцикерте от турок-сельджуков. Событие, положившее конец фемной Византии, а также империи в подлинном значении этого слова, гибель кадров армии.

Роман Диоген пал жертвой предательства. Арьергард его войска, которым командовал Андроник Дука, обратился в неожиданное бегство, что привело к поражению всей армии: разгром правого крыла и бегство арьергарда (а его

атака могла переломить ход сражения) позволили туркам окружить главные силы византийцев.

Не побежавшие император и окружившие его варяжские гвардейцы остались последними бойцами империи на поле боя. Противник увидел местоположение императора на поле боя по сплошной стене щитов Варяжской гвардии, до конца защищавшей своего государя. Как писал Н. Вриенний: «...в бою пало много турок, а еще больше ромеев... Будучи отрезан со всех сторон и лишен подкрепления, василевс обнажил меч на врагов, многих умертвил, а других заставил обратиться в бегство. Но, окруженный множеством неприятелей, получил рану в руку и, uznанный, кто он такой, отовсюду охвачен был врагами»¹. Варанги почти все погибли. Поражение при Манцикерте открыло сельджукам путь в Малую Азию, что в итоге привело империю к катастрофе.

1081 год, 18 октября — сражение при Диррахии с норманнами Роберта Гвискара, неудачное для императора Алексея I Комнина.

Основную ударную силу византийского войска составляла Варяжская гвардия — англосаксы, бежавшие из Англии после норманнского завоевания и желавшие отомстить своим кровным врагам — норманнам.

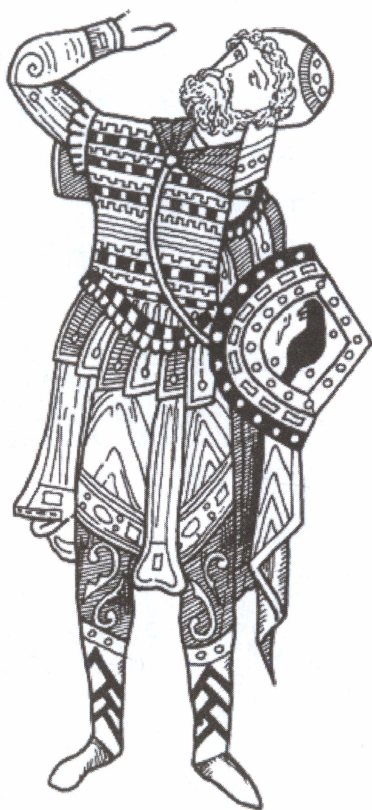
¹ Вриенний Н. Указ. соч. С. 49—50.

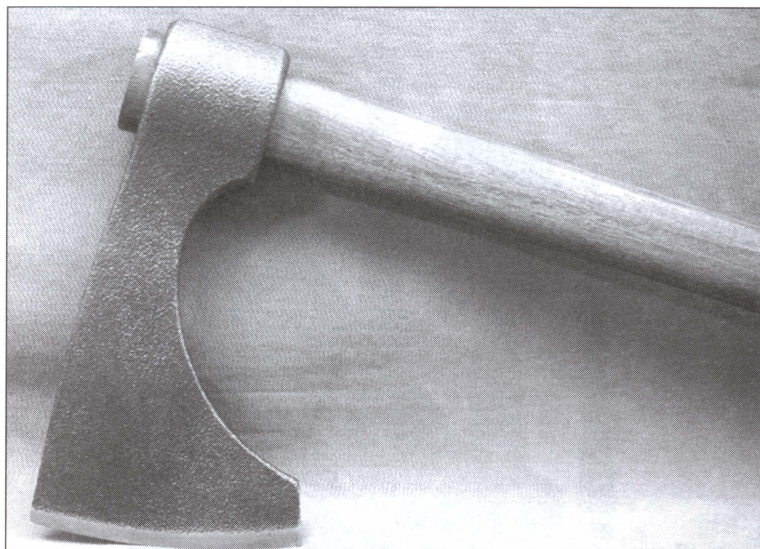
Император Василий II Болгаробойца. Фрагмент миниатюры. XI в.

Дворцовые перепетии в Константинополе (на заднем плане — варяжская стража). Обратите внимание на одновременную вооруженность секирами и копьями, бармицу на шлемах, красные поля щитов. Топоры — в рост человека. Миниатюра из Мадридской рукописи Иоанна Скилица. XI в.

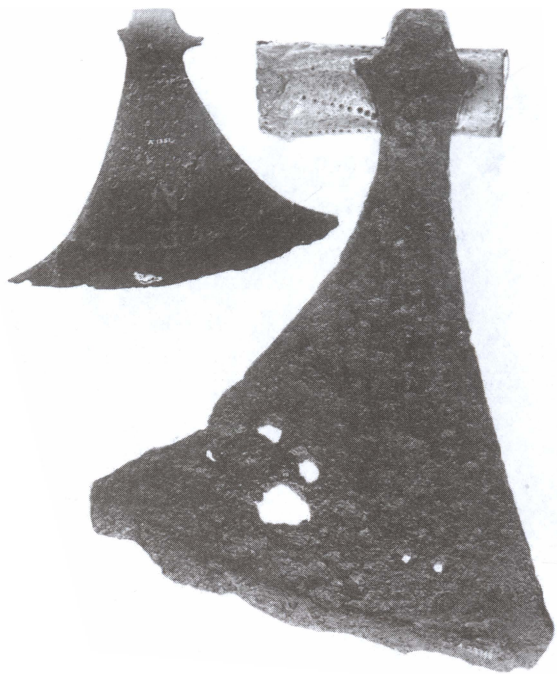
Изображение римского центуриона Лонгина на мозаике из монастыря Неа Мони на острове Хиос. Одет в красную тунику с золотой вышивкой понизу, темно-синий плащ с красной и золотой отделкой, темно-синие штаны украшены золотыми наконечниками стрел, на ногах белые сапожки с черными полосами и красной окантовкой. Щит окрашен в синий цвет, по краю украшен мелкими камнями, центральное поле окантовано белым жемчугом. Ворон наполовину черный — наполовину синий; четыре точки вокруг ворона предположительно представляют заклепки для ремня

Так называемый «бородатый» топор (skeggox)

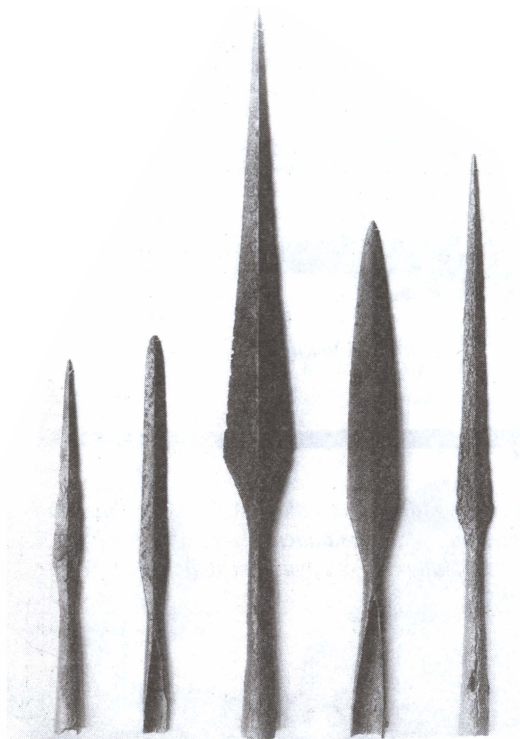
Реконструкция «бородатого» топора

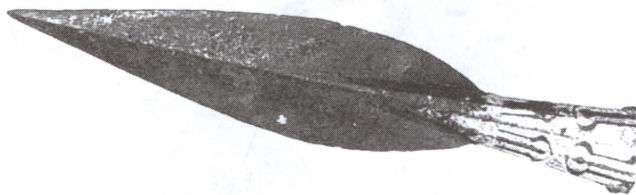
Варяжские секиры (breidox), XI—XII вв.

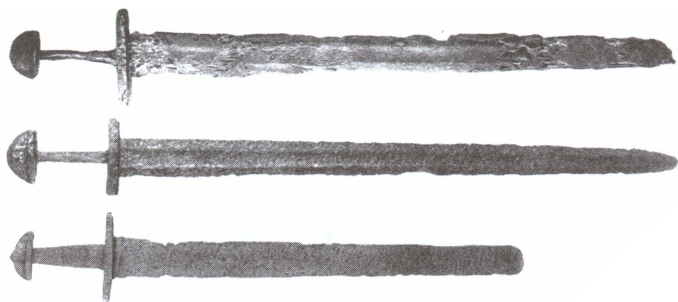
Англосаксонский топор

Наконечники копий

*Листовидный наконечник скандинавского копья.
Найден в Болгарии — подтверждение участия варягов в боевых
действиях на Балканах*

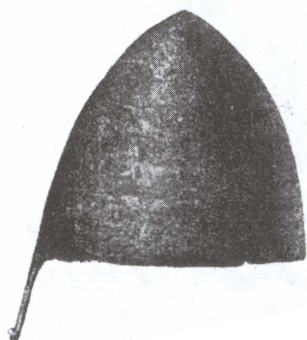
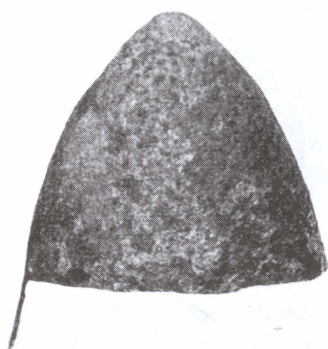
Скандинавские мечи 850—950 гг.

Меч варяжского гвардейца, найденный около Драстара, Болгария. Этот удивительно сохранившийся экземпляр конца XI в. имеет общую длину 87 см и рукоять длиной 19,9 см

Рукояти мечей. Крупная головка служила в качестве противовеса, облегчая действия мечом

Конические цельнокованные шлемы. Назальная пластина выдает их северное происхождение

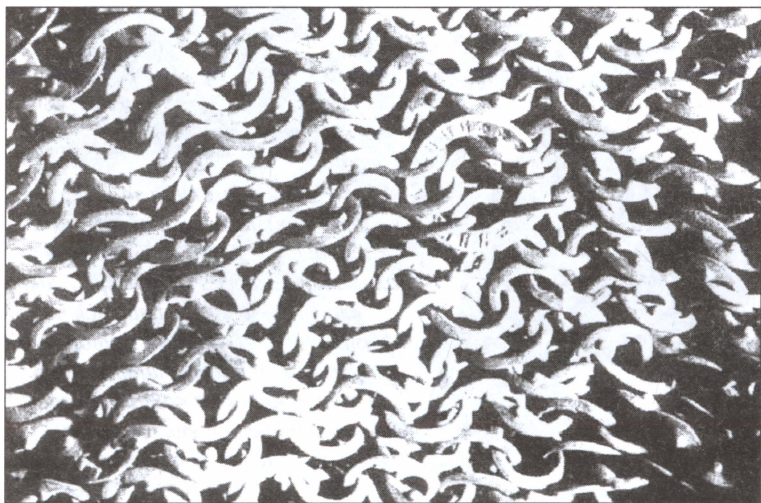
Так называемый гребневый шлем — характерны большие глазницы и наносник

Шлем. Шея и низ лица защищались кольчужной бармицей, подвешенной к краю шлема и нижнему краю полумаски. Гребень имеет продольный «хребет» и заканчивается на обоих концах головами животных. Надбровия покрыты штриховкой и заканчиваются на концах головами животных, расположенными друг против друга и повернутыми в профиль. Весь шлем, включая полумаску, покрыт бронзовыми пластинками, подвешенными к краю шлема и нижнему краю

Варяжская кольчуга

*Плетение кольчуги. Большое кольцо — фирменный знак
с подписью мастера*

*Чешуйчатый доспех — чешуйки прикреплялись
к кожаному основанию*

Деталь чешуйчатого доспеха

На византийской фреске XIV в. представлены воины императорской гвардии в различных видах доспехов

Подвески и мусульманские монеты, использовались этериотами в качестве кулонов

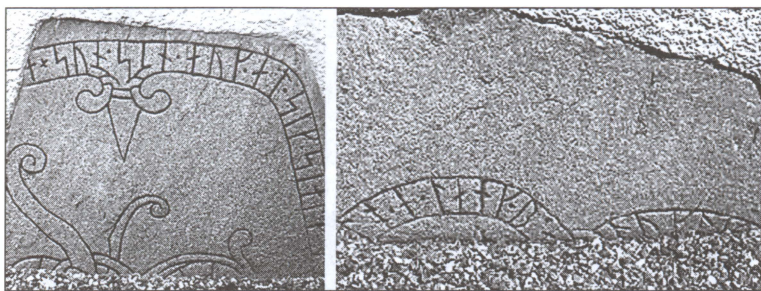
*Норманн в составе варанги.
Конец XII в.*

*Этот светловолосый солдат на
мозаике монастыря Неа Мони
имеет длинный топор
с двойным лезвием*

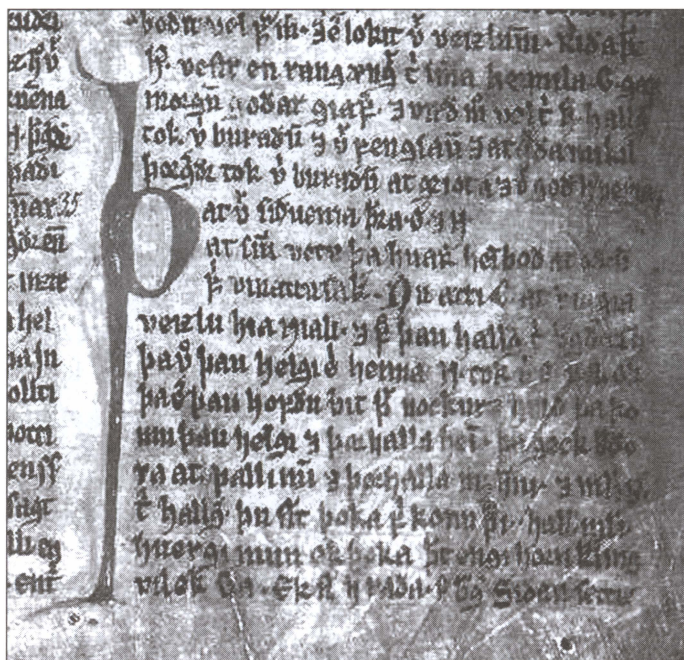
Рельеф с изображением драконьего штандарта

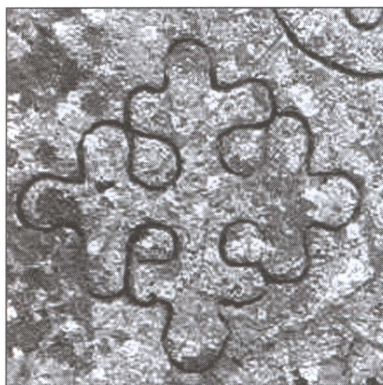
Рунический камень Гудлога Ленивого

Рунический камень Харальда

Страница саги Болли Болласона

*Христианский крест
на руническом камне*

*Современный герб
муниципалитета Табе, Швеция*

Русы под Константинополем, 860 г.

Пирейский лев с рунической надписью на плече

Изображение варяга на шкатулке из слоновой кости. Показана общая длина топора, равная росту человека

Варда Фока и Лев Фока. Из коллекции рисунков Винкуйжена

*Варанга императора Михаила VIII, XIII в.
Из коллекции рисунков Винкуйжена*

*Взятие Эдессы Георгием Маниаком (1032 год).
Из Хроники Иоанна Скилицы. XI в.*

*Император Алексей I Комнин, реформатор гвардии Византии,
участник сражения при Диррахии. Мозаика собора Св. Софии
в Константинополе. XII в.*

Сражение происходило недалеко от Диррахии (Дураццо) — византийской столицы Иллирии. Император разделил имевшиеся войска на три группы: левым крылом командовал Григорий Бакуриани, правым — Никифор Мелиссин, а центром — сам василевс.

Варяжская гвардия находилась на левом фланге византийского построения и должна была сыграть активную роль в сражении. Варяги получили приказ выдвинуться впереди основной линии войск, пропустив вперед лучников. Лучники, обстреляв противника, должны были отойти за строй варяжской пехоты.

Когда армии сблизились, Роберт Гвискар отправил в атаку отряд кавалерии. Он надеялся, что этот маневр выманит варягов, но лучники заставили всадников отступить. Тогда норманны нанесли удар по стыку левого фланга и центра византийских войск. Варяго-русско-англосаксонская пехота нанесла контрудар — в результате встречного боя норманны были смяты, опрокинуты и побежали.

Противник византийцев находился в тяжелой ситуации — разгромлен правый фланг норманнской армии. Этот бой чрезвычайно интересен тем, что рубившиеся огромными секирами пехотинцы опрокинули рыцарскую конницу графа Амико — достаточно редкий для Средневековья боевой эпизод. Норманны, пишет Анна Комнина, «...бросились к морю, зашли по шею в воду и, приближаясь к ромей-

ским и венецианским кораблям, стали просить спасти их, но моряки их не приняли».

Но положение спасла воинственная Сишельгаита, жена Роберта, угрозами и проклятиями остановившая бегство норманнов, — «вторая Паллада, хотя и не Афина. Она сурово взглянула на них (бегущих. — *А.О.*) и оглушительным голосом, на своем языке произнесла что-то вроде гомеровских слов: “Будьте мужами, друзья, и возвысьтесь доблестным духом”. Видя, что они продолжают бежать, Гаита с длинным копьём в руке во весь опор устремила на беглецов. Увидев это, они пришли в себя и вернулись в бой». На помощь также прибыл Боэмунд, до этого находившийся со своими лучниками на левом фланге.

Вызвавшись возглавить атаку, гвардейские секироносцы выдвинулись вперед слишком быстро, став достойным соперником норманнов в части боевого духа: «Секироносцы и сам их вождь Намбит из-за своей неопытности и горячности двигались быстрее, чем следовало, и, не менее кельтов стремясь вступить в бой, удалились на значительное расстояние от ромейского строя (ведь эти варвары обладали таким же пылким нравом, как и кельты, и ничем не уступали им в этом отношении). Роберт понял, что воины Намбита устали и еле дышат (об этом он заключил по быстроте их движения, пройденному расстоянию и весу оружия воинов), и приказал своим пехотинцам напасть

на них». В итоге, утомившись вследствие быстрого движения и тяжести собственного вооружения, Варяжская гвардия получила удар во фланг, причем со стороны стрелков противника. Расстроив утомленные ряды варягов градом стрел, противник атаковал их тяжелой пехотой и конницей.

Норманнский источник свидетельствует: «Англичане, которых называют варангами, выпросили у императора для себя почин сражения и, вступив в бой неравным оружием, с длиннорукоятчатыми двузубцами, которые этот род людей преимущественно употребляет, наступали весьма неприязненно и сначала сильно беспокоили наших. Но, когда один наш отряд ударил им с противоположной стороны в правый бок, то они, в сильной схватке, покрытые кровью, оставили свое начинание и принуждены были обратиться в бегство».

В результате ожесточенного сражения и последовавшего за ним отступления Варанга погибла почти полностью. Будучи отрезана от главных сил византийской армии, помощи она так и не дождалась. Значительное количество гвардейцев пало от стрел, многие пытались спастись в церкви Архангела Михаила (находилась на холме на берегу моря), вслед за тем подожженной норманнами. Даже в этой ситуации варяги упорно защищали церковь, некоторые взобрались на крышу. После того как противник

поджег церковь и рухнула крыша, многие погибли сразу в огне, но уцелевшие выбежали из пылающих развалин и приняли смерть в бою.

Вышеуказанный норманнский источник так комментирует гибель Варанги: «Бежали они к церкви... которая была по соседству, и ожидали там найти убежище для сохранения жизни. Но, когда одни входили, сколько позволяла вместимость, другие в это время взобрались на крышу в таком множестве, что под тяжестью их самая кровля, разорвавшись, обрушилась, и они, давя тех, которые вошли внутрь, вместе с ними задохлись в запертом пространстве. Император, видя, что варанги, в которых заключалась главная надежда на победу, окончательно побеждены, обратился в бегство». Летописец стыдливо умалчивает о варварстве своих соотечественников — о том факте, что варяги не «задохлись в запертом пространстве», а были сожжены заживо.

В сражении при Диррахии обладавшая высоким боевым духом и мотивацией Варанга выполняла ударную, решающую роль. Это при том, что основная задача тяжелой пехоты — быть основой боевого порядка, придать ему устойчивость. Варяжская гвардия выполняла во многом не свойственную ей функцию — фактически роль тяжелой кавалерии, но даже в этой ситуации добилась блестящего успеха. Варяжская гвардия выполнила важнейшую зада-

чу — осуществила перелом в сражении, но развить успех командование византийцев не смогло. Не было сил использовать первоначальную победу Варанги над правым флангом противника. Не было мобильного резерва, чтобы преследовать врага, в то время как гвардия приводила бы себя в порядок. Не было общего резерва, чтобы выручить сражающихся в окружении варягов и переломить колеблющуюся чашу весов в пользу византийского оружия. Императорское командование не смогло воспользоваться тактическим преимуществом, данным Варяжской гвардией. Время и темп были упущены, и ответный натиск противника византийцы выдержать не смогли — гвардии как основы боевого порядка нет, построение армии оказалось без нее неустойчивым. Соответственно, неудача при Диррахии — это неуспех высшего военного руководства византийцев, а никак не мужественных варягов. Свою задачу Варанга выполнила.

Среди объективных причин гибели Варанги следует особо выделить тот же фактор, который сыграл роль 15 годами ранее в битве при Гастингсе. Тогда англосаксы (в 1081 году их также было большинство в Варяжской гвардии) были также ослаблены огнем норманнских лучников, а уже затем в дело пошла тяжелая кавалерия противника. При Диррахии ситуация усугубилась тем, что лучники расстреливали Варангу во фланг. А, как уже отмечалось выше, кольчуга

(основной доспех в рассматриваемый период) надежной защиты от обстрела из лука и арбалета на дистанции боя 50 метров и ближе уже не давала. В обороне пеший хускарл был хорош. Но, когда хускарлы, опьяненные успехом, атакуют, монолитный строй расстраивается. Это и доказал Гастингс.

В итоге император потерял 5 тысяч воинов (подавляющее большинство из них — варяги). Потери норманнов неизвестны, но источники утверждают, что они также очень существенны.

Как бы то ни было, победа стала для норманнов пирровой — впоследствии византийцы одержали победу при Ларисе, и в течение ближайших 4 лет противник лишился всех плодов своего успеха.

1085 год — варяги находились в составе императорской армии, когда она потерпела поражение от печенегов при Силистрии (на Балканах).

1087—1091 годы — участие в походах Алексея Комнина. Как и при Василии Болгаробойце, в период правления этого императора Варанга находилась в постоянных боях и походах. Особо отличились гвардейцы в битвах у Дристы (Драстара) и Левиниума во время кампании против печенегов. Битва у Драстара закончилась тяжелым поражением византийских войск. Печенеги были наконец сокрушены в 1091 году у Левиниума. Анна Комнина следующим об-

разом характеризует итоги последнего сражения: «Погиб целый народ вместе с женщинами и детьми, народ, численность которого составляла не десять тысяч человек, а выражалась в огромных цифрах. Это было двадцать девятого апреля, в третий день недели. По этому поводу византийцы стали распевать насмешливую песенку: “Из-за одного дня не пришлось скифам увидеть мая”».

1097 год — участие в анатолийской кампании Алексея Комнина. Отвоевана Никея.

1098 год — участие в малоазийской кампании Алексея Комнина.

1118—1122 годы — походы Иоанна II Комнина против турок и печенегов.

1122 год — знаменитый бой при Эски-Загре. В этом году Дунай перешли печенежские орды. Император выступил им навстречу, и на одной из равнин Фракии противники начали жестокий бой. Орда печенегов, которая причинила столько неприятностей империи, была блокирована. Печенеги окружили свой лагерь телегами, повозками, покрытыми воловьими шкурами, и молниеносно скрывались за их линию, лишь только Иоанн II во главе тяжелой кавалерии пытался атаковать.

В итоге долгого боя византийцы прорваться в лагерь противника так и не смогли. Чувствуя, что назрел момент кризиса боя, император обратился к своей Варяжской гвардии.

Вооруженные секирами и длинными щитами варяжские гвардейцы просто порубили повозки противника. Были порублены не только повозки, но и укрывшиеся за ними степные хищники-печенег. Лагерь кочевников был захвачен, большая часть их погибла, а остатки вместе с женщинами и детьми попали в плен.

Никита Хониат отмечает, что печенег «уходили за повозки, как за крепкую стену, и оттого не подвергались невыгодам бегства, а потом, отдохнув, опять выходили оттуда как бы через отверстые ворота и мужественно сражались. Таким образом, эта битва была почти настоящим штурмом стен, внезапно воздвигнутых скифами среди открытого поля, и оттого римляне напрасно истощались в усилиях. Тогда-то Иоанн показал своим подданным образец мудрости, ибо он не только был умный и находчивый советник, но и первый исполнял на деле то, что предписывал военачальникам и войскам. ...Взяв телохранителей, которые защищаются длинными щитами и заостренными с одной стороны секирами, он несокрушимой стеной устремляется на скифов. И когда устроенное из повозок укрепление ими было разрушено и оттого бой сделался рукопашным, враги опрокидываются и обращаются в бесславное бегство, а римляне смело их преследуют. Тогда тысячами падают эти жители повозок, и лагеря их разграбляются».

В сагах говорится, что войска греков, франков и фламандцы не смогли пробить оборону печенегов — и император рассердился. Его окружение предложило ввести в бой «винные бурдюки», под которыми подразумевались варяги-гвардейцы. Император на это ответил, что он не намерен тратить свои драгоценные камни, а затем Торир Хельсинг (командир варягов) заявил, что его воины с удовольствием кинутся даже в огонь, если это понравится императору.

Бой при Эски-Загре — сокрушительное поражение печенегов и одна из культовых побед Варяжской гвардии.

То был последний набег печенегов — с этой опасностью Иоанн II Комнин покончил навсегда, а памятный день еще долгие годы отмечался ромеями как праздник. Печенеги в силу ряда причин сходят с исторической сцены.

1137 год — варяги находились в войсках Иоанна II при осаде Антиохии. В этой и последующих кампаниях государя, часто оканчивающихся осадой городов, варяги нередко выполняли функции саперов.

1149 год — подразделения Варанги участвуют в обороне Греции (прежде всего г. Фивы) от норманнского вторжения Рожера II Сицилийского.

1155—1156-е годы — подразделения Стражи нанесли ряд поражений норманнам (крестоносцы антиохийского князя Рено де Шатийона) в ходе боевых действий на Ки-

пре, а впоследствии участвовали в триумфальном шествии императора Мануила I Комнина в Антиохии.

Рено де Шатийон, князь Антиохийский, атаковал Кипр, в гарнизоне которого также находились варяги. Стратегическое и экономическое значение Кипра для империи было велико. Это был крупнейший и богатейший остров в Восточном Средиземноморье. Во время арабо-византийских войн (60-е годы VII в.) не раз переходил из рук в руки, оставаясь в основном почти в течение 300 лет в руках арабов. В 965/966 гг. византийцы вернули остров, но в 1191 г. он был захвачен крестоносцами.

Рено был жестоким человеком. Так, когда патриарх Антиохийский отказался дать ему денег для похода на Кипр, де Шатийон избил патриарха, а затем выволок его на крышу, обмазал медом раны и оставил на съедение мухам. Будучи опытным воином, весной 1156 года Рено высадился на Кипре — провинции Византийской империи. Там он разбил войска племянника византийского императора — правителя Кипра — и начал разграбление острова. Солдаты де Шатийона убивали детей и стариков, насиловали женщин, увечили пленных.

После первоначальных успехов Рено был разгромлен армией Мануила и захвачен в плен, византийские войска прошли по Антиохии триумфальным маршем. В итоге «франкский демон», один из первых храбрецов Европы,

плененный варягами, должен был с петлей на шее в присутствии знати и дипломатического корпуса распластаться ничком у ног императора и признать себя его вассалом.

В 1167 году (8 июля) варяжские подразделения присутствовали в битве при Сирмии, когда византийская армия разбила силы королевства Венгрия. Центр византийского построения, который составлял арьергард на марше, состоял из императорских гвардейских полков, в том числе и варягов Этерии, отряда итальянских наемников из Ломбардии, 500 союзных тяжелых сербских пехотинцев, а также валашской кавалерии. В этом сражении Варанга являлась основой боевого порядка императорских войск. В решительный момент боя контратака варягов принесла победу византийскому оружию. В плен попало 800 мадьяр, в т.ч. 5 жупанов (князей).

1172 год — участие в морском походе против венецианцев.

1176 год, 11 сентября — сражение при Мириокефале. Армия последнего великого Комнина — Мануила — окружена на горной дороге турками и внезапно атакована. В страшном побоище, в окружении, унесшем цвет византийской армии (включая и исчезнувших с тех пор из списков армии клибанофоров), основной удар приняла на себя гвардия василевса. Благодаря самопожертвованию лучших

бойцов части войска и императору удалось спастись. Византийская империя навсегда переходит к обороне.

1179 год — варяги участвовали в победном сражении у Клаудиополиса.

1203 год — первая попытка крестоносцев войти в Константинополь через Золотой Рог. Преодолеть сопротивление секироносцев и пизанцев латиняне не смогли. Варяжские гвардейцы отвечали за оборону башни и участка крепостной стены. 17 июля, когда крестоносцы с помощью тарана уничтожили дамбу, они были отбиты пизанцами и варягами.

В период штурма Константинополя крестоносцами Варанга показала себя наиболее боеспособной частью императорской армии. Источник упоминает случай, когда варанги захватили несколько рыцарей и доставили их пред очи императора Алексея III Ангела. Византийские успехи во время осады объяснялись прежде всего стойкостью императорских варягов. Эффективные действия гвардейцев привели к тому, что несколько кварталов остались в византийских руках и начались переговоры.

Русский летописец пишет: «И бяхут (Франки) с высоких скал на граде Греки и Варяги камением и стрелами и сулицами, а с нижних на град слезоша». После взятия города: «Черныче же, чернице и... еколикo их избиша, Греки же и Варяги изгнаша из града, иже бяхут остави». Т.е. после

упорного боя главные защитники города — греки и варяги — изгнаны крестоносцами.

После падения Константинополя варяжские гвардейцы служили империи в изгнании в городе Никея (с 1205-го по 1261 г.), а также в деспотате Эпир. Слава о Варяжской гвардии была такова, что даже у латинского императора Константинополя был личный полк варягов. Действия Варяжской стражи в боях 1-й половины XIII века (особенно в 1261 году) способствовали приходу к власти династии Палеологов и объединению империи.

1205 год — источники зафиксировали факт нахождения на службе никейского императора варяжской части.

1233 год — участие в походах Иоанна III против Латинской империи и в захвате Фессалоники.

1264—65-й годы — бой при Макриплаге (поражение от франков) и защита г. Айнос от болгарского вторжения (также неудачно — город был сдан).

В период династии Палеологов подразделения варангов в качестве гарнизонных войск дислоцируются в стратегически важных пунктах и регионах империи — во Фракии, на Анатолийском побережье, даже в Херсоне в Крыму.

До 1272 года император Михаил VIII широко использовал части Варяжской гвардии в кампаниях по собиранию земель на Балканах и в Малой Азии.

Со 2-й половины XIII века Варяжская стража постепенно превращается в дворцовую гвардию, и ее роль ограничивается участием в церемониях и охраной личности монарха. Подразделения Варанги больше в военных экспедициях не участвуют, передав эту функцию Каталонской гвардии. Помимо прочего, это объясняется спадом боевой активности империи, снижением личного участия императоров в боевых действиях, экономическими проблемами государства (последние, по сути дела, и превратили боевой корпус в небольшое дворцовое подразделение). Но тем не менее в письме от июня 1402 года император Иоанн VII написал королю Англии Генриху IV, что некоторые английские воины принимали активное участие в обороне города против турок.

Варяжская гвардия — воинская часть, прошедшая через горнило интенсивных боевых действий на протяжении почти полутысячелетия.

В период с 989-го по 1265 год Варяжская гвардия участвовала в 29 известных крупных сражениях (операциях) с участием внешнего противника. Это иллюстрирует приведенная ниже таблица.

Год, кампания, битва	Противник	Результат
999, антиохийская кампания Василия II, бой под Эмесой	арабы	победа, взята Эмеса
1000, первая грузинская кампания Василия II	грузино- абхазы	победа

Год, кампания, битва	Противник	Результат
1014, византийско-болгарская война, битва при Клейдоне	болгары	победа, Болгария на 150 лет вошла в состав Византийской империи
1016, византийско-хазарская война, комбинированная операция	хазары	Победа, присоединены хазарские и закавказские территории
1018, сицилийский поход	арабы	победа, взят г. Мессина
1018—1019, вторая кампания против Бари, сражение при Каннах	норманны	победа
1021—1022, вторая грузинская кампания Василия II, сражение при Шегфе	грузино-абхазы	победа
1030, восточная кампания Романа III, сражение у Халепа	арабы	поражение
1032, антиохийская кампания Георгия Маниака	арабы	победа, взята Эдесса
1035, кампания Николая Пегонита	армяне	победа, взят Беркри
1038—1041, сицилийская кампания Георгия Маниака	арабы	победа, захвачена почти вся Сицилия, разгром объединенной арабской армии
1041, апулийская кампания, сражение у Монтемаджоре	норманны	поражение
1045, закавказская кампания, сражение у Сасирета	армяне	победа
1050, кампания против печенегов, бой у Каласирты	печенеги	победа
1053, кампания против печенегов, бой у Преслава	печенеги	поражение
1054, операция против турок-сельджуков, бой у Баберда	турки-сельджуки	победа, погиб полководец противника
1068, первая восточная кампания Романа Диогена	турки-сельджуки	победа, взятие Мембиджа

Год, кампания, битва	Противник	Результат
1071, вторая восточная кампания Романа Диогена, сражение при Манцикерте	турки-сельджуки	поражение с тяжелыми последствиями для империи
1081, сражение при Диррахии	норманны	поражение
1085, сражение при Силистрии	печенеги	поражение
1090, сражение у Драстара	печенеги	поражение
1091, сражение у Левиниума	печенеги	победа
1122, сражение у Эски-Загре	печенеги	победа
1156, кипрская кампания Мануила Комнина	франки	победа
1167, венгерская кампания Мануила Комнина, битва при Сирмии	венгры	решительная победа, Далмация и Хорватия присоединены к Византии
1176, восточная кампания Мануила Комнина, битва при Мириокефале	турки-сельджуки	поражение с тяжелыми последствиями для империи
1179, сражение у Клаудиополиса	турки-сельджуки	победа
1233, поход против Латинской империи	франки	победа, взятие Фессалоник
1264, бой при Макриплаге	франки	поражение

Из 29 известных крупных сражений (кампаний), в которых участвовала Варяжская гвардия, выиграно 20, или почти 69 %. Если рассматривать эффективность применительно к противникам, то получается следующая картина.

В боях с закавказскими государствами (Грузия, Абхазия, Армения) — 100%-ная эффективность, с арабами — 80%-ная эффективность (на 4 победы 1 поражение), с печенегами, норманнами, турками-сельджуками и франками боевые действия протекали с переменным успехом — в процентах

это 50%, 33%, 50% и 60% соответственно. Причины разной результативности кроются в системах вооружения (норманны, франки, применявшие тяжелую рыцарскую конницу), тактике (турки-сельджуки, печенеги) и в совокупности других факторов. Вместе с тем действия византийской армии в рассмотренный период привели к ликвидации Печенежской орды и Болгарского царства.

Наконец, непосредственно оказать решающее влияние на ход важнейших операций Варяжская гвардия смогла в сражениях при Эмесе, Шегфе, Каннах, Левиниуме, Эски-Загре, Сирмии, в кипрской кампании Мануила Комнина. Наконец, Варанга отличилась, пожертвовав собой ради выигрыша битвы в сражении при Диррахии, и ради спасения государя в сражениях у Халепа, Манцикерта и Мириокефала.

Наиболее славные периоды в истории Варанги:

1) Эпоха Василия II, когда налицо целая серия непрерывных побед над болгарами, армянами, грузинами. В этот период Варанга является инструментом оперативно-стратегического воздействия на военную обстановку.

2) Походы талантливого полководца Георгия Маниака (30—40-е гг. XI века). Была достигнута серия побед над арабами и норманнами.

3) Время Великих Комнинов (1080—1180-е гг.) — этот период знаменателен окончательной победой над печенегами, венграми, упорной борьбой с турками-сельджуками.

И, как ни парадоксально, даже поражение 1081 года обес-
смертило Стражу.

Таким образом, время императоров-воинов наиболее
благоприятно влияло и на историю Варяжской гвардии. Если
монарх-полководец проводит время в ратных хлопотах и
походах, то и Варанга, находясь рядом с ним, приобрета-
ет боевой опыт. В эти периоды истории Византии армии
уделялось особое внимание, военные операции тщательно
планировались и осуществлялись.

В заключение стоит отметить, что византийская армия
была, возможно, лучшей армией мира на протяжении многих
веков — она вбирала в себя лучшие элементы воинской куль-
туры ближних и дальних соседей при сохранении лучших
античных традиций. Варяжская же гвардия была уникальным
подразделением Византии как по своим боевым качествам,
так и по продолжительности существования. По преданности
василевсам варяги стоят на одной черте со швейцарской гвар-
дией и русскими рындами. Это объяснялось, помимо всего
прочего, местом гвардейцев в социальной структуре государ-
ства, а также фактом оторванности варягов от окружающего
их общества, клановых интересов и интриг, что и предпола-
гало верность единственному лицу, от которого они к тому же
зависели материально — императору.

Изменение экипировки и вооружения отражало как
особенности регионов, выходцы из которых поступали в

Варангу, так и европейские заимствования и генезис собственно византийского снаряжения и оружия.

В отличие от ряда других гвардейских подразделений, Стража выполняла важнейшую боевую функцию. Универсальность Варяжской гвардии объясняется элитностью комплектования (лучшие воины Европы), отборным контингентом (воины-северяне — традиционно самые сильные солдаты), повышенными боевым духом и мотивацией. Немаловажными факторами были высококачественные современные экипировка и вооружение, постоянное внимание государства к вопросам комплектования и вооружения гвардии.

Как уже отмечалось, шлем, щит и доспех в условиях Средневековья стоили целое состояние. В европейских государствах на одного латного полностью экипированного воина приходилось несколько бездоспешных или слабоэкипированных. Воины Варанги могли себе позволить самое качественное вооружение — фактически в рамках одной части собралась отлично экипированная элита ряда европейских государств. Таким образом, Варяжская гвардия является элитой и по степени экипировки и вооружения.

Универсальность гвардии проявлялась в ее многофункциональности. Варанга решала самый широкий круг задач в боевой сфере — вела полевую и осадную войну, несла гарнизонную и морскую службу. Воины Варяжской гвардии являлись самым надежным средством связи как в военное, так и в мирное время, выполняя функции вестовых

и связных. А ведь надежная связь — залог победы. В качестве ездящей пехоты варяги предвосхитили драгунские полки Нового времени — в силу своей мобильности Варанга являлась важнейшим средством оперативного маневра.

Выполняла гвардия и значимые внутригосударственные задачи. Часто гвардейцы выполняли полицейские функции в городе, находились в оцеплении (осаживая толпу) и конвое императора, решали задачи, присущие пенитенциарной системе, осуществляли задержание, арест высших лиц государства (например, патриарха), проводили дознание и следствие. В качестве лейб-гвардии действующего византийского монарха Варанга решала важнейшие вопросы обеспечения государственной безопасности. Представители гвардии занимали самые разнообразные посты в армии и государстве — от главнокомандующего действующей армией в Сирии в 1030-х годах Великого Этериарха Феоктиста и до денщика императора Алексея I Комнина — Федота.

Соответственно, Варяжскую гвардию Византии можно охарактеризовать как универсальное воинское формирование повышенной надежности. О последнем обстоятельстве (помимо того, что варягам доверялась охрана первых лиц государства) говорят следующие факты. Во-первых, Варанге была вверена охрана государственного казначейства; во-вторых, гвардия отвечала за оборону важнейшего участка крепостной стены Константинополя; и в-третьих, в лице своего командира она являлась хранителем ключей

от ворот этого города! Необходимо также отметить, что при любом изменении этнического преобладания в составе Варяжской гвардии все равно оставалась варяжской — русско-варяжской, скандинавско-варяжской или англо-варяжской.

Нахождение в составе византийской императорской армии Варяжской гвардии следует назвать безусловно положительным моментом как для государства, которому они служили, так и для воинских элит, причастных к формированию Стражи стран. Варяжская гвардия ко времени династии великих Комнинов фактически превратилась в наследственное профессиональное воинское сообщество с уникальными традициями, боевым опытом, воинским эпосом и профессиональной честью.

Варяжская гвардия была важным элементом сближения правящих элит ряда государств, выполняя фактически одну из функций международного сотрудничества. В 1047 году, когда Харальд вступил на норвежский престол, Древняя Русь была уже снова в мире и дружбе с Византией, а великий князь киевский Ярослав Мудрый был сватом императора Константина IX Мономаха, вследствие брака своего сына Всеволода и дочери Мономаха, и одновременно тестем Харальда по браку с ним своей дочери Елизаветы. Три правящие династии — византийская, русская и норвежская — оказались последовательно связаны узами родства. Мирный договор Руси с Византией повлек улучшение отно-

шений империи и с Норвегией. Дружественные династические контакты продолжались и в более позднее время. Так, претендент на престол (и будущий император) Андроник I Комнин в 1164 году был радушно принят своим двоюродным братом галицким князем Ярославом Осмомыслом и даже принимал участие в заседаниях княжеского совета. Поддерживались русско-скандинавские и византийско-скандинавские контакты на высшем уровне, укреплялись династические связи. Фактически можно говорить о имевшем место быть как минимум в течение столетия союзе трех империй — и Варяжская гвардия являлась его важным связующим звеном.

Воины Варанги, кроме того, были культурно-религиозным связующим звеном между народами Северной и Восточной Европы с Византийской империей, воспринимая высокие достижения империи в материальной и духовной культуре, являясь носителями византийского образа жизни и христианских ценностей.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Источники

Приложение № 1

Договоры Руси с Византией (полный текст)

Перевод.

907 год.

Олег же, немного отойдя от [Царь]града, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром,

послав к ним в город Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И указал Олег, дать (своим) воинам на 2000 кораблей по 12 гривен на уключину, и потом давать содержание прибывающим из русских городов: прежде всего из Киева, а также из Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча и прочих городов, ибо по тем городам сидят подвластные Олегу князья.

Когда приходят русские, пусть взимают содержание, сколько хотят, а если придут купцы, то пусть взимают месячное в течение 6 месяцев: хлеб, вино, мясо, рыбы и плоды. И пусть устраивают им баню, как только (они) захотят. Когда же русские отправятся к себе домой, то пусть взимают у Вашего царя на дорогу еду, якоря, снасти, паруса и что им нужно.

И обязались греки. И сказали цари и все бояре.

Если явятся русские не для торговли, то пусть не взимают месячное. Пусть (русский) князь запретит своим послам и (вообще) прибывающим сюда русским творить бесчинство в наших селах и в нашей стране. Прибывающие (сюда) русские пусть обитают вблизи (монастыря) святого Мамонта; и когда наше царское величество пришлет (к ним кого-либо), кто перепишет их имена, то тогда (только) они возьмут полагающееся им месячное — сперва (пришедшие) из Киева, затем из Чернигова и Переяславля и из

других городов. И пусть входят в город только через одни ворота в сопровождении царского чиновника, безоружными, человек по 50, и пусть торгуют, сколько им нужно, не уплачивая никаких торговых пошлин.

Итак, царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплатить дань и присягали обе стороны; сами (греки) целовали крест, а Олега и его дружинников привели к присяге по русскому обычаю; и клялись те своим оружием и своими богами Перуном и Велесом, богом скота. И так был утвержден мир.

911 год.

В год 6420. Послал Олег своих дружинников установить мирные отношения и заключить договор между Византией и Русью; и, послав (их), сказал так:

Список с другого (экземпляра) договора, находящегося у тех же царей Льва и Александра.

1. Мы, от (имени) русского народа, Карлы, Ингельд, Фарлаф, Вермуд, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Рюар, Актеву, Труан, Лидулфост, Стемид, посланные Олегом, великим князем русским, и всеми подвластными ему светлыми боярами к вам, Льву, Александру и Константину, божьей милостью великим самодержцам, царям греческим, для подтверждения и укрепления дружбы, существовавшей между греками и русскими на протяжении многих лет, согласно желанию и повелению наших князей [и] всех подвластных

им русских. Наша светлость, более всех желая милостью бога подтвердить и укрепить дружбу, существовавшую между христианами и русскими, многократно действительно стремились не только на словах, но и в письменной форме и нерушимой присягою, клянясь своим оружием, подтвердить и укрепить эту дружбу, согласно нашей вере и обычаю.

2. Таковы разделы милостью бога мирного соглашения, как мы о нем условились. Прежде всего пусть заключим с вами, греками, мир, и станем дружить друг с другом всею душой и сердцем, и не допустим, согласно нашему взаимному стремлению, никакого беспорядка или обиды со стороны подручных нам светлых князей; но постараемся, сколь возможно, сохранить с вами, греками, (впредь) безупречную дружбу, письменным договором выраженную и присягою подтвержденную. Также и вы, греки, впредь всегда соблюдайте такую же нерушимую и безупречную дружбу по отношению к нашим светлым князьям русским и ко всем, кто находится под рукою нашего светлого князя.

3. Что же касается преступлений, если случится злодеяние, договоримся так: пусть обвинение, содержащееся в публично представленных (вещественных) доказательствах, будет признано доказанным; если же какому-либо (доказательству) не станут верить, то пусть присягнет та

сторона, которая домогается, чтобы ему (доказательству) не доверяли; и когда присягнет, согласно своей вере, пусть наказание будет соответствовать характеру преступления.

4. О следующем. Если кто-либо убьет (кого-либо) — русский христианина или христианин русского, — пусть умрет на месте совершения убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которая полагается ему по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по обычаю. Если убийца окажется неимущим и (при этом) он бежал, то пусть окажется под судом до тех пор, пока не будет найден (если же будет найден, то), пусть умрет.

5. Если (кто) ударит мечом или побьет (кого) каким-либо орудием, то за тот удар или избиение пусть даст 5 литров серебра по обычаю русскому. Если же совершивший это окажется неимущим, то пусть даст сколько может, вплоть до того, что даже снимет с себя те самые одежды, в которых ходит, а (что касается) недостающего, то пусть присягнет, согласно своей вере, что никто не может помочь ему, и пусть судебное преследование с целью взыскания (с него) штрафа на этом кончается.

6. О следующем. Если русский украдет что-либо у христианина или же христианин у русского и схвачен будет вор

потерпевшим в то самое время, когда совершает кражу, при этом он окажет сопротивление и будет убит, то не взыщется его смерть ни христианами, ни Русью, но пусть даже потерпевший возьмет то свое (имущество), которое у него пропало. Если же вор отдастся без сопротивления в руки того, у кого совершил кражу, и будет им связан, то пусть возвратит то, на что осмелился посягнуть, в тройном размере.

7. О следующем. Если кто-либо — русский у христианина или христианин у русского, — причиняя страдания и явно творя насилие, возьмет что-нибудь принадлежащее другому, пусть возместит убытки в тройном размере.

8. Если выброшена будет ладья сильным ветром на чужую землю и окажется там кто-нибудь из нас, русских (поблизости), то если захочет (хозяин) сохранить ее вместе со своим товаром и отправить обратно в Греческую землю, пусть проведем ее (мы) чрез любое опасное место, пока не придет она в место безопасное; если же эта ладья, спасенная после бури или после того, как она была выброшена на мель, не сможет сама возвратиться в свои места, то мы, русские, поможем гребцам той ладьи и проводим ее с их товаром невредимой. В том случае, если случится такое несчастье около Греческой земли с русской ладью, то (мы, греки) проведем ее в Русскую землю, и пусть (свободно) продаются товары той ладьи; (так что) если можно что-либо продать из (той) ладьи, то пусть мы, русские,

разгрузим их ладью. И когда приходим (мы, русские) в Грецию для торговли или с посольством к вашему царю, то пропустим (мы, греки) с честью привезенный для продажи товар (с) их ладьи. Если же случится (так, что) кто-либо из прибывших на той ладье будет убит или избит нами, русскими, или окажется что-либо взятым из ладьи, то пусть русские, сотворившие это, будут присуждены к вышеуказанному наказанию.

9. О следующем. Если пленник (из числа подданных) той или иной страны насильно удерживается русскими или греками, будучи запродав в другую страну, а объявится (соотечественник пленного), русский или грек, то (тогда разрешается его) выкупить и возвратить выкупленного на родину, а (купцы, его) купившие, возьмут цену его, или пусть будет засчитана в выкупную цену поденно (отработанная рыночная) цена челядина. Также, если и на войне (он) будет взят теми греками, все равно пусть возвратится он в свою страну, и отдана будет (за него), как сказано выше, его цена, существующая в обычных торговых расчетах.

10. Когда же требуется идти на войну. Когда же вам требуется идти на войну, а эти (русские) захотят почтить Вашего царя, то сколько бы из пришедших (к Вам) в какое-либо время ни захотело остаться у Вашего царя по своей воле, пусть будет исполнено их желание.

11. О плененных русскими (христианах), привезенных из какой-либо страны на Русь и сразу же продаваемых в Грецию. Если же когда-нибудь пленные христиане будут привезены из какой-либо страны на Русь, то они должны продаваться по 20 золотников и возвращаться в Грецию.

12. О следующем. Если русский челядин будет украден, или убежит, или будет насильно продан и русские начнут жаловаться, то пусть подтвердится это показаниями челядина, и (тогда) русские его возьмут; также если и купцы потеряют челядина и заявят об этом, то пусть производят розыск и, найдя его, заберут... Если кто не даст произвести этого розыскания местному чиновнику, то будет считаться виновным.

13. О русских, находящихся на службе в Греции у Греческого царя. Если кто (из них) умрет, не завещав своего имущества, а своих (родственников) у него (в Греции) не будет, то пусть возвратят его имущество ближайшим родственникам на Руси. Если же он составит завещание, то пусть тот, кому (он) написал (распоряжение) наследовать имущество, возьмет завещанное и наследует им.

13а. О русских, совершающих торговые операции...

14. О различных (людях), ходящих в Грецию и остающихся в долгу... Если злодей (? не) возвратится на Русь, то пусть русские жалуются греческому царскому вели-

честву, и он да будет схвачен и возвращен насильно на Русь.

15. То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же (с ними).

Для подтверждения и нерушимости настоящий мирный договор между вами, христианами, и (нами) русскими, мы составили киноварью (? Ивановым написанием) на двух хартиях: вашего царя и собственноручной, и, скрепив (клятвою), предлежащим честным крестом и святою единосущною троицею единого истинного бога вашего, отдали нашим послам. Мы же клянемся вашему царю, поставленному (на царство) милостью бога, по обычаю и по установлению нашего народа, что ни мы, ни кто-либо из нашей страны не (будет) нарушать (этих) утвержденных пунктов мирного договора. И этот письменный экземпляр договора дали вашим царям на утверждение, чтобы этим договором был подтвержден и укреплен существующий между нами мир.

Месяца сентября 2, индикта 15, в год от сотворения мира 6420.

Царь же Леон почтил русских послов дарами, золотом и шелками, и драгоценными тканями, и приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства: множество золота,

драгоценные ткани, драгоценные камни, а также чудеса своего бога и страсти господни: венец, гвозди, багряницу, мощи святых, уча их своей вере и показывая им истинную веру. И так отпустил их в свою землю с великою честью.

Послы же, посланные Олегом, пришли к нему и поведали все речи обоих царей, как установили мирные отношения и заключили договор между Греческою землею и Русскою, и (решили, чтобы впредь) не преступать клятвы — ни грекам, ни русским.

944 год.

В год 6453. Прислали Роман, Константин и Стефан к Игорю послов для восстановления прежних мирных отношений. Игорь же, поговорив с ними о мире, послал своих дружинников к Роману. Роман же созвал бояр и сановников. И привели русских послов и велели (им) говорить, а также записывать речи обеих сторон на хартию.

Список с другого (экземпляра) договора, находящегося у царей Романа, Константина и Стефана, христолюбивых владык.

1. Мы, от (имени) русского народа, послы и купцы, Ивор, посол Игоря, великого князя русского, и общие послы: Вуефаст — Святослава, сына Игоря; Искусев — княгини Ольги; Слуды — Игоря, племянника Игоря; Улеб —

Владислава; Каницар — Предславы; Шихберн — Сфан-
дры, жены Улеба; Прастен — Турдов; Либиар — Фостов;
Грим — Сфирков; Прастен — Акуна, племянника Игоря;
Кары — Студеков; Егри — Ерлисков; Воист — Войков;
Истр — Аминдов; Прастен — Бернов; Ятвяг — Гунарев;
Шибрид — Алдан; Кол — Клеков; Стегги — Етонов; Сфир-
ка...; Алвад — Гудов; Фруди — Тулбов; Мутур — Утин.
Купец (? купцы): Адунь, Адулб, Иггизлад, Улеб, Фрутан,
Гомол, Куци, Емиг, Турбрид, Фурстен, Бруны, Руалд, Гу-
настр, Фрастен, Иггелд, Турберн, другой Турберн, Улеб,
Турбен, Моны, Руалд, Свен, Стир, Алдан, Тилий, Апубкарь,
Свен, Вузлев и Синько Борич, посланные Игорем, великим
князем русским и всяким князем и всеми людьми Русской
земли. И теми поручено возобновить на зло ненавидящем к
добру враждолюбцу дьяволу старый мирный договор, уже
много лет как нарушенный, и утвердить дружбу между гре-
ками и русскими.

И наш великий князь Игорь, и его бояре, и все люди
русские послали нас к Роману, Константину и Стефа-
ну, великим греческим царям, укрепить дружбу с сами-
ми царями, и со всеми боярами, и со всеми греческими
людьми на все годы (до тех пор), пока сияет солнце и
существует самый мир. А если (кто-либо) из Русской
страны замыслит нарушить эту дружбу, то пусть те из
них, которые приняли крещение, получают от вседержи-

теля бога возмездие и осуждение на погибель и в этом мире, и в загробном; а те из них, которые не крещены, пусть не получают помощи ни от бога, ни от Перуна, да не защитятся они своими щитами, и да погибнут они от своих мечей, от стрел и другого своего оружия, и да пребудут рабами в этом мире и загробном.

2. А великий князь русский и его бояре пусть посылают в Грецию к великим царям греческим (столько) кораблей со своими послами и купцами, сколько захотят. Если (раньше) было постановлено, чтобы послы приносили золотые печати, а купцы — серебряные, то теперь повелел ваш князь посылать грамоты к нашему царскому величеству; посылаемые ими (т.е. русскими) послы и гости пусть приносят грамоту, где будет написано так: «послал столько-то кораблей»; чтобы из таких (грамот) узнали и мы, что приходят они с мирными намерениями. Если же придут без грамоты и окажутся в наших руках, то нам следует задержать (их до тех пор), пока не возвестим Вашему князю; если же (они) не дадут себя задержать и будут сопротивляться, то (если будут убиты) пусть не взыщется Вашим князем смерть их; если же, убежав, придут на Русь, то напишем мы Вашему князю — и пусть делают (с ними), что хотят.

2а. Если явятся русские не для торговли, то пусть не взимают месячное. И пусть запретит (русский) князь своим послам и (вообще) прибывающим сюда русским творить бес-

чинство в наших селах и в нашей стране. Пусть прибывающие (сюда) обитают вблизи монастыря Святого Мамонта; и когда наше царское величество пришлет (к ним кого-либо), кто перепишет их имена, то пусть тогда (только) они возьмут полагающееся им месячное — сперва (пришедшие) из Киева, затем из Чернигова и Переяславля.

И пусть входят в город только через одни ворота в сопровождении царского чиновника, безоружными, человек по 50, и пусть торгуют, сколько им нужно, и выходят назад, а царский чиновник пусть их охраняет. Если же кто-либо из русских или из греков совершит беззаконие, пусть тот (чиновник) рассудит их. Когда же русские входят в город, то пусть не совершают бесчинств — пусть они не имеют права купить драгоценных тканей больше, чем на 50 золотников (каждый). И если кто купит что-нибудь из тех тканей, то пусть покажет (их) царскому чиновнику, а тот, наложив печать, отдаст их ему. И отправляющиеся отсюда русские пусть взимают от нас, по мере надобности, пищу на дорогу и что нужно для обеспечения людей, как было установлено раньше, и пусть возвратятся невредимыми в свою страну, а у святого Мамонта зимовать (они) не имеют права.

3. Если убежит челядин от русских, пришедших в страну нашего царского величества и (живущих) около святого Мамонта, и если найдется он, то пусть его возьмут; если

же не найдется, то пусть присягнут наши русские — христиане в соответствии с их верой, а нехристиане по их обычаю, — и тогда возьмут от нас, согласно установленной прежде расценке, 2 драгоценные ткани за челядина.

4. Если убежит к Вам наш челядин от людей нашего царского величества, или из нашей столицы, или из других городов и принесет что-нибудь (с собою), то Вам следует возвратить его; а если все, что он принес, будет цело, то взять от него (т.е. хозяина) два золотника за поимку (челядина).

5. Если же кто из русских попытается (самовольно) взять что-либо у людей нашего царского величества и свою попытку осуществит, то будет сурово наказан; если же (он) уже возьмет (что-либо), то пусть заплатит вдвойне; и если то же причинит грек русскому, то (он) подвергнется такому же наказанию, какому подвергся и тот (русский при совершении кражи).

6. Если же случится украсть что-либо русскому у греков, то следует возвратить не только украденное, но и (приплатив сверх того) его цену; если же окажется, что украденное уже продано, то пусть отдаст вдвойне его цену и будет наказан по греческому обычаю и по уставу и обычаю русскому.

7. И сколько бы сюда пленных христиан нашей страны русские ни приводили, то, если будет юноша или хорошая девица, пусть (при их выкупе) дадут (наши по) 10 золотников и забирают их; если же (будет) обыкновенный (плен-

ник), то дают 8 золотников и забирают его; если же будет стар или мал, то дадут 5 золотников.

Если же окажутся русские из числа пленников в рабстве у греков, то пусть русские выкупают их по 10 золотников; если же грек купил (русского), то следует ему присягнуть и взять свою цену, сколько он дал за него.

8. И о Корсунской стране. Русский князь не имеет права воевать в тех странах, ни в каких-либо городах той земли, а та страна не будет вам подвластна; когда же попросит у нас воинов русский князь, чтобы воевать, дадим ему (столько), сколько ему ни потребуется.

9. И о следующем. Если найдут русские греческий корабль, выкинутый где-нибудь на берег, пусть не причиняют ему ущерба; если же кто возьмет с него что-либо, или обратит какого-либо человека (с этого корабля) в рабство, или убьет, то будет наказан согласно русскому и греческому обычаю.

10. Если же русские застанут в устье Днепра корсунян за рыбной ловлей, пусть не причинят им никакого зла. И пусть русские не имеют права зимовать в устье Днепра, в Белобережии и у святого Елферья, но с наступлением осени пусть отправляются в Русь по своим домам.

11. И о следующем. Если же придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то просим русского князя, чтобы он не пускал их причинять ущерб его стране.

12. Если же будет совершено какое-либо злодеяние греками, подданными нашего царского величества, то (Вы) не имеете права их (самовольно) наказывать, но, согласно повелению нашего царского величества, пусть получают (они наказание) в меру своих проступков.

13. Если же убьет христианин русского или русский христианина и будет схвачен убийца родичами (убитого), то да будет он убит.

Если же убийца убежит, а окажется имущим, то пусть его имущество возьмут родичи убитого. Если же он окажется неимущим и (при этом) он убежал, то пусть его разыскивают, пока не будет найден; если же будет найден, то да будет он убит.

14. Если же ударит мечом или копьем или каким-либо орудием русин грека или грек русина, то пусть за такое беззаконие заплатит по обычаю русскому 5 литров серебра. Если же он окажется неимущим, то пусть настолько будет распродано у него все, что даже и одежды, в которых он ходит, и те с него пусть снимут, а (что касается) недостающего, то пусть присягнет, согласно своей вере, что ничего не имеет, и да будет отпущен.

15. Если же пожелает наше царское величество (получить) от Вас воинов для борьбы с нашими противниками, и если напишут (об этом) к Вашему великому князю, то пусть пошлет к нам (столько их), сколько пожелаем; и пусть из

этого узнают иные страны, какая дружба связывает греков с русскими.

16. Мы же этот договор написали на двух хартиях: и одна хартия находится у нашего царского величества — на ней же изображен крест и написаны наши имена; а на другой (написали имена) ваши послы и ваши купцы. Отправляясь (назад) вместе с послом нашего царского величества, пусть (они) препроводят ее к великому князю русскому Игорю и к его людям; и те, получив хартию, пусть присягнут, что будут истинно соблюдать то, о чем мы договорились и что мы написали на этой хартии, на которой написаны наши имена.

Мы же (клянемся): те из нас, кто крещен, клянемся в соборной церкви церковью Святого Ильи, подлежащим честным крестом и этой хартией соблюдать все, что на ней написано, и ничего из того (что в ней написано) не нарушать; а если это нарушит (кто-либо) из нашей страны, князь ли или кто иной, крещеный или некрещеный, да не получит он помощи от бога, да будет он рабом в этой жизни и в загробной и да будет он заколот собственным оружием.

А некрещеные русские, слагая свои щиты, обнаженные мечи, обручи (?) и остальное оружие, клянутся, что все написанное на этой хартии будет исполняться Игорем, всеми боярами и всеми людьми Русской страны всегда, во все будущие годы.

Если же кто-нибудь из князей или из русских людей, христианин или нехристианин, нарушит то, что написано на этой хартии, то следует ему умереть от своего оружия, и да будет он, как нарушивший клятву, проклят богом и Перуном. И если будет великий князь Игорь достойно сохранять этот правый договор о дружбе, да не разрушится он (т.е. этот договор, до тех пор), пока сияет солнце и стоит весь мир, в нынешние времена и в загробные.

Послы же, посланные Игорем, вернулись к нему с греческими послами и поведали (ему) все речи царя Романа. Игорь же призвал греческих послов и сказал им: «Расскажите, что наказал Вам царь?» И сказали послы царя: «Вот послал нас царь, обрадованный миру, (ибо) хочет иметь мир и дружбу с русским князем. И твои послы водили наших царей к присяге, а нас послали привести к присяге тебя и твоих дружинников». И обещал Игорь так сделать. И завтра призвал Игорь послов и пришел на холм, где стоял Перун; и сложили свое оружие, щиты и золото, и присягнул Игорь и его дружинники и сколько ни есть русских язычников, а русских христиан приводили к присяге в церкви святого Ильи, что стоит над Ручьем в конце Пасынчей беседы. Это была соборная церковь, ибо многие варяги и хазары были христианами. Игорь же, утвердив мир с греками, отпустил послов, одарив их мехами, челядью и воском. Послы же

пришли к царям и поведали все речи Игоря и о дружбе его к грекам.

971 год.

И послал [Святослав] послов к цесарю в Доростол, ибо там находился цесарь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и дружбу». (Цесарь) же, услышав это, обрадовался и послал ему дары, больше прежних. Святослав же принял дары и начал думать со своею дружиною, говоря так: «Если не заключим с цесарем мира, а он узнает, что нас мало, то, подойдя, осадит нас в городе. Русская же земля далеко, а печенеги с нами воюют, кто нам (тогда) поможет? Если же заключим с цесарем мир, — ведь он нам обязался платить дань, — то нам того будет (вполне) достаточно. Если же не станет посылать (нам) дани, тогда снова, собрав множество воинов, пойдем из Руси на Царьград». И была по нраву дружине эта речь. И послали лучших мужей к цесарю. И прийдя в Доростол, поведали они об этом цесарю. Цесарь же на следующее утро призвал их и сказал: «Пусть говорят русские послы». Они же сказали: «Так говорит наш князь: хочу быть в прочной дружбе с цесарем греческим во все будущие времена». Цесарь же, обрадовавшись, повелел писцу записывать на хартии все речи Святослава. И начали послы говорить все речи и начал писец писать. Так говорили они:

Список с другого (экземпляра) договора, находящегося у Святослава, великого князя русского, и у цесаря греческого Иоанна, называемого Цимисхием, писан Свенельдом и синкелом Феофилом в Доростоле месяца июля, индикта 14, в год 6479.

1. Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю настоящим договором свою клятву: хочу вместе с подвластными мне русскими боярами и прочими иметь мир и прочную дружбу с Иоанном, великим цесарем греческим, с Василием и Константином, богом данными цесарями, и со всеми вашими людьми до конца мира.

2. И никогда не буду посягать на вашу страну, ни собирать войска (для войны с ней) и не наведу другого народа на вашу страну и земли, подвластные грекам, на Корсунскую область со всеми ее городами и на Болгарскую землю.

3. А если кто-либо другой посягнет на вашу страну, то я буду ему противником и буду биться с ним.

4. Как уже клялся я греческим цесарям, а со мною бояре и вся Русь, да соблюдаем (впредь) эти нерушимые договоры. Если же вышесказанное я и те, кто вместе со мною и кто подвластен мне, не соблюдаем, пусть будем прокляты богом, в которого веруем, Перуном и Велесом, богом скота, и да пожелтеем, как золото, и да будем иссечены своим собственным оружием. И не сомневайтесь в правде того,

что ныне изобразили на золотой дощечке, написали на этой хартии и скрепили своими печатями.

Святослав заключил мир с греками и в ладьях отправился к порогам.

Приложение № 2
Пселл М. Хронография.
Краткая история (извлечения)

ВАСИЛИЙ II

...

III. Что же касается Василия, то он, приняв власть над Ромейской державой, не пожелал ни делить с кем-либо свои заботы, ни пользоваться чужими советами в управлении государством.

...начали против него беспощадную войну племянники этих людей. Первым же был Склир, мудрый в советах и в делах искусный. Богатствами он владел царскими, обладал большой властью, был победителем в великих битвах, и войско целиком сочувствовало его намерениям. Заручившись поддержкой многих людей, он первый отважился на войну с Василием, двинул на него все конное и пешее войско и дерзко отправился завоевывать царскую власть, будто она его так и дожидалась. Узнав, что все тяжеловооруженные воины стеклись к Склиру, император и его приближенные решили сперва, что погибли, но затем, собрав-

шись с духом, рассудили иначе и нашли, можно сказать, выход из безвыходного положения: сочли некоего Варду, племянника императора Никифора, человека благородного и мужественного, достойным противником мятежного Склира, верили ему оставшиеся силы, поставили военачальником и послали на борьбу со Склиром.

VI. Однако самого Варду, который был царского рода и высоко мнил о себе, они опасались ничуть не меньше Склира. Поэтому они совлекли с него гражданское платье и все знаки власти, ввели его в церковный клир, взяли торжественное обещание не поднимать мятежа и не преступать клятвы и, только обезопасив себя таким образом, отправили его с войском.

VII. А был этот муж, как рассказывает историк, нравом похож на своего дядю-императора: всегда озабоченный и настороженный, он умел все предвидеть и увидеть, был искушен в военных хитростях, опытен в разного рода приступах, засадах и открытых сражениях. В боевых же схватках он был решительнее и мужественнее его. Раненный им враг тотчас испускал дух и одним боевым кличем приводил Варда в замешательство целую фалангу. Таков был Фока. Разделив свои силы и разбив их на отряды, он не раз и не два обращал в бегство отряды Склира, во много раз более многочисленные, чем его собственные. Насколько он усту-

пал неприятелю числом воинов, настолько превосходил его доблестью, искусством и военной хитростью.

VIII. В конце концов оба полководца решили сразиться друг с другом и согласились встретиться в единоборстве. И вот они сошлись на поле, разделявшем войска, и, едва окинув друг друга взором, тотчас же начали поединок. Мятежник Склир в своем яростном натиске не стал заботиться о должной осторожности и, приблизившись к Фоке, первым из всех сил ударяет его по голове, и стремительный бег коня придает его удару еще большую мощь. А Фока, хоть на мгновение и выпустил от неожиданности поводья, быстро пришел в себя и ответил противнику таким же ударом по голове, остудив его пыл и обратив в бегство.

IX. Оба сочли такой суд окончательным и бесспорным. Отчаявшийся Склир, который с Фокой бороться был не в состоянии, а к императору перейти стыдился, принял весьма ненадежное и неразумное решение: вместе со всем войском он покинул ромейские пределы и двинулся в Ассирийскую землю, дав знать о себе царю Хосрою, но возбуждал в нем подозрения. Опасаясь скопления воинов и неожиданного нападения, царь велел их заключить в оковы и держать в надежной тюрьме.

X. Тем временем Варда Фока вернулся к императору ромеев, удостоился триумфа и стал одним из близких к царю лиц. Так закончился первый мятеж, и император Василий,

казалось, освободился от забот. Но это избавление было на самом деле лишь началом многих бед. Дело в том, что Фока, которого сначала удостаивали немалых почестей, а потом все меньших и меньших, понял, что вновь обманулся в ожиданиях. Полагая, что он не преступает клятвы, поскольку она действительна только при определенных условиях, Варда вместе с большей частью войска учинил против Василия мятеж еще опаснее и грознее описанного. Прежде всего он привлек на свою сторону самые могущественные в то время роды, отложился от императора, набрал войско из ивиров (это все мужи ростом чуть ли не до десяти стоп, видом очень суровые) и уже не в помыслах, а на деле надел императорскую тиару и облачился в платье царского цвета.

XI. Дальше же происходит вот что. В Вавилоне, где искали защиты и, как уже говорилось, обманулись в своих надеждах воины Склира, началась война с чужеземцами, война тяжелая и страшная, потребовавшая много отрядов и много воинов. Хосрой не мог обойтись собственной армией и потому, возложив надежды на беглецов, сразу освободил их из оков, вывел из тюрьмы и выстроил против вражеских отрядов. Эти доблестные, воинственные и искушенные в военном деле мужи разомкнули строй и с боевым кличем понеслись на врагов; одних из них убили на месте, других обратили в бегство и, преследуя до самого лагеря, унич-

тожили всех до единого. Они уже повернули было назад, но затем, как бы повинуюсь душевному порыву, помчались прочь, ибо опасались, что варвар снова встретит их неласково и опять заключит в оковы. Все вместе стремительно бежали ромеи, и, только когда они оказались далеко от Ассирии, варвар узнал об их исчезновении и приказал собравшимся воинам отправиться вдогонку за ними. Полчища врагов обрушились с тыла на наших воинов, но смогли лишь убедиться, насколько уступают они ромейской силе. Преследуемые неожиданно повернули коней и вступили в сражение — немногие против многих; но вскоре врагов осталось мало, да и уцелевшие обратились в бегство.

XII. Между тем Склир вновь задумал овладеть престолом и захватить власть, ибо Фока в это время уже ушел из столицы, а царское войско было рассеяно. Однако, подойдя к ромейской границе, он узнал, что Фока объявил себя императором. Тогда Склир, не имея сил, чтобы еще и с царем сражаться, самодержцу нанес новое оскорбление, а к Фоке явился, смилив гордыню, уступил ему первенство и согласился занять второе место после него. Затем они разделили на две части военные силы и придали мятежу новый размах. Уповая на отряды и укрепления, они спустились к прибрежным крепостям Пропонтиды, разбили для безопасности лагеря и готовы были приступить к переправе через море.

ХІІІ. Царь Василій порицал неблагодарных ромеев и, поскольку незадолго перед тем явился к нему отряд отборных тавроскифских воинов, задержал их у себя, добавил к ним других чужеземцев и послал против вражеского войска. Те застали неприятелей врасплох, готовившихся не противника побить, а вина попить, многих убили, а остальных рассеяли, и поднялся среди мятежников бунт против самого Фоки.

ХІV. Набираясь военного опыта, находился в ромейском войске царь Василій, в то время юноша с едва пробивающейся бородой. Не преминул занять место в боевых порядках и брат его Константин, который стоял в строю, облачившись в доспехи и потрясая длинным копьем.

ХV. Отряды выстроились друг против друга: по берегу — царские, на холмах — узурпатора, а между ними оставалось свободное пространство. Когда Фока узнал, что в строю находятся императоры, он не стал откладывать сражение, выбрал день, которому суждено было окончательно решить исход войны, и отдался на волю судьбы. При этом он действовал вопреки советам своих прорицателей, которые, совершив жертвоприношение, старались удержать его от битвы; не посчитавшись с ними, он пустил вскачь коня. Рассказывают и о зловещих знамениях. Конь, на которого он сел, сразу же под ним поскользнулся; Фока пересел на другого, но и с тем через несколько шагов случилось то

же самое. Цвет лица его изменился, сознание помутилось, началось головокружение. Но ничто не могло остановить этого человека, коль скоро он приготовился к бою; выдвинувшись на переднюю линию и находясь уже невдалеке от царского войска, он собрал вокруг себя пеший отряд — были это воинственные ивиры, цветущие юноши с первым пушком на щеках, одинаково высокого, как по мерке, роста, с мечами в руках, неудержимые в натиске, — одним мановением руки увлек их за собой, опередил фалангу и с боевым кличем, опустив поводья, понесся прямо на императора; правой рукой он сжимал рукоять высоко поднятого меча, которым готовился поразить Василия.

XVI. Так дерзко устремился мятежник на Василия, а тот выехал из рядов и остановился, держа в одной руке меч, а в другой образ Богоматери, в которой видел оплот против не-удержимого натиска врага. Словно туча, гонимая могучим ветром, неся Фока на противника, вздымая пыль, а наши воины с обеих сторон принялись метать в него дротики, и, потрясая длинным копьем, выдвинулся вперед из строя Константин. Но не успел еще Фока далеко отъехать от своего войска, как неожиданно вывалился из седла и рухнул на землю. Разные люди рассказывают об этом по-разному. Некоторые утверждают, что он был ранен дротиком и упал от смертельного удара, другие говорят, будто из-за расстрой-

ства и болезни живота у него вдруг потемнело в глазах, и он свалился с коня, потеряв сознание.

Царь Константин хвастливо приписывал убийство узурпатора себе. Но большинство полагало, что все это было результатом заговора. Яд, замешанный для него и выпитый им, во время движения внезапно поднялся к голове, проник в мозг, вызвал головокружение и падение. И был-де это приказ Василия, а выполнила его рука виночерпия при мятежнике. Я, со своей стороны, ясности в это дело не вношу, а все за счет Богоматери отношу.

XVII. И вот тот, кто всегда был недосягаем для мечей и копий, упал на землю. О, прискорбное и достойное жалости зрелище! Когда оба войска это увидели, мятежное сразу разбилось на части, его плотный строй разомкнулся, подался назад и побежал, приближенные царя поспешили к упавшему (ивирь уже рассеялись), разрезали его тело ножами на куски, а голову отрубили и доставили Василию.

XVIII. В результате всего этого царь сделался совсем другим, его не столько радовало случившееся, сколько удручало печальное положение дел. Он ко всем стал подозрителен и суров, в мыслях коварен, к провинившимся же питал гнев и злобу.

...

XXII. Император Василий, осознав, сколь многообразны царские заботы и что не простое и легкое это дело —

править таким государством, стал воздерживаться от всякой распущенности, отказался от украшений, не носил уже ни ожерелий на шее, ни тиары на голове, ни роскошных, отороченных пурпуром платьев, снял лишние перстни, сбросил пестро окрашенные одежды; он был постоянно сосредоточен и озабочен тем, как привести в царственную гармонию дела своей державы. Он стал с пренебрежением относиться не только к чужим людям, но даже к собственному брату, которому позволил иметь при себе лишь немногочисленную стражу, а в большей чести и пышности отказал из зависти. Ограничив прежде всего — об этом уже говорилось — самого себя и с легкостью отказавшись от чрезмерной роскоши, он мало-помалу ослаблял и власть брата и таким образом легко прибрал его к рукам. Предоставив тому наслаждаться прелестями полей, удовольствием от бань и охотой, любителем которой тот был, сам Василий обратился к терпящим бедствие пограничным областям, решив избавить державу от варваров, окружавших наши земли на востоке и западе.

XXIII. Однако осуществить это намерение Василию удалось лишь позже, так как в то время ему помешал выступить против варваров Склир, приковавший к себе все его внимание. Дело в том, что после гибели Фоки воины под его командованием, еще до объединения со Склиром, обманувшись в надеждах на предводителя, разошлись и

рассеялись; Склир же и бежавшие, а затем вернувшиеся вместе с ним образовали отдельную армию, не уступающую войску Фоки, и стали для царя ничуть не меньшей угрозой.

XXIV. Этот муж, хотя вроде бы и уступал Фоке силой, явно был более сведущ и изобретателен в том, что касалось полководческого искусства. Вот почему, подняв новое восстание против самодержца, он не захотел сойтись с ним в открытом бою, но укреплял и увеличивал благодаря новым пополнениям войско и оттого оказался еще более грозным противником. Не только так старался он одолеть самодержца, но задерживал столько судов, сколько ему нужно было для сопровождения, запер дороги, а все, что везли во дворец, забирал и хранил в большом количестве для нужд войска и, пристально следя, препятствовал тому, чтобы исполнялись распоряжения, доставляемые из столицы государственной почтой или передаваемые как-либо иначе.

XXV. Начавшееся летом восстание осенью не завершилось, один годовой круг не положил конца заговору, но зло это процветало в течение многих лет, ибо те, кто раз признал над собой власть Склира и присоединился к его войску, уже больше не мучались сомнениями и ни один тайком не перебежал к императору: так их сплотил и такую решимость вселил в них Склир, который покорял

людей своей доброжелательностью, обязывал благодарениями, спаял друг с другом, ел с ними из одного котла и пил из одного кубка, каждого звал по имени и удостоивал похвалы.

XXVI. Чего только ни придумывал император против Склира, тот быстро разрушал все его планы и как мудрый полководец его замыслам противопоставлял свои замыслы, его расчетам — свои расчеты. Увидев наконец, что Склир для любых уловок неуязвим, Василий отправил к нему посольство с заданием склонить его к миру и уговорить прекратить мятеж и занять в государстве второе место после царского. Сначала Склир встретил эти предложения недоброжелательно, но потом, хорошенько обо всем поразмыслив, сравнил прошлое с настоящим, сопоставил с ним грядущее и, задумавшись о себе самом, уже угнетаемом старостью, дал послам себя убедить. К приему посольства он собрал для поддержки все войско и замирился с насилием на таких условиях: он снимет с головы корону, откажется от царского цвета, займет следующее после царя место, командиры отрядов и вообще все, участвовавшие в мятеже, останутся на прежних должностях и сохраняют свои чины, не потеряют владений, которые имели раньше или получили от него, и не лишатся никаких других пожалований.

XXVII. Стороны сошлись на таких условиях, и царь выступил из города, чтобы в одном из своих самых прекрасных поместий встретить Склира и заключить с ним мир. Император расположился под царским шатром, а этого мужа, не на коне, а пешего, стража, препроводив издалека, привела к царю для беседы. Высокого роста и уже состарившийся, шел он, поддерживаемый под руки с обеих сторон, а император, который заметил его издали, обращаясь к стоящим неподалеку, произнес ныне широко известную фразу: «Того, кого я страшился, ныне ведут как просителя».

Склир же то ли намеренно, то ли по забывчивости, сложив с себя прочие знаки царского достоинства, не снял с ног пурпурные сандалии, но шел к царю как бы еще облаченный долей власти, и Василий, издалека увидевший это, рассердился и закрыл глаза, так как желал видеть его не иначе, как только в обычном облачении. И вот где-то около императорского шатра Склир снял и пурпурные сандалии и уже в таком виде зашел в палатку.

XXVIII. Император немедленно поднялся с места, они обменялись поцелуями, после чего приступили к беседе. Склир оправдывался и ссылался на причины, побудившие его замыслить и учинить мятеж, а царь милостиво принимал оправдания и относил все случившееся за счет злой судьбы. Распивая вино из одного с ним сосуда, царь под-

нес к губам поданный Скиру кубок и, немного отхлебнув, возвратил собеседнику — этим он рассеял его подозрения и засвидетельствовал святость мирного соглашения. Затем, обращаясь к Скиру как к военачальнику, он задал вопрос относительно государственных дел и спросил, каким образом сохранить ему незыблемым свое владычество, а тот в ответ высказал мысль коварную и недостойную полководца, а именно: упразднить пышные должности, никому из воинского сословия не давать богатства, но обирать их с помощью незаконных налогов, чтобы их мысли были заняты одними домашними делами, не вводить во дворец женщину, не подпускать к себе никого близко и не посвящать сразу многих людей в тайные замыслы.

XXIX. Этим закончилась их беседа. Скир отправился в отведенные ему владения и, недолго там прожив, расстался с жизнью. Что же касается царя Василия, то он всегда проявлял небрежение к подданным и, по правде говоря, утверждал свою власть скорее страхом, чем милостью. Став же старше и набравшись опыта во всех делах, и во все перестал нуждаться в мудрых людях, сам принимал все решения, сам распоряжался войском, гражданскими делами, управлял не по писаным законам, а по неписаным установлениям своей необыкновенно одаренной от природы души. Поэтому-то он и не обращал никакого внимания на ученых людей, но совершенно пренебрегал этим племенем

(я имею в виду ученых). Приходится лишь удивляться, что при таком презрении царя к научным занятиям в те времена появилось немало философов и риториков, и я могу найти только одно подходящее и, как говорится, правдоподобное решение этой чудесной загадки: в те времена занимались науками не с какой-то посторонней целью, но интересовались ими ради них самих. Ныне, однако, большинство людей относится к образованию совсем по-иному: они признают первой причиной ученых занятий пользу и, более того, ради нее одной науками и интересуются, причем сразу же от них отворачиваются, если не достигают цели. Однако оставим это.

XXX. Вернемся к императору. Прогнав варваров и, если можно так сказать, всеми способами прибрал к рукам собственных подданных, он не пожелал на этом остановиться, но сокрушил силу выдающихся родов, уравниал их с другими и своей властью начал распоряжаться с легкостью игрока в кости. Он окружил себя людьми, благородным нравом не блещущими, родом не знатными и в науках не сведущими, которым и поручал составление царских посланий и доверял государственные тайны. Поскольку же в те времена царские ответы на доклады и прошения не отличались изысканностью слога, а были просты и бесхитростны (царь совсем не умел складно и изощренно говорить и писать), он соединял между собой приходившие ему на ум слова и

диктовал их писцам, и в речи его не было никаких прикрас и никакого искусства.

XXXI. Оградив царство от надменной и завистливой судьбы, он не только гладко вымостил дорогу власти, но перекрыл каналы, через которые утекали поступавшие деньги, никому ничего не давал, к старым сокровищам прибавлял новые и потому приумножил богатства государства. Дворцовую казну он увеличил до двухсот тысяч талантов, а кто сможет достойно описать другие его приобретения! Все, чем владели ивиры и арабы, все сокровища кельтов, богатства скифской земли, а вернее всех соседних стран, — все это он собрал воедино и вложил в царскую казну. Туда же он отправил и там хранил деньги, взятые у тех, кто против него восставал и был разгромлен. Когда же в специально построенных хранилищах не хватило места, он велел вырыть подземные лабиринты, наподобие египетских склепов, и в них спрятал немалую долю собранного. Сам, однако, он своими сокровищами не пользовался, и большая часть драгоценных камней, белоснежных, называемых жемчугами, и многоцветных, не вставлялась в короны и ожерелья, а лежала сваленной на полу. Совершая выходы и принимая должностных лиц, Василий облачался в пурпурное платье не ярких оттенков, а темное, и только несколько жемчугов свидетельствовали о его царском достоинстве. Проводя большую часть времени на войне, от-

ражая варварские набеги и обороняя наши границы, он не только ничего не потратил из накопленного, но, напротив, приумножил свои богатства.

XXXII. Походы против варваров он совершал совсем не так, как это в обычае у большинства императоров, которые выступают в середине весны, а в конце лета уже возвращаются: время возвращения определялось для него достижением цели, ради которой он отправился. Он выносил зимнюю стужу и летний зной, томясь жаждой, не сразу бросался к источнику и был воистину тверд, как кремь, и стоек ко всем телесным лишениям. Он досконально изучил военное дело — речь в данном случае идет не обо всем построении войска, не о взаимодействии отрядов, не о смыкании строя и его перестроении, а об обязанностях протостатов, гемилохитов и тех, кто за ними, — и во время войны удачно пользовался своими знаниями. Поэтому он и не определял на эти должности случайных лиц, но знакомился со способностями и умелостью в бою каждого и только после этого назначал их на те посты, к которым они подходили нравом и выучкой.

XXXIII. Знал он и самые выгодные для отрядов способы построения, причем об одних вычитал из книг, другие изобрел сам, исходя из собственного опыта. Он умел распоряжаться и составлять план, как нужно вести бой и выстроить войско, но до самого дела был не очень охоч, ибо

опасался, как бы не пришлось бежать от противника. Поэтому и занят он большей частью был тем, что располагал в засаде отряды, сооружал осадные машины, издали обстреливал неприятеля и наставлял боевому искусству легковооруженных воинов. Однако, вступая в сражение, Василий сжимал ряды по правилам тактики, как бы обносил армию стеной, смыкал войско с конницей, конницу — с отрядами, а отряды — с гоплитами и никому ни в коем случае не позволял выходить вперед из рядов и нарушать строй. Если же кто-нибудь из самых сильных и удалых воинов вопреки приказанию выезжал из боевых порядков и, вступив в схватку с противником, побеждал, то его не удостоивали по возвращении венков и наград, а, напротив, немедленно удаляли из войска и наказывали, словно преступника. Ведь нерушимый строй Василий считал главным условием победы и полагал, что только благодаря ему неодолимо ромейское войско. Когда же воины выказывали недовольство строгим надзором и в лицо оскорбляли царя, он спокойно переносил их насмешки и благодушно, вполне разумно отвечал: «Иначе нам никогда не кончить войны».

XXXIV. Он делил себя между военными делами и заботами мирного времени и, если говорить правду, на войне проявлял больше коварства, а во время мира — царственности. Если какому-нибудь воину случалось проштрафиться в походе, царь скрывал гнев и хранил его, как огонь под

золой, но по возвращении в столицу обнаруживал и вновь его раздувал, и тогда уже сурово карал провинившегося. Большой частью он оставался тверд в своих приговорах, но бывало, что и менял гнев на милость; при этом он нередко доискивался до причины преступления и тогда не наказывал за следствия. Иногда он поддавался состраданию, иногда иным соображениям и чувствовал расположение к провинившемуся. Подвигнуть его на какое-нибудь дело было нелегко, но и от решений своих отказываться он не любил. Поэтому к тем, кому благоволил, Василий без крайней нужды не менял отношения, но и не скоро прощал навлекших на себя его гнев, и были для него собственные мнения судом окончательным и божественным.

...

РОМАН III

...

VII. Задумав добыть славу боевыми трофеями, он приготовился воевать с восточными и западными варварами, однако потом решил, что победа на западе, если он даже легко ее завоюет, не принесет ему серьезной пользы, а вот если он двинется на страну, где встает солнце, то прибавит себе величия и будет с гордым видом вершить царскими делами. Вот почему за отсутствием истинной причины он выдумал мнимый предлог для войны с сарацинами, живущими в Келесирии (их столица на местном языке называ-

ется Халеб), собрал против них войско, умножил его ряды, изобрел новые боевые порядки, сколотил союзные отряды и набрал пополнение, чтобы одним ударом покончить с врагом. При этом он считал, что стоит ему сверх обычного предела увеличить войско, создать огромную армию и двинуть на врага эти полчища ромеев и союзников, как никто уже не сможет выдержать его натиска. И хотя высшие военачальники высказывали опасения и отговаривали его от похода, он велел уже готовить роскошные венки, которые должны были увенчать его, когда он станет провозглашать победу.

VIII. Сочтя подготовку к походу законченной, он выступил из Византии и направился в Сирию. По прибытии в Антиохию Роман совершил торжественный въезд в город, и процессия его выглядела царственно, но скорее театрально, чем по-боевому, и не могла поразить воображения неприятелей. Варвары же, посоветовавшись меж собой и разумно рассудив, прежде всего отправили к самодержцу послов с сообщением, что воевать они не желают, предложения для войны не давали, мирные соглашения соблюдают, прежних клятв не преступают и договоров не нарушают, но раз уж над их головами занесен меч, то и они, если император останется непреклонным, приготовятся (только сейчас) к войне и будут уповать на удачу в бою. На этом стояли послы; что же до императора, то он, будто рожденный

лишь для того, чтобы располагать и строить в боевые ряды войско, устраивать засады и набеги, копать рвы, отводить реки, разорять крепости и делать все, чем, как известно, занимались знаменитый Траян, Адриан, еще раньше цезарь Август, а до них Александр, сын Филиппа, отправил назад посольство (ведь оно было мирным!) и с еще большим усердием продолжал готовиться к битве, при этом не отбирал для своих целей лучших людей, а отдавал предпочтение простым воинам, на которых главным образом и надеялся.

IX. Когда он выступил из Антиохии, на холмах неожиданно показался отряд варварских воинов, засевших в засаде по обе стороны дороги. Вооруженные как попало, без доспехов, эти смельчаки боевыми криками и внезапным появлением навели ужас, оглушили наших воинов конным топотом и произвели впечатление огромных полчищ, ибо не двигались сомкнутым строем, а беспорядочно скакали отдельными группами. Они внушили такой страх, внесли такую сумятицу в ряды этого огромного войска и так сломили волю людей, что все, в каком были виде, так и помчались, ни о ком и ни о чем больше не помышляя. Верховые повернули и пустили вскачь коней, остальные, не теряя времени, чтобы оседлать лошадей, отдавали их первому попавшемуся, а сами, кто как мог, искали спасения в беспорядочном бегстве или скитаниях. Случившееся тогда превзошло все ожидания: те, которые благодаря своей во-

инской выучке и боевым порядкам покорили всю землю и, казалось, были неуязвимы для любых варварских полчищ, не выдержали одного вида врагов, были как громом оглушены, до глубины души напуганы их криками и пустились в бегство, будто понесли сокрушительное поражение. Первыми поддались панике телохранители императора, которые бросили самодержца и понеслись без оглядки. И если бы какой-то человек не посадил его на коня, не подал узду и не велел удирать, может быть, и попал бы в руки врагов тот, кто надеялся потрясти всю земную твердь. Более того, если бы в тот день Бог не сдержал натиска варваров и не внушил им благоразумия в удаче, ничто не спасло бы от гибели ромейского воинства, и прежде всего самого самодержца.

Х. И вот наши в панике удирали, а враги, оказавшись простыми свидетелями своей неожиданной победы, стояли в изумлении от такого беспричинного отступления и бегства. Затем, взяв в плен нескольких воинов (да и тех, в ком только узнали людей знатных), с остальными возиться не стали и бросились за добычей. Прежде всего они сняли царский шатер, который мог бы поспорить с иными из нынешних дворцов, столько в нем было ожерелий, браслетов, венцов, жемчугов и других богатств — всего самого великолепно-го! Числа этих драгоценностей было не измерить, а красотой не налюбоваться, столько такой роскоши хранилось в

царской палатке. Сначала они сняли шатер, затем собрали другую добычу и, груженные ею, вернулись к своим товарищам. Это о варварах. А между тем царь, оторвавшись от варварского отряда, поскакал туда, куда помчали его пыл и ноги его коня, а потом остановился на холме, откуда был хорошо заметен для бегущих и убегających (его можно было узнать по цвету сандалий); он собрал вокруг себя многих беглецов и встал, окруженный ими. Вскоре слух о нем распространился, подошли и другие воины, затем появилась перед ним и икона Божьей Матери, которую ромейские цари обычно везут с собой в походах как предводительницу и хранительницу всего войска, — одна только она и не попала в руки врагов.

XI. Увидев сладостный лик — царь всегда ревностно почитал эту святыню, — он тотчас воспрянул духом, обнял, не сказать как горячо прижал ее к сердцу, оросил слезами, доверительно заговорил с нею, напомнил о благодеяниях и поборничестве, когда она не раз вызволяла и спасала Ромейскую державу в опасности. Обретя ее милостью мужество, он, сам только что беглец, принялся упрекать бегущих, ободрять их криками и останавливать; воины по голосу и виду узнавали царя, собралась большая толпа, и он прежде всего вместе с ними отправился к наскоро разбитой палатке. Расположившись там на ночлег, он наутро после недолгого отдыха позвал начальников войска и предло-

жил им обсудить, что делать дальше. Все стали советовать вернуться в Византию и уже там обдумать случившееся, и царь, согласившись с их мнением, выбрал для себя самое разумное и отправился в Константинополь.

...

LXXVI. Этот Георгий Маниак не вышел сразу из носильщиков в полководцы и не так, чтобы вчера еще трубить в трубу и служить глашатаем, а сегодня уже командовать целым войском, но, как по сигналу, начал он медленно продвигаться вперед и постепенно, поднимаясь со ступени на ступень, достиг высших воинских должностей. Однако стоило ему добиться успеха, как он тут же, украшенный победным венком, попадал в оковы; он возвращался к царям победителем и угождал в тюрьму, его отправляли в поход и отдавали под начало ему все войско, но по обе стороны его уже становились молокососы-военачальники, толкавшие его на путь, идти которым было нельзя, где все должно было обернуться и против нас, и против него самого. Он взял Эдессу, но попал под следствие, его послали завоевывать Сицилию, но, чтобы не дать овладеть островом, с позором отозвали назад.

LXXVII. Я видел этого человека и восхищался им. Природа собрала в нем все, что требовалось для полководца: рост его достигал чуть ли не десяти стоп, и окружающие смотрели на него снизу вверх, как на холм или горную вер-

шину, видом он не был изнежен и красив, но как бы смерчу подобен, голосом обладал громовым, руками мог сотрясти стены и разнести медные ворота, в стремительности не уступал льву и брови имел грозные. Да и в остальном он был такой лев, а молва еще и преувеличивала то, что было в действительности. И варвары опасались Маниака: одни — потому что своими глазами видели его и удивлялись этому мужу, другие — потому что слышали о нем страшных рассказов.

LXXVIII. Когда у нас отторгли Италию и мы лишились лучшей части империи, второй Михаил отправил его воевать с захватчиками и вернуть государству эту область (под Италией я сейчас имею в виду не весь полуостров, а лишь часть его, обращенную к нам и принявшую это общее наименование). Явившись туда с войском, Маниак пустил в ход все свое военное искусство, и казалось, что скоро он уже прогонит завоевателей и меч его послужит лучшей защитой от их набегов.

LXXIX. Когда же Михаила свергли и власть перешла к самодержцу Константину, которого я ныне описываю, новый царь должен был бы оказать Маниаку честь всякого рода посланиями, увенчать тысячами венков, уважить его иными способами, но он ничего такого не сделал, дал ему повод для подозрений и, таким образом, с самого начала потряс основы царства. Когда же Маниак сам о себе напом-

нил, подпал под подозрение и был уличен в мятежных замыслах, то и тогда Константин не обошелся с ним как следовало бы, не притворился, будто ничего о его планах не знает, а ополчился на Маниака, как на открытого мятежника.

LXXX. Царь послал людей к Маниаку с приказом не угодить полководцу, не смягчить и не наставить его на путь истинный, но, можно сказать, погубить его или же, говоря мягче, выбрать его за враждебность и разве только что не высечь, не заключить в оковы и не изгнать из города. Возглавлял же посольство не человек, опытный в таких поручениях и состоявший долгое время на военной или гражданской службе, но один из тех, что с уличных перекрестков сразу попадают во дворец.

LXXXI. Когда этот человек высадился в Италии, Маниак уже начал мятеж и стоял во главе войска, и потому он с тревогой ожидал царского посланника. Тот же никак не предупредил его о мирных своих намерениях, да и вообще не известил о своем приходе, а незаметно для людских глаз явился к Маниаку и неожиданно предстал перед ним верхом на коне; при этом он не произнес и слова умиротворяющего, не сделал никакого предисловия, чтобы облегчить беседу, а сразу осыпал полководца бранью и пригрозил страшными карами. Воочию видя, как сбываются его подозрения, и опасаясь еще и тайных козней, Маниак воспылил гневом и замахнулся на посла, но не для того, чтобы уда-

рить, а только испугать. Тот же, как бы на месте преступления уличив Маниака в мятеже, призвал всех в свидетели такой дерзости и прибавил, что виновному уже не уйти от наказания. Маниак и его воины решили, что дела плохи, поэтому они набросились на посла, убили его и, не ожидая уже ничего хорошего от императора, подняли мятеж.

LXXXII. К этому отважному и непревзойденному в воинской науке мужу стекались толпы народа, причем не только те, что по возрасту годились для военной службы, но стар и млад — все шли к Маниаку! Он, однако, понимал, что трофеи воздвигаются не числом, а искусством и опытом, и отобрал только самых испытанных в бою воинов, с которыми разорил многие города и захватил немало добычи и пленных; вместе с ними он незаметно для сторожевых постов переправился на противоположный берег, и никто не решился выйти ему навстречу. Все боялись Маниака и старались держаться от него подальше.

LXXXIII. Так обстояли дела с Маниаком. Самодержец же, узнав о смерти посла и безрассудстве мятежника, сколотил против него многотысячное войско, но позднее стал опасаться, как бы будущий военачальник после победы не возгордился своим успехом, не обратил против государя оружия и не учинил мятежа еще более грозного (ведь армия под его началом соберется огромная и к тому же только что разгромившая противника), и потому поставил во

главе воинов не какого-нибудь доблестного мужа, а одного верного себе евнуха, человека, который никакими особыми достоинствами похвастаться не мог. С многочисленным войском тот выступил против узурпатора. Когда Маниак узнал, что на него движется вся ромейская армия, он не испугался ее численности, не устрасился натиска, но ни о чем уже, кроме мятежа, не помышляя, попытался застигнуть врага врасплох и неожиданно напал на него во главе легковооруженных отрядов.

LXXXIV. В конце концов нашим воинам все-таки удалось построиться в боевые порядки, но и тогда они оказались скорее в роли зрителей, нежели соперников Маниака, а многим он даже и взглянуть на себя не позволил: слепил их как молния, оглушал громом боевых команд, врывается в наши ряды и сеял ужас везде, где только появлялся. Благодаря своей доблести он сразу одержал верх над нашим воинством, но сам отступил перед высшим решением, смысл которого нам неведом. Когда Маниак приводил одни за другим в замешательство наши отряды (стоило ему появиться, как сомкнутые ряды разрывались и строй воинов подавался назад) и весь строй уже распадался на части и приходил в смятение, в правый бок полководца вдруг вонзилось копье, которое не только задело кожу, но проникло в глубь тела, и из раны тут же хлынул поток крови. Сначала Маниак вроде бы и не ощутил удара, но, увидев текущую

кровь, приложил руку к месту, откуда она струилась, понял, что рана смертельна, и распрощался со всеми надеждами; сначала он сделал попытку вернуться в свой лагерь и даже отъехал на некоторое расстояние от войска, но, почувствовав слабость во всем теле, не смог управлять конем. Перед его глазами поплыл туман, он тихо, сколько позволяли силы, застонал, сразу выпустил из рук поводья, вывалился из седла и — о скорбное зрелище! — рухнул на землю.

LXXXV. Но и лежа на земле, внушал он страх нашим воинам, и они попридержали коней, опасаясь, как бы все это не оказалось уловкой. Но когда и почувствовавший свободу конь стал беспорядочно носиться по полю (коновода вблизи не оказалось), они все толпой кинулись к мертвому и, рассмотрев его, были поражены тем, сколько места занимало распростершееся на земле тело; отрубив Маниаку голову, они доставили ее начальнику войска. Многие потом приписывали себе убийство этого мужа и сочиняли по этому поводу разные истории, а поскольку доказать ничего нельзя было, утверждали даже, что на Маниака набросились какие-то неведомые всадники и обезглавили его. Немало сочинилось подобных историй, но доказательств ни для одной из них не было; так как у Маниака оказался рассечен бок, считают, что его поразило копье, но кто нанес удар, остается неизвестным и ныне, когда я пишу это сочинение.

LXXXVI. Много зла претерпел этот муж, немало его и сам сотворил и такой смертью умер. Что же касается его армии, то отдельные отряды скрытно вернулись на родину, но большая часть перешла к нам. Еще до возвращения воинов самодержцу была послана голова мятежника, и он, будто схлынув окативший его морской вал, немного перевел дух, вознес благодарение Богу, а голову Маниака велел укрепить высоко над Великим театром, чтобы всем можно было издалека видеть ее как бы парящей в воздухе.

LXXXVII. Когда войско вернулось (большинство воинов шли, украшенные победными венками) и раскинуло лагерь у стен города, самодержец решил устроить триумф в честь победы. Зная толк в зрелищах, умея торжественно обставить любое дело, он устроил эту процессию следующим образом: впереди по его приказу с оружием в руках, неся щиты, луки и копья, но без порядка и строя шли легковооруженные воины. За ними следовали отборные всадники — катафракты, наводящие ужас своим облачением и боевыми рядами, а затем уже мятежное войско — не в строю и не в пристойном виде, но все на ослах, задом наперед, с обритыми головами, с кучей срамной дряни вокруг шеи; дальше уже справлялся триумф над головой узурпатора, а за ней несли его облачение, потом шли воины с мечами, равдухи и потрясающие в своих десницах секирами — вся эта огромная толпа двигалась перед полководцем, вслед

ей ехал и он сам, приметный благодаря коню и платью, а за ним и вся свита.

LXXXVIII. В таком порядке совершалось шествие, а в это время самодержец, высокий и ослепительный, восседал перед так называемой Медной стражей у того самого Божьего храма, который соорудил великий царь Иоанн, правивший после Никифора Фоки; сидя по обе стороны от него, наблюдали за триумфом и царицы. После окончания столь величественного шествия царь, сопровождаемый торжественными славословиями, с венком на голове отправился во дворец и в соответствии с собственным нравом больше уже не купался в лучах славной победы, а вновь стал скромн, как и прежде.

LXXXIX. Прекрасной и достойной всяческих похвал была эта черта у царя: он никогда не чванился успехами, хвастливо не разглагольствовал и, порадовавшись сколько положено, снова становился прежним. Таким уж обладал он характером. В то же время не проявлял он и достаточной осторожности; напротив, как человек, после многих испытаний нуждающийся в отдыхе, он вел себя легкомысленно, поэтому и беды накатывались на него, как волны, одна за другой.

Восстание росов (и мятеж Торника)

XC. Не успели подавить мятеж, как началась война с варварами. Неисчислимо, если можно так выразиться, коли-

чество русских кораблей прорвалось силой или ускользнуло от отражавших их на дальних подступах к столице судов и вошло в Пропонтиду. Туча, неожиданно поднявшаяся с моря, затянула мглой царственный город. Дойдя до этого места, хочу рассказать, почему они без всякого повода со стороны самодержца пустились в плавание и двинулись на нас походом.

ХСІ. Это варварское племя все время кипит злобой и ненавистью к Ромейской державе и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет предлога для войны с нами. Когда умер вселявший в них ужас самодержец Василий, а затем окончил отмеренный ему век и его брат Константин и завершилось благородное правление, они снова вспомнили о своей старой вражде к нам и стали мало-помалу готовиться к будущим войнам. Но и царствование Романа сочли они весьма блестящим и славным, да к тому же и не успели совершить приготовлений; когда же после недолгого правления он умер и власть перешла к безвестному Михаилу, варвары снарядили против него войско; избрав морской путь, они нарубили где-то в глубине своей страны лес, вытесали челны, маленькие и покрупнее, и постепенно, проделав все втайне, собрали большой флот и готовы были двинуться на Михаила. Пока все это происходило и война только грозила нам, не дождавшись появления росов, распрощался с жизнью и этот царь, за ним

умер, не успев как следует утвердиться во дворце, следующий, власть яса досталась Константину, и варвары, хотя и не могли ни в чем упрекнуть нового царя, пошли на него войной без всякого повода, чтобы только приготовления их не оказались напрасными. Такова была причина их похода на самодержца.

ХСII Скрытно проникнув в Пропонтиду, они прежде всего предложили нам мир, если мы согласимся заплатить за него большой выкуп, назвали при этом и цену: по тысяче статиров на судно с условием, чтобы отсчитывались эти деньги не иначе как на одном из их кораблей. Они придумали такое, то ли полагая, что у нас текут какие-то золотоносные источники, то ли потому, что в любом случае намеревались сражаться и специально выставляли неосуществимые условия, ища благовидный предлог для войны. Поэтому, когда послов не удостоили никакого ответа, варвары сплотились и снарядились к битве; они настолько уповали на свои силы, что рассчитывали захватить город со всеми его жителями.

ХСIII. Морские силы ромеев в то время были невелики, а огненосные суда, разбросанные по прибрежным водам, в разных местах стерегли наши пределы. Самодержец стянул в одно место остатки прежнего флота, соединил их вместе, собрал грузовые суда, снарядил несколько триер, посадил на них опытных воинов, в изобилии снабдил ко-

рабли жидким огнем, выстроил их в противоположащей гавани напротив варварских челнов и сам вместе с группой избранных синклитиков в начале ночи прибыл на корабле в ту же гавань; он торжественно возвестил варварам о морском сражении и с рассветом установил корабли в боевой порядок. Со своей стороны варвары, будто покинув стоянку и лагерь, вышли из противоположащей нам гавани, удалились на значительное расстояние от берега, выстроили все корабли в одну линию, перегородили море от одной гавани до другой и, таким образом, могли уже и на нас напасть, и наше нападение отразить. И не было среди нас человека, смотревшего на происходящее без сильнейшего душевного беспокойства. Сам я, стоя около самодержца (он сидел на холме, покато спускавшемся к морю), издали наблюдал за событиями.

XCIV. Так построились противники, но ни те, ни другие боя не начинали, и обе стороны стояли без движения сомкнутым строем. Прошла уже большая часть дня, когда царь, подав сигнал, приказал двум нашим крупным судам потихоньку продвигаться к варварским челнам; те легко и стройно поплыли вперед, копейщики и камнеметы подняли на их палубах боевой крик, метатели огня заняли свои места и приготовились действовать. Но в это время множество варварских челнов, отделившись от остального флота, быстрым ходом устремилось к нашим судам. Затем варвары

разделились, окружили со всех сторон каждую из триер и начали снизу пиками дырявить ромейские корабли; наши в это время сверху забрасывали их камнями и копьями. Когда же во врага полетел и огонь, который жег глаза, одни варвары бросились в море, чтобы плыть к своим, другие совсем отчаялись и не могли придумать, как спастись.

XCV. В этот момент последовал второй сигнал, и в море вышло множество триер, а вместе с ними и другие суда: одни позади, другие рядом. Тут уже наши приободрились, а враги в ужасе застыли на месте. Когда триеры пересекли море и оказались у самых челнов, варварский строй рассыпался, цепь разорвалась, некоторые корабли дерзнули остаться на месте, но большая часть их обратилась в бегство. Тут вдруг солнце притянуло к себе снизу туман, и, когда горизонт очистился, переместило воздух, который возбудил сильный восточный ветер, взбороздил волнами море и погнал водяные валы на варваров. Одни корабли вздыбившиеся волны накрыли сразу, другие же долго еще волокли по морю и потом бросили на скалы и на крутой берег; за некоторыми из них пустились в погоню наши триеры, одни челны они пустили под воду вместе с командой, а другие воины с триер продырявили и полузатопленными доставили к ближайшему берегу. И устроили тогда варварам истинное кровопускание, казалось, будто излившийся из рек поток крови окрасил море.

XCVI. Разгромив таким способом варваров, царь покинул берег и победителем вернулся во дворец. Все кругом говорили — я вник в эти разговоры и не обнаружил в них ничего серьезного и никаких оснований для пророчеств, — итак, говорили, что царя ждут многие напасти, как внешние — от варваров, так и от своих, прежде покорных подданных, но что все они его минуют, ибо добрая судьба придет на помощь самодержцу и легко разрушит все козни. Да и сам царь с гордостью рассказывал о пророчествах и гаданиях, касавшихся его царствования, вспоминал о видениях и необычных снах, одни из которых видел сам, о других узнал с чужих слов и толкований и говорил по этому поводу удивительные вещи. Поэтому и тогда, когда беда уже надвигалась и все остальные боялись и с ужасом ожидали будущего, он уповал на счастливый исход, умерял страхи окружающих и оставался беспечным, будто ничего дурного и не случилось.

XCVII. Мне, однако, ничего не известно о пророческом даре Константина, и я отношу его поведение за счет легкомыслия и беспечности души. В самом деле, люди осторожные и знающие, что и незначительные причины могут привести к большим несчастьям, обычно беспокоятся по любому пустяковому поводу, а коли беда, уже пристращатся исхода событий, пугаются каждого неприятного известия и не могут прийти в себя, даже если все снова стало хорошо.

С другой стороны, люди простоватые не умеют различить начало грядущих бед, не пытаются устранить причины несчастий, но, предаваясь удовольствиям, мечтают наслаждаться ими вечно, склоняют к тому же самому всех окружающих и, чтобы этих беззаботных не тяготили никакие заботы, предрекают им скорое избавление от неприятностей. Есть и третий, лучший род душ, которых подкрадывающаяся беда не застает врасплох, не оглушает гремящим со всех сторон громом, не наполняет робостью и не превращает в рабов, напротив, даже среди всеобщего отчаяния они не склоняются перед несчастьями и черпают силы не в материальной опоре, а уповая на мужество ума и высший суд. Такого, однако, мне не пришлось видеть в людях моего поколения — для нас уже и то хорошо, когда человек умеет как-то предвидеть беду, старается устранить ее причины, а если уж она пришла, защищается. Что же до самодержца, то он нередко презирал опасность и этим внушал многим мысль, что знает об исходе событий из высших источников и потому ни о чем не волнуется и не беспокоится.

ХСVIII. Я должен был сделать такое предварение, чтобы читатели, узнавая из моего повествования о том, как царь говорил о будущем, произойдут или не произойдут те или иные события, не приняли этого мужа за провидца, а отнесли бы эти речи за счет его характера, исход же событий связали с волей Всевышнего. Намереваясь поведать о восстании против самодержца, еще более грозном, чем

предыдущее, я возвращаю к началу свой рассказ и сообщу прежде, как оно возникло и каковы его причины, поведаю о возмущении, ему предшествовавшем, каким оно было и почему, а также о человеке, решившемся на то и другое, и о том, что его вдохновило на мятеж.

XCIX. Продолжу свой рассказ с того места, где остановился. У этого самодержца был родственник по материнской линии, именем Лев, родом Торник, живший в Адрианополе и весь переполненный македонской спесью. Он обладал недурной внешностью, но нрав имел коварный и постоянно носился с какими-то мятежными планами. Еще в юности многие предрекали ему блестящую участь (так неосторожно высказываются иногда о некоторых людях). Когда же он возмужал и успел обнаружить кое-какую твердость нрава, все македонцы сразу сплотились вокруг него. Не раз уже готовы были они дерзко начать бунт, но каждый раз неверно выбирали время, и то Торника с ними не было, то им недоставало благовидного предлога для возмущения. В душах же своих они таили мятежные замыслы. Затем, однако, случилось нечто, что толкнуло их к мятежу и восстанию.

C. У самодержца Константина были две сестры. Старшую звали Еленой, а другую Евпрепией. Елену царь не ставил ни во что, а Евпрепию, которая и сподобившись славной участи, не кичилась окружавшим ее блеском, об-

ладала несомненным умом и отличалась самым твердым и неколебимым характером из всех виденных мною женщин, остерегался, как я уже говорил, к советам ее относился с сомнением и скорее побаивался, нежели уважал. Она же, расставшись с честолюбивыми надеждами, которые возлагала на брата, воздерживалась от каких бы то ни было выходов против самодержца, но приходила к нему только изредка, вела себя с ним не как с братом, а, вступив в разговор, держалась надменно и с прежней своей суровостью, при этом чаще всего ругала и порицала его, когда же видела, что он сердится, уходила с презрительным видом, шепча оскорбления в его адрес. Заметив, что брат не жалуется, а вернее, терпеть не может Торника, она приветила и приблизила к себе этого человека, часто с ним беседовала, хотя прежде и не питала к нему никаких пристрастий. Царь сердился, но свои мысли затаил поглубже, так как не было у него еще достаточных поводов для наказания. Чтобы их разъединить, Константин, скрывая истинные намерения от сестры, удалил Торника из города под благовидным предлогом: поручил ему управление Ивирией и отправил в почетную ссылку.

CI. Однако слава и в изгнании сопутствовала этому мужу. Более того, многие сочли ее даже поводом для обвинения Торника, выдумывали, будто он готовит мятеж, и побуждали самодержца предупредить зло. Слушая такие речи, царь

оставался в душе спокоен. Когда же увидел, что за Торника заступает сестра, и когда как-то раз услышал ее слова, что-де никакой беды с ее племянником не случится, так как его бережет Всевышний, был в самое сердце поражен услышанным и не мог уже сдержать гнева; собираясь, однако, отнять у Торника не жизнь, а возможность бунтовать, царь поспешно отправил людей с приказом постричь его и облечь в черную рясу. Так разбились надежды Торника, и, облаченный еще недавно в блестящее платье, он предстал перед царем в монашеском одеянии. А Константин и теперь не взглянул на него милостиво, не посочувствовал в судьбе, вознесшей его в надеждах, а потом низринувшей вниз, и сколько Торник к нему ни приходил, каждый раз сурово отправлял его назад и высмеивал несчастного. И лишь одна Евпрепия, то ли из родственных чувств, то ли из каких иных побуждений, ласково принимала его, и родство доставляло ей безупречный предлог для дружелюбия.

СII. Неподалеку от столицы обитало тогда множество выходцев из Македонии, в большинстве своем бывших жителей Адрианополя, все люди коварные, на уме имевшие одно, а на языке другое, которые и задумать готовы были любую нелепость, и осуществить способны что угодно, искусные притворщики, а между собой верные сообщники. Самодержец считал, что лев уже укрощен и лишен когтей, и потому пребывал в беспечности, а македоняне, решив,

что настал наконец удобный момент для восстания, которого они так долго ждали, поскольку давно были согласны в своих намерениях, коротко переговорили друг с другом, воспламенили несусветную отвагу в Торнике, утвердились в верности отважным своим планам и, выведя его ночью из города (в этом предприятии участвовало всего несколько человек, да и те — люди совершенно безвестные), отправились в Македонию. Для того чтобы преследователи не перерезали им дорогу и не настигли сзади, они каждый раз распрягали и убивали казенных лошадей. Прodelав таким образом без передышки весь путь, прибыли они в глубь Македонии и, обосновавшись, будто в цитадели, в Адрианополе, сразу принялись за дело.

СIII. Им надо было собрать войско, но, поскольку не было в запасе ни денег, ни чего-либо другого, что могло заставить военачальников стянуть в одно место отряды и подчиниться воле заговорщиков, они первым делом разослали во все стороны разносчиков слухов, и те, подходя к каждому воину, уверяли, что царь уже умер, а пришедшая к власти Феодора всем другим предпочла Льва из Македонии, человека разумнейшего, деятельного и к тому же наследника славного рода. Благодаря этой уловке сочинителям выдумки удалось за несколько дней собрать войско со всего запада. Заставила же их объединиться не только эта выдумка, но и ненависть к самодержцу, который мало их

ценил и уважал, относился к ним подозрительно из-за бунта, учиненного ранее, и собирался вскоре подвергнуть их наказанию. Вот почему они решили не ждать, пока на них нападут, и нанести удар первыми.

CIV. Объединившись, вопреки всем ожиданиям, и придя к единому мнению, они выбрали Льва царем, насколько позволила обстановка, представили церемонию провозглашения, облачили его в царские одежды и подняли на щите. Он же, получив знаки царского достоинства, вообразил, будто и на самом деле стал императором, а не просто, как на сцене, ломает комедию, и начал повелевать выбравшими его, как истинный властитель и царь, да они и сами хотели, чтобы он правил ими, как полагается. Торник не мог привлечь к себе толпу раздачами и деньгами и потому обеспечил ее послушание, снизив подати, а также разрешив отправляться в набеги и забирать себе всю добычу. Что же касается вельможных людей и синклитиков, то он разом произвел все назначения, одним доверил командование войсками, другим определил место вблизи царского трона, третьих назначил на высшие должности. Обязанности при этом были распределены по их и его желанию и в соответствии со способностями каждого. После этого Лев немедленно двинулся на столицу. Таким образом, македонцы собирались предупредить намерения императора и напасть на него, прежде чем он успеет перебросить против них восточную

армию. Рассчитывали они и на столичных жителей, надеясь, что те не станут помогать царю и не выступят против них; как было известно македонцам, те и сами обижались на самодержца за несправедливости, которые он начал им чинить, были недовольны его поведением, а на престоле желали бы видеть царя-воина, способного и жизнью ради них рискнуть, и варварские набеги отразить.

CV. И действительно, македонцы еще и не приблизились к стенам города, а уже примкнуло к ним по дороге множество добровольцев и явилась толпа воинов из горных областей; все жители вплоть до самой столицы сочувствовали и содействовали их намерениям. Так обстояли дела мятежников, у самодержца же все получалось не так, как надо: собрано не было ни наше войско, ни союзническое, если не считать небольшого отряда из иноземцев, который обычно шествует в царских процессиях; что же касается восточной армии, то ее и на местах не было, и потому не могла она собраться быстро по сигналу, чтобы прийти на помощь очутившемуся в опасности самодержцу. Стояла же она в глубине Ивирии, отражая натиск какого-то варварского племени. Поэтому и пребывал царь в отчаянии и надежды питал разве что на стены, под защитой которых находился; по этой причине он и занялся ими — велел восстанавливать запущенные участки и плотно уставлять стены камнеметными орудиями.

CVI. Как раз в этот момент у царя так развилась болезнь суставов, что руки совершенно расслабли, а ноги не могли ходить и разламывались от невыносимой боли. Вконец испортился и расстроился также его желудок, и все тело Константина медленно угасало и разлагалось. Царь не мог двигаться и выходить к народу, и городской люд, решив, что он уже умер, устраивал в разных местах сборища и рассуждал о том, что нужно бежать из города и податься к мятежнику. Вот почему Константин, преодолевая себя, должен был время от времени говорить с народом или же издали показываться ему и видом своим свидетельствовать, что он жив.

CVII. В таком состоянии находился император; мятежник же вместе с войском, вихрем примчавшись к столице, расположился на ночлег перед городом, и было все происходящее не войной и противоборством, а самой настоящей осадой и приступом. Как говорили мне воины и некоторые пожилые люди, никогда прежде ни один мятежник не доходил до такой наглости, чтобы установить орудия перед городской стеной и, войском своим опоясав столицу по всей окружности, нацелить луки на ее защитников. Ужас обуял всех жителей, и город, казалось, будет вот-вот сдан. Между тем мятежник, остановившись невдалеке от стен города, разбил лагерь и торжественно там расположился, но провел в нем лишь небольшую часть ночи, а потом верхом выехал из лагеря, приказав то же самое своему войску, спе-

шившись, прошел вперед, и наутро македонцы стояли уже перед стенами не вперемишку и не в куче, но построенные к сражению и в боевом порядке. А чтобы еще и устрасить нас, людей невоенных, были они все тяжело вооружены: те, что рангом повыше, облачились в поножи и панцири и коней своих покрыли доспехами, остальные вооружились кто чем мог.

CVIII. Что же до мятежника, то он на белом коне вместе с отборными всадниками и лучшей частью войска находился в самом центре строя. Окружали его легковооруженные воины — все меткоразящие, подвижные и стремительные, остальные же силы расположились по обе стороны под командой военачальников; лохи при этом сохраняли свое построение, но, чтобы строй растянулся, разделены они были на отряды не по шестнадцати человек, а меньше, и потому воины стояли не плотно и не щит к щиту. Толпа за ними казалась наблюдателям со стены огромной и бесчисленной. Эти люди тоже были разделены на отряды; они маршировали, гарцевали на конях, но производили впечатление не воинской силы, а скорее беспорядочной толпы.

CIX. О них — так. В это время оказавшийся в осаде самодержец, желая показать врагу, что он еще жив, украсил себя царскими одеждами и расположился вместе с царицами на одном из выступающих ярусов царского дворца; Константин едва дышал, тихо стонал и мог видеть только часть

войска, стоявшую неподалеку и прямо перед его глазами. Приблизившись вплотную к городской стене, враги построились в боевые ряды и прежде всего обратились с речами к находившимся на стене, по порядку перечислили все беды, которые принес им Константин, и те, которые их минуют, если царя схватят, но непременно постигнут, если его отпустят. Они просили горожан открыть ворота и впустить в столицу хорошего и достойного императора, который-де и с ними обойдется человеколюбиво, и Ромейскую державу возвысит победоносными войнами с варварами.

СХ. Те, к кому обращались македонцы, в ответ не то что слова доброго не сказали, а осыпали их и их главаря самыми отборными ругательствами и оскорблениями; таким образом, расчеты мятежников на простой народ не оправдались, и они начали выкрикивать зловещие угрозы по адресу царя и то высмеивали его за его телесную немощь, то обзывали окайнным и любителем нечестивых забав, пагубой для города и гибелью для народа и добавляли еще другие несуразницы и оскорбления. Многие македонцы — а племя это самонадеянно и дерзко, приучено не столько к воинской простоте, сколько к площадному паясничанью, — сошли с коней, на виду у всех устроили хоровод и стали разыгрывать сочиненные тут же комические сценки про императора, при этом притоптывали ногой в такт песне и пританцовывали. Царь видел их кривляния, слышал крики (стоя

рядом с Константином, я то ужасался их речам, то находил слова утешения для царя) и, терпя поношения от их слов и от постыдного действия, не знал, что ему делать.

СХІ. В это время некоторое число горожан вышло за стены и стало теснить вражескую конницу. Одни пускали камни из пращей, другие метали стрелы; те притворились бегущими, увлекли их за собой и, неожиданно повернув коней, перебили их мечами и копьями. Какой-то вражеский воин, владеющий искусством стрелять из лука на скаку, незаметно для нас подъехал к стенам города, прицелился прямо в царя и выстрелил. Стрела легко рассекла воздух, но, поскольку император успел чуть отклониться в сторону, оцарапала бок одного из царских слуг, юноши отнюдь не безвестного. Мы перепугались, а самодержец, переменив место, сел подальше от вражеских рядов. До самого полудня вели македонцы те лживые речи, о которых я уже говорил, не только сами ораторствовали, но и нас выслушивали, и то льстили, то угрожали. Потом, повернув коней, они отправились в свой лагерь, чтобы снарядить орудия и немедля осадить город.

СХІІ. Придя в себя, царь решил во что бы то ни стало раздобыть воинов для отпора врагу, рвом преградить ему путь в город и стеной защититься от его натиска, а самому устроиться где-нибудь подальше, чтобы не слышать поношений и не подвергаться оскорблениям. Сперва дурно

рассудив, затем поделившись своей мыслью с кое-какими людьми, в военном деле не смыслящими, и, наконец, получив одобрение большинства, царь первым делом разузнал, кто из воинского племени сидит по тюрьмам, освободил и вооружил этих людей, дал им луки и копья и подготовил к битве. Помимо этого он присоединил к армии и множество городских жителей — все они добровольно влились в отряды, так как война для них была не хуже любой другой забавы. Всю ночь они окапывали рвом пространство перед городом и сооружали там укрепление, а наутро, прежде чем враг появился у стен столицы, царь выстроил лучших из наших воинов — конников и легковооруженных, поставил их прямо напротив неприятеля, снабдил каждого оружием для обороны и разбил всех по отрядам. Сам же снова уселся на высоком месте, чтобы издали наблюдать за происходящим.

СХІІІ. Враги ничего этого не видели, а когда подошли поближе и наткнулись на сплошную стену наших отрядов, попридержали коней и пожелали выяснить, откуда это вдруг у нас собралось такое войско (они боялись, как бы не подошли к нам на помощь силы с востока), а когда поняли, что войско наше — лишь жалкий сброд, когда увидели, что ров неглубок и легко преодолим, только посмеялись над глупостью императора и, решив, что наступил долгожданный момент, сомкнули ряды, с боевым кличем устремились в бой, без труда преодолели ров, тут же обратили в бегство

строй наших воинов, бросились за ними в погоню и многих убили — кого мечами, а кого копьями. Но большей частью наши сами в сумятице сталкивали друг друга с коней, падали на землю и были растоптаны и растерзаны. Бежали тогда не только оказавшиеся вне городских стен, но и находившиеся около императора, ибо решили, что мятежник вот-вот войдет в город и всех погубит.

СХIV. Если не говорить о Провидении, то ничто уже не мешало мятежникам войти в город и без труда добиться желанной цели; защитники ворот покинули свои посты и сами искали себе защиту, а горожане или разбежались по домам, или готовились выйти навстречу узурпатору. Торник, однако, поостерегся вступить в город, а вернее, понадеялся, что мы сами пригласим его в столицу, введем во дворец в сопровождении царской процессии и еще понесем перед ним зажженный факел. Поэтому-то он и отложил до следующего дня вступление в город, а пока что сам верхом объезжал один за другим отряды своего войска и везде кричал, чтобы прекратили убийства и не пятнали себя кровью братьев, а если видел кого-нибудь, размахивающего пикой или готового метнуть копье, останавливал его руку и вызволял жертву.

СХV. Тут царь (а его, будто обреченного на гибель, уже все покинули), услышав крики и увидя, как мятежник старается помешать убийствам, обратился ко мне и сказал:

«Одно только очень меня тревожит: этот посягнувший на власть хитрец призывает к человеколюбию и кротости, как бы не снискал он себе этим Божью помощь».

СХVI. Когда сестра (я имею в виду старшую, Евпрепия была приговорена к ссылке), рыдая, стала склонять его к бегству и советовала бежать в какой-нибудь из Божьих храмов, Константин свирепо на нее посмотрел и сказал: «Если при мне кто остался, уведите ее, пусть оплакивает сама себя и не размягчает мне душу, удача (и тут он снова обратился ко мне) будет сопутствовать мятежнику только сегодня, а потом она ускользнет от него, как песок из-под ног, и дела примут совсем иной оборот».

СХVII. Затем, взяв немалое число пленных, узурпатор в боевом строю вернулся в свой лагерь. Самодержец же, не придумывая никаких новых хитростей против врага, привел в порядок крепостные ворота, заручился поддержкой городского люда (он похвалил его за проявленную преданность, а на будущее предложил за нее даже награду, будто победителю в состязании) и спокойно переносил осаду. Тем временем мятежник, проведя эту единственную ночь в лагере, с рассветом во главе войска устремился к царскому престолу, якобы его уже ожидавшему; вместе с собой он привел связанных пленников, которых поставил перед стенами и подучил, что кричать в нужный момент. Разойдясь по разным местам, пленники видом своим и криками стара-

лись вызвать жалость у защитников города, при этом они и слова не сказали царю, но просили народ не дать пролиться крови собратьев и соплеменников, не позволить глазам своим узреть скорбное зрелище, как рассекают их наподобие жертв, не навлечь на себя великой беды и не пренебречь таким самодержцем, какого никогда и в помине не было, в чем сами они могли хорошо убедиться. Ведь он, говорили они, мог обойтись с нами, как с врагами, и убить, тем не менее до сих пор откладывает казнь и отдал наши души на вашу милость. Сочиняли они к тому же и всякие ужасы про нашего царя, который-де сначала до небес вознес город в надеждах, а потом сбросил с облаков на скалы. Вот главное, о чем говорили пленные. Ну а народ им на это отвечал тем же, что и раньше.

СХVIII. Дальше события развивались следующим образом. Во врагов с внутренней стены полетели тяжелые камни, но миновали цель и ни в кого не попали. Тогда наши воины еще сильнее оттянули орудие и метнули огромный камень уже в самого Торника: попасть не попали, но испугали и обратили в бегство его и его окружение. После этого, поддавшись страху и смешавшись, враги нарушили строй и возвратились в свой лагерь.

СХIX. С этого момента их дела приняли уже совсем иной оборот. Ненадолго вдохновившись надеждой и, можно сказать, нашей несчастливой долей, мятежник быстро сник и

увял; к стенам города повстанцы больше не приближались, но, проведя несколько дней в своем лагере, отправились туда, откуда пришли, — большей частью без строя и как беглецы. Если бы десяток-другой всадников ударил им тогда в спину, то и жреца-огненосца не осталось бы в этом рассеянном и беспорядочном войске. Но самодержец, хотя и предвидел заранее их бегство, не стал их преследовать: он еще не пришел в себя от страха и упустил удобный момент.

СХХ. Нам же и уход их показался славной победой, и ворвавшийся в лагерь городской люд нашел там множество припасов, оставшихся от прежних его обитателей, которые не сумели погрузить все на вьючных животных, ибо скорее стремились уйти незаметно, а не отступать с удобствами и богатством. Покинув лагерь, македоняне сразу почувствовали ненависть к предводителю, и каждый из них, боясь за свою судьбу, готов был покинуть Торника, однако страх друг перед другом и безысходность держали их вместе. Те же, кому случай помог скрыться, не чуя под собой ног, устремились в город к императору, и среди них оказались не только простые воины, но люди вельможные и военачальники. Затем постигла мятежника вторая, третья и за ними новые и новые неудачи. Так, нападая в западных землях на крепости, которые легко можно было бы захватить из-за их расположения, отсутствия сплошных стен и потому, что давно уже там не ждали никаких врагов, ни одну

из них, как кажется, он не взял осадой, поскольку те, кому было приказано штурмовать стены, помышляли не столько об осаде, сколько о возвращении домой, и давали понять осажденным, что собираются воевать с ними только для вида.

СХХI. С позором ушел мятежник от великого города, но с еще большим позором был отогнан от других крепостей. Тем временем самодержец вызвал восточное войско и, когда оно вскоре явилось, отправил его против западных своих соплеменников и варваров. А они, узнав о приходе восточного войска, даже и не подумали сопротивляться, но тут же, проклиная узурпатора, рассеялись, при этом некоторые из них вернулись домой, но большинство перешло к самодержцу. Если раньше они божились и клялись, что готовы разом и все вместе умереть на глазах у мятежника, то теперь были охвачены ужасом и меньше всего вспоминали о своих клятвах.

СХХII. И только один человек — давний соратник мятежника — по имени Иоанн, по прозвищу Ватац, природой тела и силой рук ничем не уступавший прославленным древним героям, до конца остался с Торником. Вместе с ним бежал он от врага и вместе с ним искал прибежище в Божьем храме. И делал это, несмотря на то что мог бы Торника бросить и получить за это высшие почести. Однако Ватац ими пренебрег и клятв не нарушил. Оба они укры-

лись в алтаре одного из святых храмов и, обнажив мечи, грозили убить себя, если их попытаются извлечь оттуда силой. В конце концов они получили клятвенные заверения, вышли из церкви и отдали себя в руки человека, давшего им ручательство безопасности; после этого мятежник сразу сник и то испускал жалобные крики, то обращался с мольбами, то как-нибудь по-иному выказывал свое малодушие. Ватац же, напротив, и в несчастье не потерял достоинства, сохранял грозный вид и казался всем неколебимым и мужественным.

...

МИХАИЛ VI. ИСААК I КОМНИН

...

Восстание Комнина

IV. Это был первый удар, нанесенный воинам, он и послужил причиной их заговора — происшедшая сцена взбодорила их души и внушила первые мятежные помыслы. Сначала у них даже мысли не было посягать на царскую власть, и они сделали вторую попытку расположить к себе самодержца. Но они просили сена, а он давал солому, а если они возражали, отказывал и в ней и в конце концов прогнал и отослал от себя военачальников⁶. Они готовы были тут же схватить царя и лишить его престола, но их удержал Исаак, сказавший, что все дело нужно тщательно сперва обдумать. После этого они замыслили заговор и стали искать челове-

ка, который смог бы и войско возглавить, и государством управлять.

V. Исаак всем уступал корону, утверждая, что любой из них достоин власти, тем не менее предпочтение отдали ему — ведь Комнин выделялся среди них не только родом, но и царской внешностью, благородством нрава, твердостью души и одним видом своим умел внушать уважение окружающим. Его описание, однако, еще подождет своего места. Тем временем военачальники согласились между собой, еще раз коротко переговорили с царем, и все вернулись по домам. Жили они на востоке, в стороне восходящего солнца, на небольшом расстоянии друг от друга и по этой причине уже через несколько дней смогли собраться в одном месте и приступить к осуществлению своих планов. Не успели они устроить заговора, как уже собралось у них большое войско, и к тому же стеклось множество знатных людей, готовых оказать им поддержку. Когда же разнесся слух, что у них утвердился доблестный военачальник, что поддержан он самыми могущественными родами и что имена заговорщиков известны, никто уже и мгновения не медлил, но все устремились к мятежникам и, подобно хорошим бегунам, старались обойти один другого.

VI. Воинское сословие и прежде хотело забрать власть над Ромейской державой и служить царю-воину, но желания свои военные держали в тайне и только лелеяли эти

мечты в сердцах, ибо не было у них на примете никого, достойного престола. Видя, однако, что Исаак, которого они и во сне не надеялись узреть в царском облачении, встал во главе мятежа (а дело это было устроено безукоризненно) и подал уже голос за дальнейшие планы, они оснастили себя мужеством, снарядились к войне и, отбросив всякие сомнения, явились к Комнину.

VII. Что же касается самого Исаака, то, хотя он тогда и впервые встал во главе такого заговора, тем не менее за дело принялся скорее разумно, нежели дерзко. Хорошо понимая, что для войска прежде всего потребуется много денег, он для начала перекрыл все дороги, ведущие в столицу, установил на каждой усиленную охрану и никому без его ведома и разрешения не позволял двигаться по ним ни туда, ни обратно. Отдав такие распоряжения, он приступил к взысканию государственных податей, причем делал это не беспорядочно и наобум, но учредил специальные ведомства, назначил строгих сборщиков и все по отдельности заносил в списки, чтобы, утвердившись окончательно на престоле, иметь точные расчеты налоговых поступлений. Вот потому-то, можно сказать, он вел себя скорее разумно, чем дерзко. Нельзя не восхищаться и другим поступком Исаака: всю стекшуюся к нему толпу людей он разбил на части: самых доблестных и тех, кого ценил за расчетливую отвагу и стойкое мужество, отделил от прочих, зачислил в полки

и отряды и предназначил для войны. Отобранных воинов собралось огромное множество. Но и оставшихся было ничуть не меньше.

VIII. Он прежде всего приказал им разобраться поотрядно, не смешиваться с другими воинами, не нарушать построения, а затем, соблюдая строй, в тишине продвигаться вперед и разбить лагерь. Потом он каждому назначил определенное жалованье, снабдил необходимым для военного похода снаряжением и повысил в званиях: тому, кто был повыше рангом, дал чин побольше, тому, кто пониже, — дал меньший. Поручив охрану своей персоны кровной родне и окружив себя ее кольцом, Исаак без страха двинулся вперед, а затем снова разбил лагерь. Мятежник проводил бессонные ночи в государственных заботах, еще блистательней распоряжался делами днем и прямой дорогой шел к цели. Хотя в войске обычно много всякого случается и воины — люди скорее отважные, нежели разумные, ни на кого из них Исаак не поднял меча, ни одного провинившегося не наказал на месте, но вселял страх одним своим взглядом, и его нахмуренные брови действовали сильнее любого удара.

IX. Таким вот образом во главе построенного по всем правилам войска Исаак и подошел к столице. Царь, сохранивший власть над одной только Византией, и те, кто имел на него влияние, вели себя так, будто ничего не случилось: не противодействовали мятежникам, не двинули против

наступающих остававшиеся у них отряды и не делали никаких попыток разгромить войско узурпатора. Кое-кто из преданных царю людей непрерывно теребил и убеждал Михаила в том, что не обойтись ему без советчиков, крупной суммы денег и войска. И вот он наряду со многими другими благородными духом мужами, жившими тогда в опале, призвал к себе и меня, объявил своим приемным сыном и изобразил, будто раскаивается в том, что раньше вел себя неразумно и не любил меня всей душой.

...

Посылка войска против Исаака

...западное же войско, оснащенное к войне, пополненное свежими силами союзников, разделенное на отряды и сведенное в боевые порядки, в полном снаряжении выступило против восточных полков. Противники разбили свои лагеря на небольшом расстоянии один от другого, пространство их разделяло небольшое, но ни одна сторона не делала попыток наступать, и поле посредине оставалось пустым. Численностью царские войска явно превосходили врагов, но уступали им в силе и построении, и — что самое важное и поразительное — строй мятежников оставался нерушим, их верность своему предводителю — неколебимой, в то время как наше войско уменьшалось и распадалось и множество наших воинов ежедневно перебегало к восставшим. Что же касается командующего — мне не-

зачем называть его по имени, — то он разрывался между теми и другими, но, как мне представляется, на самом деле склонялся только в одну сторону.

ХII. Поэтому нас разбили с фронта и тыла, и поражение было предрешено настроением военачальников еще до начала битвы. Однако отряды и оставшиеся у нас собственные воины ничего не знали о колебаниях командующего, и вот эти, как говорит поэт, «мужи Ареевы, гневом горящие», превосходно снаряженные, с самым лучшим оружием на поясе или в руках, выстроились перед вражеским войском, а потом, испустив боевой клич и бросив поводья, в неудержимом натиске устремились в бой. Наш правый фланг опрокинул их левый и далеко преследовал неприятеля.

ХIII. Когда их правый фланг узнал о случившемся, стоявшие там воины не стали дожидаться боевых криков и наступления врага, но сразу отошли и рассеялись из страха, как бы победители не обратились теперь против них и, вдохнув мужество в бегущих, не навалились на них всеми своими силами. Итак, правый фланг неприятеля тоже обратился в бегство, и полная победа осталась за нами. В самой гуще толпы, возвышаясь над бегущими и преследующими, как вкопанный стоял узурпатор. Несколько наших воинов (это были тавроскифы, числом не более четырех) заметили его и с двух сторон направили на Комнина свои копья.

Удары, однако, пришлись на доспехи Исаака, и железо не коснулось его тела. Тавроскифы не смогли даже с места сдвинуть этого мужа, ибо с противоположных сторон его с такой же силой подпирали копьями и все время возвращали его тело в прежнее положение, не позволяя ему потерять равновесие и отклониться от центра. Исаак принял случившееся за добрый знак, что-де останется он недвижим, сколько бы ударов ни сыпалось на него с обеих сторон, и тут же приказал своему войску с удвоенной силой напасть на нас, завязать бой, обратить противника в бегство и преследовать его как можно дальше.

XIV. Известия о тяжком исходе битвы, одно другого печальнее, дошли нашего слуха и привели царя в смятение и полное отчаяние.

...

Посольство к Комнину

XV. По прошествии нескольких дней царь попросил меня заключить мир с Комнином, сообщить мятежникам о сокровенных его желаниях, красноречием и софистическим искусством смягчить душу врага и расположить ее к императору. Впервые выслушав эту просьбу, я попросту был поражен как громом, начал отказываться и говорил, что добровольно не возьмусь за столь опасное поручение, исход которого очевиден и не подлежит сомнению; после недавней победы гордый успехом Исаак, разумеется, не

сложит с себя царской власти и не променяет ее ни на что меньшее.

XVI. В ответ на мои слова Михаил покачал головой и, вызывая к нашей дружбе и близости, сказал: «Чтобы ответить мне поубедительнее, ты постарался, а вот о том, чтобы защитить в беде своего друга и, как Богу угодно, господина, не подумал! А я, как пришел к власти, сохраняю к тебе неизменное благоволение, разговариваю с тобой, как обычно, по привычке целую и обнимаю тебя и ежечасно, как и должно, вкушаю мед твоих уст. Надеялся я и от тебя получить то же самое, ты же мне даже того не дал, в чем достойный человек и врагу своему в беде не откажет. Ну что ж, я совершу предназначенный мне путь, но тебе не уйти от обвинений, что предал ты дружбу своего господина и друга».

XVII. Выслушав все это, я только что не застыл в оцепенении и уже не знал, как мне остаться при прежнем своем решении. И вот, сразу же переменив тон, я сказал: «Царь! Мешкая с поручением, я не бегу от твоей службы, но медлю исполнить приказ, ибо остерегаюсь последствий и боюсь вызвать зависть многих людей». «Чего же ты опасаешься, — спросил царь, — почему не согласен быть послом?» «Муж, к которому ты отсылаешь меня, — ответил я, — одержал верх и с уверенностью смотрит в будущее, вряд ли поэтому я могу рассчитывать на благосклонный

прием, и мои речи едва ли произведут на него впечатление; скорее всего, мятежник обойдется со мною грубо, посмеется над моим посольством и отправит назад ни с чем. Все же вокруг станут клеветать на меня, будто я не хранил тебе верности, а в него вселил уверенность, убедил не верить ни одному царскому слову и не принимать никаких посольств, ибо, дескать, он вскоре сам вступит на престол. Но, если ты хочешь, чтобы я выполнил твой приказ, пошли со мной еще кого-нибудь из членов высшего совета, чтобы дошло до всеобщего сведения, что будем говорить мы и что будут говорить нам, чтобы стали известны наши слова и его ответы».

XVIII. Царь со мной согласился и сказал: «Выбирай, кого хочешь, из высшего совета». И вот я назвал самого достойного и самого разумного, который к тому же, по моему мнению, не должен был испугаться этого путешествия. Сей человек действительно с первого слова согласился участвовать в этом деле и отправиться в посольство; мы с ним встретились, поделились своими соображениями и выбрали себе еще одного сотоварища, первого мужа в Ромейской державе, главу синклита, ум которого мог соперничать с красноречием, а красноречие — с умом; сначала он обхаживал, как льва, самодержца Мономаха, а позднее украшал собой патриаршее служение и, став священным приношением Слову, сам принес его в жертву Отцу.

XIX. Человек, воистину преданный делу ромеев, он не мешкал с ответом, но присоединился к посольству и стал лучшим его участником. Мы взяли у царя послания (вернее, сами их обдумали и по форме составили), где говорилось, что Исаак получит кесарский венец и будет находиться под властью царя, и отправились к Комнину. Уже после первого перехода мы дали ему знать о нашем приближении и заявили, что не станем вступать с ним ни в какие переговоры, если заранее не получим от него торжественных клятв в том, что он не задержит нас по завершении посольства, не причинит нам никакой другой обиды, но, воздав подобающие почести, отпустит назад.

XX. Когда Исаак согласился на наши требования и дал от себя еще и дополнительные обещания, мы сели на триеру и без промедления приплыли к тому месту, где он стоял лагерем. Встретили нас объятиями и приветствиями, и не успели мы увидеть Исаака, как к нам уже потянулась цепочка из первых людей войска, которые называли нас ласковыми именами, целовали наши лица и руки и со слезами на глазах уверяли, что по горло сыты братоубийственной резней и водружают венки на головы. Окружив со всех сторон, они привели нас к шатру своего правителя. Двор его был разбит под открытым небом. Они спешили, велели нам сойти с коней и ждать, а спустя некоторое время позволили нам войти в шатер без сопровождающих, ибо солнце

уже зашло и Исаак не хотел, чтобы в царской палатке собиралось много народа.

XXI. Мы вошли, и Исаак нас приветствовал. Сидел он на высоком кресле (вокруг располагалась немногочисленная стража) и одет был скорее как военачальник, нежели царь. Привстав с кресла, он предложил нам сесть и, даже не спросив о цели нашего прибытия, коротко изъяснил причины, заставившие его взяться за оружие. Потом он отпил из одного с нами кубка и отправил по палаткам, установленным невдалеке от его шатра. Мы вышли в недоумении, почему этот муж был столь скуп на слова и спросил у нас только, как прошло плавание и было ли спокойным море. Попрощавшись, мы разошлись по палаткам, но после короткого сна под утро снова сошлись и принялись обсуждать, как лучше вести переговоры с Исааком. Мы решили не предоставлять слова кому-нибудь одному, но сообща задавать вопросы и сообща выслушивать его ответы.

XXII. Пока мы беседовали, занялся день и вынырнувший из-за горизонта сверкающий круг солнца поднялся в небо. Едва успело оно пройти полпути до зенита, как явились с приглашением первые люди совета, которые будто стража нас окружили и повели к своему предводителю. На этот раз нас доставили к шатру гораздо большему, которого хватило бы и для ромейского войска, и для союзников. Вокруг шатра стояло множество воинов, не праздных и бес-

порядочно толпящихся, а одни были подпоясаны мечами, другие потрясали железными секирами, третьи держали в руках копья; расположились они кругами, один за другим, на небольшом расстоянии друг от друга. Никто не произносил ни звука, но, сдвинув ноги, в оцепенении страха все напряженно смотрели на того, кто охранял вход в шатер. А был это начальник отряда телохранителей дука Иоанн, муж не только храбрый, но деятельный и решительный, умевший красно говорить, а еще лучше — молчать и думать про себя, от предков своих унаследовавший доблесть и мужество.

XXIII. Едва мы приблизились к входу, как Иоанн, велел нам остановиться, скрылся в царской палатке; вскоре он оттуда вышел и, не сказав нам ни слова, разом распахнул двери, чтобы поразить нас необычным и неожиданным зрелищем. Все, что мы там увидели, было по-царски величественно и внушало трепет. Прежде всего мы чуть не оглохли от ликующих возгласов толпы. Кричали же воины не все вместе, а по рядам: закончив славословие, первый ряд давал знак начинать второму, тот — следующему, и в результате в целом все получалось нестройно и неблагозвучно. Когда последний круг произнес свои славословия, воины закричали уже все разом и чуть не оглушили нас громом своих голосов.

XXIV. Шум постепенно умолк, и мы смогли рассмотреть, что происходило внутри шатра (когда распахнулась дверь, мы не вошли сразу, а встали поодаль, ожидая специального приглашения). Нам предстала следующая картина. Сам царь сидел на двуглазом кресле, высоком и отделанном золотом, опирал ноги на скамейку, и роскошные одежды сверкали на нем. Он гордо поднял голову, выпятил грудь, багрянец битвы румянил его щеки, глаза были сосредоточенны и неподвижны и свидетельствовали о напряженной работе мысли; потом он поднял взор и, как бы уйдя от пучины, причалил в спокойной гавани. Воины несколькими кругами опоясывали Исаака. Внутренний и самый малочисленный из них был составлен из первых людей, доблестных отпрысков знатнейших родов, осанкой не уступавших древним героям. Эти отборные воины служили живым примером всем, стоявшим за ними. Их опоясывал второй круг, оруженосцы первых, бойцы передовой линии (некоторые заполняли следующие отряды), также лучшие из начальников полуотрядов, они стояли на левом фланге. Окаймляло их кольцо простых воинов и свободных. А дальше уже располагались союзные силы, прибывшие к мятежникам из других земель, италийцы и тавроскифы, сам вид и образ которых внушали ужас. Глаза тех и других ярко сверкали. Если первые подкрашивают глаза и выщипывают ресницы, то вторые сохраняют их естественный

цвет. Если первые порывисты, быстры и неудержимы, то вторые бешены и свирепы. Первый натиск италийцев неотразим, но они быстро переполняются гневом; тавроскифы же не столь горячи, но не жалеют своей крови и не обращают никакого внимания на раны. Они заполняли круг щита и были вооружены длинными копьями и обоюдоострыми секирами; секиры они положили на плечи, а древки копий выставили в обе стороны и как бы образовали навес между рядами.

XXV. Так они стояли. Между тем царь рукой и легким кивком головы дал нам знак подойти к нему слева. Мы пробрались между первым и вторым кругом воинов и, приблизившись к Исааку, слышали от него вопрос, который он уже задавал нам накануне. Удовлетворенный ответом, он, возвысив голос, сказал: «Пусть один из вас, повернувшись и заняв место между ними (тут он указал на стоявших по обе стороны от него), вручит мне письмо от пославшего вас и сообщит то, что он велел передать на словах».

XXVI. Тут каждый из нас стал уступать слово товарищу, мы поспорили об этом немного, но в конце концов мои спутники заставили выступить меня, утверждая, что я способен, в отличие от них, философствовать и что мне пристала свободная речь, к тому же они обещали прийти мне на помощь, если моя речь сойдет с правильного пути. И вот, уняв биение сердца, я вышел на середину и, собравшись

с силами, передал письмо, а получив знак начать, принялся говорить. ...

Приложение № 3 **Саги о Харальде Сигурдссоне (Хардраде)**

Переводы.

«Гнилая кожа»

Теперь прекращается рассказ о конунге Магнусе, и следует сначала сказать о поездках Харальда, первая из которых была предпринята им после смерти конунга Олава. О роде Харальда говорится так, что у Харальда Прекрасноволосого был сын, которого звали Сигурд Хриси. Он был отцом Хальвдана, отца Сигурда Свиньи, отца Харальда. Все эти предки были конунгами в Хрингарики в Нореге. Сигурд Свинья был женат на Асте Гудбрандсдоттир, которая до этого была женой Харальда Гренландца. У них было пятеро детей или больше. Старшим был Гудред, затем Хальвдан, следующей за ним была Ингибьорг, затем Гуннхильд, Харальд был младшим. Этот Харальд был кормчим того корабля, о котором говорилось ранее, и он только что пришел из Аустрвега. *(Рассказывается об участии Харальда в битве при Стикластаоире и о том, как Регнвальд Брусасон отвел раненого Харальда к лекарю.)* А отсюда следует тот рассказ о поездках Харальда, который он, Харальд, передавал сам и те люди, что за ним следовали. Затем отправился Харальд на восток в Свитьод, а оттуда в Гардарики, как говорит Бельверк: «Конунг, ты обтер кровь

с меча, прежде чем вложил его в ножны. Ты насытил воронов сырым мясом. Волки были на гребнях (гор). А ты провел, суровый конунг, следующий год на востоке в Гардах; никогда мне не доводилось слышать, что какой-либо воин превосходил тебя».

Это сказал Тьодольв: «И восточные винды были зажаты в ущелье. Воины задали жестокий урок ляхам».

Харальд сделался вскоре человеком, охраняющим страну у конунга Ярицлейва, и получил от него большое уважение и большой почет, и более (всего) из-за конунга Олава, его брата, и также из-за него самого. Он находит там большой почет от конунга вместе с иностранным войском, которое он возглавляет. Оба они, с ярлом Эйливом, бывали время от времени вместе в военном походе, как говорит Тьодольв: «Одно и то же затеяли два хевдинга там, где сидел Эйлив: они встали щитом к щиту».

И тем больше славы завоевывал он в Аустрвеге, чем дольше он там находился. У конунга Ярицлейва и княгини Ингигерд была дочь, которая звалась Элисабет, норманны называют ее Эллисив. Тогда возникает у Харальда желание вступить [с ней] в брак, и сказал [он] им, что он известен им своими предками, прекрасными родичами, которые у него есть, а также своими поступками, которые могли им тогда быть известны, и сказал, что нет ничего невероятного в том, что его слава еще может увеличиться. Конунг отвечает: «Это хорошо сказано и во многом кажется мне подхо-

дящим. И (вполне) вероятно, что со временем может увеличиться его слава так, как она возрастает сейчас. А мы принимаем благородное решение, что, когда ты перестанешь быть бедным и безземельным человеком и когда вместе с этим твой успех станет таким, как я ожидаю, тогда не стоит тебе быть далеко отсюда». И после этого разговора собрался он отправиться прочь из страны, и на это указывается в его песне, что он уплыл с войском на восток в Виндланд и так в Саксланд, и дальше на запад в Фракланд, как говорил Иллуги.

Оттуда отправился он в Лангбардаланд и затем в Ромаборг и после этого — в Пул, и пришел к кораблям, и поплыл оттуда в Миклагард к конунгу, как говорит Бельверк.

Здесь говорится так, что он приплыл на военных кораблях в Миклагард с большим войском к конунгу Гарда, которого звали Микаэл Каталактус. Тогда была царицей в Миклагарде царица Зоя Богатая. Норманны были там хорошо приняты. Отправился Харальд оттуда со всеми [своими людьми] на разговор к конунгу, и назвался он Нордбриктом, и не многим было известно, что он был королевского рода, но, напротив, просил он всех своих людей это скрыть, поскольку требуется осторожность, если чужестранцы — королевские сыновья. *[Об исландце Маре Хундредарсоне; о разговоре Нордбрикта с Зоей; об отношениях Нордбрикта с вэрингами.]*

О поездке Нордбрикта

[Нордбрикт участвует в военных действиях в Эгейском море, а затем отправляется в Африку. Виса скальда Тьодольва.] Нордбрикт провел много зим в Африке и взял там много золота и много драгоценностей. Но все то богатство, которое он получал и которое не было нужно ему для [своих] воинов, он посылал со своими верными людьми на север в Хольмгард во власть и на хранение конунгу Ярицлейву. И собралось там такое непомерно большое, что никто не мог точно сказать, богатство, какое легко можно [себе] представить, когда он воевал в той части мира, которая была чуть ли не богаче всех остальных золотом и драгоценностями. При этом он никогда не воевал против местных жителей, потому что он говорит сам, что он сражался в Африке с самим конунгом, и победил, и завладел большей частью его государства. А после этого он отправился домой в Миклагард с большой славой, и теперь он там [уже] некоторое время.

Поездка Харальда в Йорсалир

[После сражений на Сицилии Нордбрикт отправляется в Иерусалим. По возвращении в Константинополь он оказывается в тюрьме по приказу императрицы Зои. Благодаря чуду святого Олава Харальду удастся спастись.] И в ту же самую ночь захватывает Харальд ту палату, в которой была девица Мария, и увезли они ее с собой. Взяли затем они две галейды и вышли на веслах в Сэвидар-

сунд. А там были [протянуты] через залив железные цепи. И тогда сказал Харальд: «Теперь люди должны сесть на весла на обеих галейдах, а все те люди, кому не нужно грести, должны каждый держать в руках свой кожаный мешок или другую тяжесть и бежать на корму, и проследить, чтобы перебраться туда как можно скорее». И вот делают они так, и поднимаются корабли на [цепи], и тотчас они останавливаются, и прекратилось движение. Тогда сказал Харальд: «Теперь должны все люди перебежать на нос корабля и держать в руках ту же тяжесть». И вот в результате этого соскочила с цепи та галейда, на которой был сам Харальд, а другая поднялась на цепь, развалилась на части, и погибло очень много людей с нее там в заливе, а некоторых спасли. И с этим выбрался Харальд прочь из Миклагарда и поплыл так дальше в Свартахав, и, прежде чем он выплыл в море, высадил он на берег девуцу Марию и дал ей хороших спутников назад в Миклагард. *[Харальд просит Марию передать Зое, что власть ее над ним не так уж велика.]* Затем расстались они, и плывет Харальд на север за море, а оттуда едет он по Аустррики в Хольмгард. И в этих поездках сочинил Харальд висы радости, и всего их шестнадцать, и один конец у всех, хотя здесь записаны немногие. Вот одна [из них]:

«Корабль проходил перед обширной Сицилией. Мы были горды собой. Корабль с людьми быстро скользил, как можно только было желать. Я меньше всего надеюсь на то,

что бездельник будет нам в этом подражать. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности».

Этим намекает он на Элисабет, дочь конунга Ярицлейва, руки которой он просил, как говорилось раньше; и так сказал он:

«У трендов оказалось больше войска; мы выдержали истине горячий бой; будучи молодым, я расстался с молодым конунгом, павшим в бою. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности.

Нас было шестнадцать на корабле, когда внезапно поднялась буря; нагруженный наш корабль был полон воды, которую мы вычерпывали. Я меньше всего надеюсь на то, что бездельник будет нам в этом подражать. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности.

Я владею восемью искусствами: умею слагать стихи; умею быстро ездить верхом; иногда я плавал; умею скользить на лыжах; я опытен в метании копья и владении веслом; я также умею играть на арфе и знаю восемь приемов борьбы.

Я родился там, где уппландцы натягивали луки; теперь у меня есть корабли, ненавистные населению, которые плавают среди островов; с тех пор как мы спустили его на воду, корабль мой рассекал много морей. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности.

Кроме того, ни женщина, ни девушка не смогут отрицать, что мы у южного города храбро сражались своими ме-

чами: там есть доказательства наших подвигов. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности».

Вот приходит Харальд в Хольмгард к конунгу Ярицлейву и получает там хороший прием, и взял тогда под свою власть то множество золота, которое он туда посылал для себя из Грикланда. Начинает он с конунгом дело о сватовстве, говорит, что он приобрел теперь богатства, но также и некоторый почет вследствие [своих] подвигов. Конунг дает такой ответ, что ему незачем дольше излагать это дело перед ним, и пусть все теперь произойдет по его желанию. И вот выдал конунг Ярицлейв за Харальда свою дочь Элисабет, а норманны зовут ее Эллисив, как говорит Стув: «Воинственный конунг Эгда взял себе ту жену, какую он хотел. Ему выпало много золота и дочь конунга».

А весной собрался Харальд в путь свой с востока и говорит конунгу Ярицлейву, что он, возможно, захочет встретиться с конунгом Магнусом, своим родичем, если бы тот захотел поделиться с ним некоторой частью своих владений, поскольку он правит двумя королевствами, и сказал, что ему будет очень к лицу, если он окажет почет такому своему близкому родичу. Конунг попросил его и также княгиня, чтобы он любой ценой удержался от схватки с конунгом Магнусом, и им казалось, что он ему будет более всего предан и верен своей мудростью и силой. Поплыл Харальд теперь с востока из Хольмгарда и пришел на одном корабле в Сигтуну, как говорит Вальгард: «Ты спустил [на воду] ко-

рабль с красивейшим грузом; тебе на долю выпала честь; ты вывез, действительно, золото с востока из Гардов, Харальд. Ты смело правил [кораблем] в жестокую непогоду, славный конунг, а корабли резали [море]; ты увидел Сигтуну, когда утихло бурное море».

Там встретились они, Харальд и ярл Свейн, когда он бежал из Данмарка от конунга Магнуса, и сказал Свейн, что они должны вступить в товарищество по той причине, что они оба по рождению имеют право на те государства, которыми правит конунг Магнус, [и] договорились они с Харальдом до того, что были родственниками. Свейн был в родстве с Эллисив, женой Харальда, дочерью конунга Ярицлейва и княгини Ингигерд, дочери Олава (сестрой Олава была Астрид, мать Свейна), потому что Сигрид Суровая была матерью их обоих, конунга Олава и Астрид. И о таких вещах говорит Свейн с Харальдом. А он ответил таким образом, что он вовсе не хотел отказывать Свейну в своей дружбе, но все же сказал, что он хотел бы раньше встретиться со своим родичем, конунгом Магнусом, чем проявить свою вражду по отношению к нему или выказать себя его противником. И отправляется теперь Харальд в Данмарк, как здесь говорится. *[Следует строфа скальда Вальгарда.]*

О различии между конунгами

[В главе рассказывается о взаимоотношениях человека по имени Транд, родича Кальва Арнасона, с конунгами

Магнусом Олавссоном и Харальдом Сигурдарсоном.] Свейн Гардский звали человека. Он пришел в страну вместе с Харальдом и получил от него некоторый лен. Был он также готов выполнить все, что прикажет Харальд. Он был очень сильным [человеком]. Вот посылает конунг Харальд Свейна в Уппланд и с ним двенадцать человек. Все они были в черных одеждах и выдавали себя за монахов. Пришли они рано утром на хутор Транда.

О том, как Аудун из Западных Фьордов привез белого медведя конунгу Свейну. [Исландец Аудун, возвращаясь из Гренландии с белым медведем, миновал Норвегию и Харальда Сигурдарсона и привез медведя в Данию конунгу Свейну. Сходив в паломничество в Рим, он снова вернулся в Данию. Конунг предложил Аудуну остаться у него надолго, но тот отказался.] Однажды, когда конунг Свейн пришел на причал, люди снаряжали там корабли в разные земли — в Аустрвег или в Саксланд, в Свитьод или в Норег. [Конунг предложил подарить Аудуну один из кораблей.]

Об обстоятельствах западной поездки конунга Харальда

[Харальд, сын ярла Гудини, стал английским королем в январе 1066 г., а его брат, ярл Тости, заручился поддержкой Харальда Сигурдарсона, после чего тот отправился в свою последнюю поездку.] Конунг Харальд плывет сначала на запад к Оркнейям и берет оттуда войско Паля и Эрленда, сыновей ярла Торфинна. А там он оставил Тору, свою жену,

и Марию, свою дочь. *[Конунг приплыл в Англию и сошел на землю недалеко от Кливленда.] [Конунг Харальд пошел на город Йорк. Он встал с войском на ночь под Стамфордбриджем, а ночью в город вошел Харальд, сын Гудини, с неисчислимым войском. Норвежцы об этом не знали, и Харальд Сигурдарсон поделил свое войско. С ним пошел ярл Тости, а сын конунга Олав и Эйстейн Ори, сын Торберга Арнасона, остались охранять корабли. Эйстейн был самым знатным из лендрманнов конунга Харальда.]* Тогда конунг Харальд пообещал ему в жены Марию, свою дочь, когда они вернутся назад. *[Подробно рассказывается о последней битве Харальда Сигурдарсона.]*

«Красивая кожа»

Когда конунг Олав святой пал при Стикластадире, уехали они из страны, Харальд, его брат, и Регнвальд Брусасон, и много людей с ними, и пришли они в начале той зимы на восток в Хольмгард к конунгу Ярицлейву, и он хорошо их принял, как говорит Вальгард из Веллы, который сочинил [песнь] о Харальде: «Конунг, ты обтер кровь с меча, прежде чем вложил его в ножны. Ты насытил воронов сырым мясом. Волки были на гребнях [гор]. А ты провел, суровый конунг, следующий год на востоке в Гардах; никогда мне не доводилось слышать, что какой-либо воин превосходил тебя».

У конунга Ярицлейва всегда были нордманны и свенские люди; и умер тогда ярл Регнвальд Ульвссон, а то ярл-

ство взял ярл Эйлив. У него тоже было много нордманнов, и он давал им жалованье [по договору]. Это звание ярла давалось для того, чтобы ярл защищал государство конунга от язычников. Конунг Ярицлейв поставил Харальда вторым хевдингом над своим войском и давал жалованье [по договору] всем его людям, как говорит скальд Тьодольв: «Одно и то же затеяли два хевдинга там, где сидел Эйлив: они встали щитом к щиту».

Там находился Харальд долгое время, и было у него много битв, и относился Ярицлейв к нему очень хорошо. Захотелось тогда Харальду отправиться прочь в Миклагард. Вот пустился он в путь, и большое войско нордманнов вместе с ним, проехал он весь тот путь, пока не приехал в Миклагард. *[Там правила царица Зоя Богатая, вместе с ней правил Микьял Каталактус, а во главе греческого войска стоял ее родич Георгий, которого норманны звали Гюргир. Харальд со своими мужами поступил на жалованье к царице и стольному конунгу. С войском вэрингов, латинян и тех греков, которые присоединились к нему, Харальд пошел на запад в Африку. Следуют висы скальдов Тьодольва и Иллуги.]*

Здесь говорится, что тогда был конунгом Микьял. Харальд провел много зим в Африке, взял там много золота, разного рода великолепных драгоценностей и замечательных камней. Но все то богатство, которое он брал и которое не было нужно ему для использования со своим войском,

он посылал со своими верными людьми на север в Хольмгард во власть и на хранение конунгу Ярицлейву. Там собралось [такое] большое богатство, какое было возможно, когда он воевал в той части мира, которая была богаче всех остальных золотом и серебром, и такое большое, каким он его сделал, и раньше было сказано о том, что он захватил восемьдесят городов. Он сражался с самим конунгом Африки, и победил, и завладел большей частью его государства, как говорит скальд Тьодольв: *[Следует виса Тьодольва. Рассказывается о том, как Харальд берет хитростью два города на Сицилии и передает их и много других областей под власть конунга греков. Вернувшись в Миклагард, он вскоре отправляется со своим войском в Иерусалим. Он вновь возвращается в Миклагард и по приказанию царицы Зои посажен в темницу. Он обвиняется в том, что присвоил золото конунга греков и что искал любви Марии. Одной вдове, с помощью святого Олава, удается освободить Харальда.]*

В ту самую ночь захватил он ту палату, в которой была девица Мария, и взял ее с собой, затем взяли они две галейды и вышли на веслах в Сэвидарсунд. Там были [протянуты] через залив железные цепи. Тогда сказал Харальд, чтобы [люди] сели на весла на обеих галейдах, а все те на обеих галейдах, кому не нужно грести, бежали на корму, и чтобы каждый держал в руках свой кожаный мешок, и так поднялись галейды на цепи, а как только совсем пре-

кратилось движение, велел он [всем] перебежать на нос. Тогда соскочила с цепи та галейда, на которой был Харальд, а та другая, на которой его не было, разбилась, когда поднялась на цепь, и погибли многие с нее, а некоторые [спаслись] вплавь. С этим выбрался Харальд из Миклагарда и поплыл так до Свартахав, и, прежде чем он выплыл в море, высадил он на берег девицу Марию, и дал ей хороших спутников назад в Миклагард, и просил ее сказать царице Зое, что Харальду кажется, что у нее мало власти над ним или что ее богатство не может помешать тому, чтобы он взял девицу Марию, если бы захотел. Тогда поплыл он на север в Эллипалтар, оттуда поехал назад по Аустррики. В этих поездках сочинил Харальд висы радости, и всего их шестнадцать, и один конец у всех. Вот одна [из них]: «Корабль проходил перед обширной Сицилией. Мы были горды собой. Корабль с людьми быстро скользил, как и можно только было желать. Я меньше всего надеюсь на то, что бездельник будет нам в этом подражать. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности».

Этим намекал он на Эллисив, дочь конунга Ярицлейва. Харальд отправился в Хольмгард к конунгу Ярицлейву и получил там хороший прием, взял он себе тогда много золота, [того что] он раньше посылал для себя из Миклагарда. Прежде чем Харальд уехал с востока из Гардов, выдал Ярицлейв за него свою дочь, которую звали Элисабет, а норманны называли Эллисив. Это говорит Стув Слепой:

«Воинственный конунг Эгда взял себе ту жену, какую он хотел. Ему выпало много золота и дочь конунга».

Весной собрался он в путь свой с востока из Хольмгарда и приплыл с тремя кораблями в Свитьод. Так говорит Вальгард: «Ты спустил [на воду] корабль с красивейшим грузом; тебе на долю выпала честь; ты вывез, действительно, золото с востока из Гардов, Харальд. Ты смело правил [кораблем] в жестокую непогоду, славный конунг, а корабли резали [море]; ты увидел Сигтуну, когда утихло бурное море».

И встретились они тогда, Свейн Ульвссон и Харальд. Они были в родстве, потому что Эллисив, на которой был женат Харальд, была дочерью Ингигерд, дочери Олава Свенского. Ее сестрой была Астрид, мать Свейна Ульвссона. *[Свейн предлагает Харальду союз.]*

Вот поплыл конунг Харальд сначала на Оркнейи, оставил там Эллисив, свою жену, и Марию, свою дочь. Оттуда он отплыл вместе с ярлом Палем, сыном ярла Торфинна и Ингибьерг, дочери ярла Финна Арнасона. Оттуда конунг Харальд повел войско на юг в Энгланд... *[Дальше рассказывается о битвах Харальда в Англии.]*

[После гибели Харальда его сын Олав и Скули, сын ярла Тости, отправились на Оркнейские острова.] В тот самый день, когда конунг Харальд пал в Энгланде, тогда умерла Мария, его дочь, на Оркнейях. Так говорили люди, что у них обоих была одна жизнь.

[Следующим летом Олав Харальдссон приплыл назад в Норвегию и стал конунгом вместе с Магнусом, своим братом.]

«Круг земной»

Следующей весной взяли они себе корабли и отправились летом на восток в Гардарики к конунгу Ярицлейву, и пробыли там зиму. Так говорит Бельверк: «Конунг, ты обтер кровь с меча, прежде чем вложил его в ножны. Ты насытил воронов сырым мясом. Волки были на гребнях гор. А ты провел, суровый конунг, следующий год на востоке в Гардах; никогда мне не доводилось слышать, что какой-либо воин превосходил тебя».

Конунг Ярицлейв хорошо принял Харальда и его людей. Сделался тогда Харальд хевдингом над людьми конунга, охранявшими страну, вместе с Эйливом, сыном ярла Регнвальда. Так говорит Тьодольв: «Одно и то же затеяли два хевдинга там, где сидел Эйлив: они встали щитом к щиту. И восточные винды были зажаты в ущелье. Воины задали жестокий урок ляхам».

Харальд провел в Гардарики несколько зим и ездил по всему Аустрвегу. Вскоре пустился он в путь прочь в Грикланд, и был у него большой отряд людей. Он держал тогда путь в Миклагард. *[Следует виса Бельверка о войске, входящем в Миклагард.]*

[С войском вэрингов, латинян и тех греков, которые присоединились к нему, Харальд пошел на запад в Африку.]

Харальд провел много зим в Африке, захватил огромное богатство, золото и всякого рода драгоценности. И все то богатство, которое он добывал, но [которое ему] не требовалось, чтобы содержать себя, он посылал со своими верными людьми на север в Хольмгард под власть и охрану конунга Ярицлейва, и собралось там [такое] большое богатство, какое и могло быть, когда он воевал в той части мира, которая была богаче всех остальных золотом и драгоценностями, и такое большое, каким он его сделал, о чем уже правдиво было сказано, когда он сумел захватить восемьдесят городов.

[Рассказывается, как Харальду удалось покинуть Константинополь, перебравшись через цепи, перегораживавшие пролив Золотой Рог.] С этим выбрался Харальд прочь из Миклагарда и поплыл так в Свартахав. Тогда поплыл он на север в Эллипалтар, оттуда поехал по всему Аустррики. В этих поездках сложил Харальд висы радости, и всего вместе их шестнадцать, и один конец у всех. Вот одна [из них]: «Корабль проходил перед обширной Сицилией. Мы были горды собой. Корабль с людьми быстро скользил, как и можно только было желать. Я меньше всего надеюсь на то, что бездельник будет нам в этом подражать. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности». Этим намекал он на Эллисив, дочь конунга Ярицлейва в Хольмгарде.

И когда Харальд приплыл в Хольмгард, конунг Ярицлейв превосходно встретил его. Провел он там зиму, взял тогда в свое распоряжение все то золото, которое он раньше посылал туда из Миклагарда, и всякого рода драгоценности. Это было такое большое богатство, что ни один человек в северных странах не видел такого во владении одного человека. Харальд трижды ходил в обход палат, пока он был в Миклагарде. Там есть такие законы, что каждый раз, когда умирает греческий конунг, тогда варяги идут в обход палат. Они тогда проходят по всем палатам конунга, там, где находятся все его сокровищницы, и каждый тогда свободно присваивает [то], что идет ему в руки.

Той зимой выдал конунг Ярицлейв свою дочь за Харальда. Она звалась Элисабет; норманны зовут ее Эллисив. Это сообщает Стув Слепой: «Воинственный конунг Эгда взял себе ту жену, какую он хотел. Ему выпало много золота и дочь конунга».

А весной собрался он в путь свой из Хольмгарда и отправился весной в Альдейгьюборг, взял себе там корабль и поплыл летом с востока, повернул сначала в Свитьод и направился в Сигтуну. Так говорит Вальгард из Веллы: «Ты спустил [на воду] корабль с красивейшим грузом; тебе на долю выпала честь; ты вывез, действительно, золото с востока из Гардов, Харальд. Ты смело правил [кораблем] в жестокую непогоду, славный конунг, а корабли резали [море]; ты увидел Сигтуну, когда утихло бурное море».

Харальд встретился там со Свейном Ульвссоном. Той осенью он бежал от конунга Магнуса из-под Хельганеса. И когда они встретились, они были рады друг другу. Олав Свенский, конунг свеев, был отцом матери Эллисив, жены Харальда, а Астрид, мать Свейна, была сестрой конунга Олава. Харальд и Свейн стали друзьями и заключили союз. Все свеи были друзьями Свейна, так как у него был самый большой род в стране. Стали тогда и все свеи друзьями Харальда и союзниками. Многие знатные люди там породнились с ним. Так говорит Тьодольв: «Дубовый киль, круто вздымаясь, резал море с востока из Гардов: все свеи служили тебе с тех пор, отважный конунг. Тяжелый корабль Харальда шел с большим грузом золота, клонясь в подветренную сторону, под широким парусом; буря доставила много неприятностей конунгу».

Конунг Харальд взял в жены Тору, дочь Торберга Арнасона, на следующую зиму после того, как умер конунг Магнус Добрый. У них было два сына. Старшего звали Магнус, а другого Олав. У конунга Харальда и Эллисив были две дочери. Одну звали Мария, а другую Ингигерд. *[Рассказывается, как Харальд собрал войско и отплыл в Данию.]*

[Конунг Харальд не сдержал своего слова и не выдал дочь своего племянника Магнуса, Рагнхильд, за бонда по имени Хакон Иварссон.] Хакон отправился тогда тотчас из страны, и был у него военный корабль, хорошо вооруженный. Он приплыл на юг в Данмарк и тотчас отправил-

ся к конунгу Свейну, своему свояку. Конунг принял его с радостью и дал ему там большие вейцлы. Стал Хакон там защищать страну от викингов, которые много грабили в Данавельди, — виндов и других жителей Аустрвега, а также куров. Выходил он на боевых кораблях и зимой и летом.

[Рассказывается о вещих снах и неблагоприятных видениях конунга Харальда.] Конунг Харальд, прежде чем он уехал из Трандхейма, велел провозгласить там конунгом Магнуса, своего сына, и поставил его конунг Харальд правителем над Норегом, когда [сам] уехал прочь. Тора Торбергсдоттир тоже осталась [в Нореге], а королева Эллисив отправилась вместе с ним и со своими дочерьми, Марией и Ингигерд. Олав, сын конунга Харальда, тоже уехал вместе с ним из страны.

А когда конунг Харальд был готов и подул попутный ветер, вышел он в море и пристал к берегу в Хьяльталанде, а часть его войска — на Оркнейях. Конунг Харальд оставался там некоторое время, прежде чем он поплыл на Оркнейи, и было у него с собой большое войско оттуда, и [были с ним] ярлы Паль и Эрленд, сыновья ярла Торфинна, а там он оставил королеву Эллисив и их дочерей, Марию и Ингигерд. Оттуда поплыл он на юг вдоль Скотланда и дальше вдоль Энгланда и пристал к берегу там, где зовется Кливленд. *[О последовавших за этим битвах и победах конунга Харальда в Англии.]*

Олав, сын конунга Харальда, увел свое войско из Энгланда и отплыл из Хравнсейра, и приплыл осенью на Оркнейи, и были там такие новости, что Мария, дочь конунга Харальда Сигурдарсона, внезапно умерла в тот же самый день и в тот же самый час, когда пал конунг Харальд, ее отец. Олав оставался там зиму. А следующим летом отправился Олав на восток в Норег. Он был тогда провозглашен там конунгом вместе с Магнусом, своим братом. Королева Эллисив отплыла с запада вместе с Олавом, своим пасынком, и [вместе с ней] Ингигерд, ее дочь. *[О Скули, приемном отце конунга Олава Харальдссона.]*

«Хульда»

Сигурд Хриси звался сын конунга Харальда Прекрасноволосого, он был отцом Хальвдана, отца Сигурда Свины. Сигурд Свинья был женат на Асте Гудбрандсдоттир, матери конунга Олава святого. У них, конунга Сигурда и Асты, было пятеро детей или больше: Гудред был старшим, за ним Хальвдан, затем Ингибьерг, затем Гуннхильд, Харальд был младшим, он очень рано стал сильным и благородной наружности. Так, говорят, что, когда конунг Олав святой бежал из Норега от власти Кнута, конунга данов, поехал он на восток в Гарды и был там у конунга Ярицлейва; затем, после того как Бог [все] предопределил, решил он вернуться назад в свое государство, приплыл он тогда сначала в Свитьод и усилил там свое войско. И когда в Нореге стало известно, что конунг Олав вернулся с востока

в Свитьод, тогда собрались (вместе) все его друзья, те, кто хотел ему помочь; был среди них самым знатным по рождению Харальд Сигурдарсон, брат конунга Олава, ему было тогда пятнадцать лет; много там было других выдающихся людей; всего вместе их было 6 сотен человек. *[О битве при Стикластадире, о ранении Харальда, о том, как Регнвальд Брусасон проводил его к лекарю.]*

Когда Харальд пришел в Ямталанд, он обнаружил там Регнвальда Брусасона и еще много людей, тех, что вернулись из битвы при Стикластадире; осенью отправились они оттуда в Свитьод и провели там зиму. Следующим летом отправились они на восток в Гардарики к конунгу Ярицлейву, и принял он их хорошо; после этого Харальд пробыл там долго; так говорит скальд Бельверк в той драпе, которую он сочинил о конунге Харальде: «Конунг, ты обтер кровь с меча, прежде чем вложил его в ножны. Ты насытил воронов сырым мясом. Волки были на гребнях [гор]. А ты провел, суровый конунг, следующий год на востоке в Гардах; никогда мне не доводилось слышать, что какой-либо воин превосходил тебя».

Сделался тогда Харальд большим хевдингом и принял на себя охрану страны у конунга Ярицлейва, а вторым [был] Эйлив, сын Регнвальда, сына Ульва, как говорит Тьодольв: «Одно и то же затеяли два хевдинга там, где сидел Эйлив: они встали щитом к щиту. И восточные винды были зажаты в ущелье. Воины задали жестокий урок ляхам».

Харальд ездил по всему Аустрвегу и совершил много подвигов, и за это конунг его высоко ценил. У конунга Ярицлейва и княгини Ингигерд была дочь, которую звали Элисабет, норманны называют ее Эллисив. Харальд завел разговор с конунгом, не захочет ли тот отдать ему девушку в жены, сказал, что он известен родичами своими и предками, а также отчасти и своим поведением. Конунг отвечает на эту речь хорошо и сказал так: «Это хорошо сказано; думается мне, во многих отношениях дочери моей подходит то, что касается (самого) тебя; но здесь могут [начать] говорить крупные хевдинги, что это было бы несколько поспешное решение, если бы я отдал ее чужестранцу, у которого нет государства для управления и который к тому же недостаточно богат движимым имуществом. Но я не хочу тем не менее отказывать тебе в этой женитьбе; лучше оставить тебе твой почет до подходящего времени, даже если ты немного подождешь; используешь ты для этого, полагаем мы, и святость конунга Олава, и твое собственное физическое и духовное совершенство, поскольку ты так здесь прожил, что себе ты приобрел славу, а нам почет и большой успех нашему государству; очень вероятно также, что, начавшись таким образом, увеличится еще больше твоя слава и почет». Так они закончили свой разговор.

После этого решил Харальд отправиться прочь из страны, собрал он тогда большой отряд людей, расстались они с конунгом Ярицлейвом лучшими друзьями. Так, говорится,

что Харальд поехал с востока из Гардов со своим войском, сначала в Виндланд, оттуда в Саксланд и дальше на запад в Фраккланд; так говорит Иллути Скальд из Долины Брони: *[Следует скальдическая строфа. Далее рассказывается, как Харальд добрался до Константинополя, где правила царица Зоя, и назвался там Нордбриктом.]*

[Нордбрикт отправился со своим войском в Африку, называемую варягами Серкландом, где он захватил восемьдесят городов. В подтверждение слов саги следуют строфы скальдов Тьодольва и Иллути.] Здесь говорится о том, что в то время был Микаэл конунгом греков. Нордбрикт провел много зим в Африке, взял он там движимого имущества, золотом и серебром, и разного рода драгоценностей; и все то богатство, которое он добывал и которое ему не требовалось, чтобы содержать себя и свое войско, он посылал со своими верными людьми на север в Хольмгард во власть и на хранение конунгу Ярицлейву. Там собралось [такое] огромное богатство, какое легко можно представить, поскольку он воевал в той части мира, которая была богаче всех остальных золотом и драгоценностями, и такое большое, каким он его сделал, о чем уже правдиво было сказано, когда ему удалось захватить восемьдесят городов в Африке, помимо всех тех грабежей, которые он совершал в Гриккландсхав и на Сикилей, о чем позднее будет рассказано. *[О сражениях в Серкланде и Блаланде.]*

В ту самую ночь пришли Харальд и его люди в то помещение, где спала девица Мария, силой увели ее оттуда и взяли с собой; взяли затем две галейды, сели варяги на них и вышли на веслах в Сэвидарсунд. *[Одному из двух кораблей удалось преодолеть протянутые через залив цепи.]* С этим выбрался Харальд (прочь) из Миклагарда; поплыл он так в Свартахав, и, прежде чем он отплыл от земли, высадил он на землю ту девицу и дал ей хороших спутников. *[Харальд просит Марию передать Зое, что власть ее над ним не так уж велика.]* Затем поплыл Харальд на север в Эллипалтар, поехал он оттуда по всему Аустррики. В этих поездках сочинил Харальд висы радости, и всего их было шестнадцать, и один конец у всех, хотя здесь записаны немногие; (вот одна [из них]): «Корабль проходил перед обширной Сицилией. Мы были горды собой. Корабль с людьми быстро скользил, как и можно только было желать. Я меньше всего надеюсь на то, что бездельник будет нам в этом подражать. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности».

Этим намекал он на Элисабет, дочь конунга Ярицлейва, руки которой он просил, как раньше рассказывалось; и еще сказал он:

«У трендов оказалось больше войска; мы выдержали поистине горячий бой; будучи молодым, я расстался с молодым конунгом, павшим в бою. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности.

Нас было шестнадцать на корабле, когда внезапно поднялась буря; нагруженный наш корабль был полон воды, которую мы вычерпывали. Я меньше всего надеюсь на то, что бездельник будет нам в этом подражать. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности.

Я владею восемью искусствами: умею слагать стихи; умею быстро ездить верхом; иногда я плавал; умею скользить на лыжах; я опытен в метании копья и владении веслом. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности.

Кроме того, ни женщина, ни девушка не смогут отрицать, что мы у южного города храбро сражались со своими мечами: там есть доказательства наших подвигов. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности.

Я родился там, где уппландцы натягивали луки; теперь у меня есть корабли, ненавистные населению, которые плавают среди островов; с тех пор как мы спустили его на воду, корабль мой рассекал много морей. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности».

И когда Харальд приплыл в Хольмгард, конунг Ярицлейв превосходно встретил его; провел он там зиму; взял он тогда в свое распоряжение все то золото, которое он посылал туда из Миклагарда, и всякого рода драгоценности; это было такое большое богатство, что ни один человек в северных странах не видел, чтобы подобное ему собиралось во владении одного человека. Харальд трижды ходил

в обход палат, пока он был в Миклагарде; там есть такие законы, что каждый раз, когда умирает греческий конунг, варяги идут в обход палат; они тогда проходят по всем палатам конунга, там, где находятся все его сокровищницы, и каждый тогда свободно берет и присваивает то, что идет ему в руки.

Той зимой выдал конунг Ярицлейв свою дочь Эллисив за Харальда; это сообщает скальд Стув: «Воинственный конунг Эгда взял себе ту жену, какую он хотел. Ему выпало много золота и дочь конунга».

А весной собрался он в путь свой из Хольмгарда и отправился вниз в Альдейгьюборг, взял он себе там корабль и поплыл летом с востока; повернул сначала в Свитьод и направился в Сигтуну; так говорит Вальгард из Веллы: «Ты спустил [на воду] корабль с красивейшим грузом; тебе на долю выпала честь; ты вывез, действительно, золото с востока из Гардов, Харальд. Ты смело правил [кораблем] в жестокую непогоду, славный конунг, а корабли резали [море]; ты увидел Сигтуну, когда утихло бурное море».

Встретил там Харальд Свейна Ульвссона; той осенью он бежал от конунга Магнуса из-под Хельганеса, как написано раньше; и, когда они встретились, они были рады друг другу. Олав Свенский, конунг свеев, был отцом матери Элисабет, жены Харальда, а Астрид, мать Свейна, была сестрой Олава, конунга свеев. Свейн и Харальд стали друзьями и заключили союз. Все свеи были друзьями Свей-

на, так как у него был самый большой род там в стране; стали тогда и все swei друзьями Харальда и союзниками, многие знатные люди там породнились с ним; так говорит Тьодольв: «Дубовый киль, круто вздымаясь, резал море с востока из Гардов: все swei служили тебе с тех пор, отважный конунг. Тяжелый корабль Харальда шел с большим грузом золота, клонясь в подветренную сторону, под широким парусом; буря доставила много неприятностей конунгу». [*Со ссылками на скальда Вальгарда из Веллы рассказывается о совместных военных предприятиях Харальда и Свейна.*] говорилось, в Норег, и, когда он пришел в город, велел он созвать Эйратинг, было ему там, как и в других местах, дано имя конунга над всеми землями, сделался он тогда единовластным правителем над всем Норегом; провел он там зиму на севере в Трандхейме. Халльдор Сноррасон был в Миклагарде вместе с Харальдом, как говорилось раньше, и приплыл в Норег вместе с ним с востока из Гардарики; имел он тогда большой почет и уважение от конунга Харальда, был он вместе с конунгом в ту зиму, которую тот провел в Каупанге. [*Халльдор Сноррасон уплывает в Исландию.*]

Конунг Харальд поплыл назад осенью и был в Нореге зимой. На следующую зиму после того, как умер конунг Магнус, конунг Харальд взял в жены Тору, дочь Торберга Арнасона, у них было двое сыновей, старшего звали Магнус, а другого — Олав. У конунга Харальда и Эллисив

были две дочери, одну звали Мария, а другую — Ингигерд.
[Каждое лето Харальд ходил в военный поход на Данию.]

[Конунг Харальд не сдержал своего слова и не выдал дочь своего племянника Магнуса, Рагнхильд, за бонда по имени Хакон Иварссон.] Хакон отправился тогда тотчас из страны, был у него военный корабль, хорошо вооруженный, он приплыл на юг в Данмарк, отправился тотчас к конунгу Свейну, своему свояку; принял конунг Хакона с радостью и дал ему там большие вейцлы; стал Хакон там защищать страну от викингов, которые много грабили в Даванельди, — виндов, и куров, и других жителей Аустрвега; выходил он на боевых кораблях как зимой, так и летом.

[Харальд, сын ярла Гудини, стал английским королем в январе 1066 г., а его брат, ярл Тости, заручился поддержкой Харальда Сигурдарсона, после чего тот отправился в свою последнюю поездку.] Прежде чем конунг Харальд уехал из Трандхейма, поставил он конунгом Магнуса, своего сына, и поручил ему охрану земли и государства в Нореге, который он покидал. Тора Торбергсдоттир тоже осталась, а королева Эллисив отправилась вместе с ним, и их дочери Мария и Ингигерд. Олав, сын конунга Харальда, тоже отправился вместе с ним прочь из страны.

И когда конунг Харальд был готов и подул попутный ветер, vyplыл он в море со всем [своим] флотом; он высадился на берег в Хьяльтланде, а часть его войска отправилась на Оркнейи, Харальд недолго простоял в Хьяльтланде, пре-

жде чем он поплыл на юг к Оркнейям, взял он оттуда с собой большое войско и ярлов Паля и Эрленда, сыновей ярла Торфинна, а там он оставил королеву Эллисив и дочерей тех, Марию и Ингигерд. [*Конунг поплыл дальше в Англию и причалил в Кливленде.*] Он отплыл из Хравнсейри и подошел осенью к Оркнейям; это сообщает Стейн Хердисарсон: [*Следует строфа Стейна.*] Там были такие новости, что Мария, дочь конунга Харальда, внезапно умерла в тот же самый день и в тот же самый час, когда пал ее отец, и так говорят люди, что у них обоих была одна жизнь; она была мудрее всех женщин и очень любима друзьями. Олав оставался зиму на Оркнейях, а следующим летом отправился Олав на восток в Норег со своим войском; так говорит Стейн: [*Следует строфа Стейна.*] Тем самым летом был Олав провозглашен конунгом в Нореге вместе с Магнусом, своим братом. Королева Эллисив отплыла с запада за море вместе с Олавом, своим пасынком, и [вместе с ней] Ингигерд, ее дочь.

Приложение № 4

К. Кекавмен «Советы и рассказы»

Извлечение. Перевод.

О том, как следует награждать иноплеменных наемников

Иноплеменников, которые не из царского рода своей страны, не возвышай присвоением больших титулов и не доверяй им высоких должностей. Ведь, поступая таким об-

разом, ты неизбежно унизишь и себя самого, и своих архонтов-ромеев. В самом деле, если ты почтишь явившегося [к тебе] иноплеменника из простолюдинья должностью примикирия или стратига, то какой достойный военный пост ты можешь дать ромею? Конечно, ты превратишь ромея в [своего] врага. Мало того, в стране чужеземца, услышав, что он достиг такой чести и власти, все засмеются и скажут: «Мы его здесь никудышним считали, а, уйдя в Романию, он удостоился такой славы. Видать, в Романии нет способных людей, поэтому так возвысили нашего [земляка]. Если бы ромеи были людьми деятельными, они не вознесли бы его на такую высоту». Да не скажет и твоя царственность: «Я потому облагодетельствовал его, чтобы, узнав об этом, пришли и другие». Недобр такой расчет, так как если хочешь, то за кусок хлеба и одежду я приведу тебе иноплеменников, сколько ты пожелаешь. Весьма полезно для Романии, государь, не оказывать честь иноплеменникам, ставя их на высокие посты. Если они будут служить за одежду и хлеб, знай, что будут исполнять службу верно и преданно, посматривая на длань твою в ожидании нескольких номисм и хлеба. А когда ты удостоишь иноплеменника более высоким титулом, чем титул спафарокандидата, с того момента он будет небрежен и перестанет служить тебе верно.

Я расскажу, а ты послушай, государь, как при разных обстоятельствах приходили иноплеменники к царствовавшим

до тебя — и к Багрянородному Василию, и к его отцу, и к деду, и к прадеду и так далее. Да что я поминаю старых [василевсов]? Ни Роман Аргиропул, ни другой кто из блаженных василевсов не возвышали франка или варяга в достоинство патрикия, не давали приказа возвести кого-нибудь из иноплеменников в ипаты или стратофилаки. В лучшем случае иногда кто-нибудь из них становился спафарием. Все они служили за хлеб и одежду, а большие достоинства и должности получали ромеи, и процветала Романия.

Расскажу твоей царственности кое-что в качестве примера. Мой дед Никулица, немало потрудившись для Романии, стал дукой Эллады в награду от самодержцев за верность. Власть эту он получил пожизненно посредством выдачи хрисовула, как и domestikат экскувитов Эллады. Но вот прибыл один по имени Петр, племянник василевса Франкии, к блаженному василевсу Василию на четвертом году его царствования. И василевс удостоил его титула спафария, поставив его domestikом экскувитов Эллады. А деду моему василевс написал: «Да будет тебе известно, вест, что прибыл на службу к моей царственности Петр, родной племянник короля германцев, и, как он говорит, решил жить и умереть рабом моей царственности. Поверив в его искренность, моя царственность определила его спафарием при Хрисотриклинии. Но, поскольку он иноплеменник, моя царственность не изволила выдвинуть его в стратиги, чтобы не унижить ромеев, а поставила его domestikом под-

чиненных тебе экскувитов. Однако, узнав, что ты получил эту должность от моего блаженного отца через хрисовул, моя царственность дарует тебе вместо экскувитов начальство над влахами Эллады. Видишь, какую проявил осторожность Багрянородный по отношению к иноплеменнику, хотя юн был тогда василевс. Поведаю тебе и о другом случае, святой мой государь. Ты знаешь, что Сенахирим был потомком древних царей. Пожелал он отдать свою страну Багрянородному василевсу Василию, а сам — стать его рабом. Василевс, приняв этот благой дар, почтил его титулом магистра и ничем более, хотя тот был потомком древних царей, и сам — царем. Рассказав твоей царственности еще об одном примере, закончу об этом речь. Аральт был сыном василевса Варангии. У него был брат Юлав, который после смерти своего отца и занял отцовский престол, признав своего брата Аральта вторым после себя лицом в управлении царством. Аральт же, будучи юношей, пожелал отправиться преклонить колена пред блаженным василевсом Михаилом Пафлагонянином и увидеть ромейские порядки. Привел он с собой и войско, пятьсот отважных воинов. Итак, он прибыл, и василевс его принял как положено, затем отправил Аральта с его войском в Сицилию (ибо там находились ромейские военные силы, ведя войну против острова). Придя туда, он совершил великие подвиги. Когда Сицилия была подчинена, он вернулся со своим войском к василевсу, и тот почтил его чином манглавита. После этого

произошел мятеж Деляна в Болгарии. Аральт участвовал в походе вместе с василевсом, имея при себе свое войско, и в борьбе с врагами совершил дела, достойные его благородства и отваги. Покорив Болгарию, василевс вернулся. Впрочем, сражался и я тогда за василевса по силам своим. Когда мы прибыли в Мосинополь, василевс, награждая Аральта за то, что он участвовал в войне, почтил его титулом спафарокандидата. После смерти Михаила и его племянника экс-василевса Аральт при Мономахе захотел, отпросись, уйти в свою страну. Но не получил позволения — выход перед ним оказался запертым. Все же он тайно ушел и воцарился в своей стране вместо брата Юлава. И Аральт не роптал из-за того, что удостоился [лишь] ранга манглавита или спафарокандидата! Более того, даже будучи королем, он сохранял верность и дружбу к ромеям.

Приложение № 5 **Варанга в бою у Диррахия, октябрь 1081 г.**

А. Комнина «Алексиада».

«Оба вождя (Роберт Гвискар и Алексей Комнин. — *А.О.*) сдерживали пока войска и раздумывали о своих действиях и военных операциях, о том, каким образом им лучше всего со знанием дела руководить войском и вести бой. Самодержец решил ночью неожиданно напасть на лагерь Роберта; он приказал всему союзному войску двигаться через солончаки и с тыла напасть на лагерь — ради скрытности передвижения Алексей пошел на удлинение пути. Сам же

он намеревался напасть на Роберта с фронта, как только удостоверится в том, что посланный им отряд достиг цели.

Роберт же тем временем оставил лагерь, ночью переправился через мост (это происходило восемнадцатого октября пятого индикта) и со всем войском прибыл к находящемуся у моря храму, который был в давние времена сооружен в честь мученика Феодора.

Всю ночь обращались они с мольбами к богу и причащались чистых и святых таинств. Затем Роберт построил фаланги, сам встал в середине строя, командование обращенным к морю флангом поручил Амикету (этот граф происходил из знатного рода и обладал выдающимися умом и силой), а начальником другого фланга сделал своего сына Бозмунда, прозванного Саниском

Когда об этом узнал самодержец, он, как человек, всегда находящий лучшее решение в трудном положении, изменил свой план в соответствии с обстоятельствами и расположил боевые порядки по склону хребта около моря. Разделив уже войско, он не прекратил наступления варваров, которые двинулись к лагерю Роберта, но удержал вместе с их начальником Намбитом тех, кто носит на плечах обоюдоострые мечи. Этим последним он приказал спешиться и рядами двигаться на небольшом расстоянии впереди строя, так как все воины этого племени носят щиты.

Все остальное войско Алексей разделил на фаланги, сам встал в середину строя, а командование правой и левой фа-

лангой поручил кесарю Никифору Мелиссину и великому domestiку Бакуриани. Между ним и пешим строем варваров находилось большое число искусных стрелков из лука, которых он собирался выслать вперед против Роберта; Намбиту же он приказал, чтобы его отряд немедленно рaстступился в обе стороны и дал проход этим лучникам, как только последним нужно будет напасть на кельтов и вернуться назад; затем войско должно снова сомкнуться и продолжать движение. Расположив таким образом всю армию, сам Алексей пошел вдоль морского берега с намерением напасть на кельтское войско с фронта. Тем временем отпавленные в тыл врага варвары прошли через солончаки и, когда защитники Диррахия, согласно приказу императора, открыли ворота города, одновременно с ними напали на кельтский лагерь. В то время как полководцы двигались навстречу друг другу, Роберт выслал отряды, которым приказал нападать на ромейское войско и пытаться увлечь за собой вражеских воинов. Но и тут не оплошал император: для отражения атак он непрерывно посылал пельтастов.

Между войсками произошла небольшая перестрелка. Так как Роберт медленно следовал за своими воинами, а расстояние между обеими сторонами уже сократилось, из фаланги Амикета вырвались пехотинцы и конники, которые напали на головной отряд Намбита.

Встретив, однако, сильное сопротивление, они повернули назад (далеко не все они были отборными воинами),

бросились к морю, зашли по шею в воду и, приближаясь к ромейским и венецианским кораблям, стали просить спасти их, но моряки их не приняли.

В этот момент, как рассказывают, бегущих увидела Гаита, жена Роберта, сопутствовавшая ему в военном походе, — вторая Паллада, хотя и не Афина. Она сурово взглянула на них и оглушительным голосом, на своем языке произнесла что-то вроде гомеровских слов: «Будьте мужами, друзья, и возвысьтесь доблестным духом». Видя, что они продолжают бежать, Гаита с длинным копьём в руке во весь опор устремилась на беглецов. Увидев это, они пришли в себя и вернулись в бой.

Между тем секироносцы и сам их вождь Намбит из-за своей неопытности и горячности двигались быстрее, чем следовало, и, не менее кельтов стремясь вступить в бой, удалились на значительное расстояние от ромейского строя (ведь эти варвары обладали таким же пылким нравом, как и кельты, и ничем не уступали им в этом отношении). Роберт понял, что воины Намбита устали и еле дышат (об этом он заключил по быстроте их движения, пройденному расстоянию и весу оружия воинов), и приказал своим пехотинцам напасть на них.

Успевшие уже устать воины Намбита оказались слабее кельтов. Пало тогда все варварское войско. Те, кому удалось спастись, бросились бежать к храму архистратига Михаила; те, кого вместил храм, вошли внутрь, дру-

гие взобрались на крышу, думая найти там спасение. Но латиняне подожгли храм, и вместе с ним сгорели все воины».

Приложение № 6

Р. де Клари «Завоевание Константинополя»

Отрывок. Перевод.

...И пилигримы атаковали так до тех пор, пока неф епископа Суассонского не ударился об одну из этих башен; его отнесло прямо к ней чудом божьим, ибо море никогда здесь не бывает спокойно; а на мостике этого нефа были некий венецианец и два вооруженных рыцаря; как только неф ударился о башню, венецианец сразу же ухватился за нее ногами и руками и, изловчившись как только смог, проник внутрь башни. Когда он уже был внутри, ратники, которые находились на этом ярусе, — англы, даны и греки — увидели его и подскочили к нему с секирами и мечами и всего изрубили в куски. Между тем волны опять отнесли неф, и он опять ударился об эту башню; и в то время, когда корабль снова и снова прибывало к башне, один из двух рыцарей — его имя было Андрэ де Дюрбуаз — поступает не иначе, как ухватывается ногами и руками за эту деревянную башню и ухитряется ползком пробраться в нее. Когда он оказался в ней, те, кто там был, набросились на него с секирами, мечами и стали яростно обрушивать на него удары, но, поелику благодарением божьим он был в кольчуге, они его даже не ранили, ибо его

оберегал господь, который не хотел ни чтобы его избивали и дальше, ни чтобы он здесь умер.

Комментированный словарь

встречающихся в книге наименований воинских частей и подразделений.

Арифм (букв. «числа») — кавалерийская тагма императорской лейб-гвардии, предположительно насчитывала 200 — 400 воинов, находилась под командованием друнгария арифм.

Иканаты — кавалерийская тагма императорской лейб-гвардии, предположительно насчитывала 200—400 воинов.

Нумера — тагма тяжелой пехоты императорской лейб-гвардии, насчитывала 300 — 400 человек.

Оптиматы — в рассматриваемый период фема Византийской империи, расположенная в западной части Малой Азии.

Схолы — кавалерийская тагма императорской лейб-гвардии, общее количество воинов в рассматриваемый период не превышало 300 — 400 человек.

Тагма — основная воинская часть византийской армии.

Тагма Стен — тагма тяжелой пехоты императорской лейб-гвардии, насчитывала 300 — 400 человек. Несли охрану так называемых «Длинных стен».

Хускарл — воин королевской гвардии в англосаксонской Британии XI века. Гвардия хускарлов имела скандинавское происхождение и была создана в Англии в период

правления короля Кнута Великого после датского завоевания страны. До самого норманнского завоевания хускарлы оставались главной боевой силой англосаксонской армии.

Экскувиты — кавалерийская тагма императорской лейб-гвардии. Находилась под командованием комита экскувитов и насчитывала 300 человек.

Комментированный словарь

встречающихся в книге имен государственных и военных деятелей.

Алексей I Комнин — византийский император в 1081 — 1118-х гг. Основатель династии Великих Комнинов. Будучи племянником императора Исаака I Комнина, смог захватить престол Византии, и с тех пор династия Комнинов занимала императорский трон более ста лет. Получив власть над ослабевшим государством, границы которого подвергались нападениям норманнов и сельджуков, Алексей смог устранить внешнюю угрозу. При его правлении были осуществлены масштабные реформы, благодаря которым началось Комниновское возрождение Византийской империи, ознаменованное ростом ее военной и экономической мощи. Реформатор императорской гвардии. Воспет в историческом труде своей дочери Анны Комнины «Алексиаде».

Алексей III Ангел (около 1153 — 1211) — византийский император, правивший в 1195—1203 годах.

Андроник I Комнин (1118 — 12 сентября 1185) — византийский император, последний представитель династии Комнинов на константинопольском престоле. Предок династии Великих Комнинов, правившей в Трапезунде вплоть до 2-й половины XV века.

Баграт III (960 — 7 мая 1014) — царь объединенной Грузии (975 — 7 мая 1014). Сын Гургена II, представитель династии Багратионов. Противник Василия II Болгаробойцы в период войн конца X — начала XI в. в Закавказье.

Варда Фока (? — 13 апреля 989) — византийский военачальник, наместник фемы Антиохия провозглашенный императором. Принимал участие в трех значительных мятежах как в поддержку, так и против Македонской династии. 13 апреля 989 года в сражении у Абидоса Василий II разбил мятежные войска Варды Фоки. В битве на стороне Василия II принимал участие шеститысячный корпус русов, посланный на помощь императору киевским князем Владимиром Святославичем. Варда Фока — первый противник Варяжской гвардии.

Василий II Болгаробойца (958—1025) — один из величайших императоров Византии и основатель Варанги. М. Пселл дал такой словесный портрет автократора: «Пешего Василия еще можно было с чем-то сопоставить, но, сидя на коне, он представлял собой ни с чем не сравнимое зрелище; его чеканная фигура возвышалась в седле, будто статуя, вылепленная искусным ваятелем... К старости

щеки его густо поросли бородой, так что казалось, что растёт она повсюду».

Владимир Святославич (ок. 960 — 15 июля 1015) — князь новгородский в 970 — 988 годах, в дальнейшем киевский великий князь. Креститель Руси и спаситель императора Василия II — 6-тысячный корпус князя Владимира, посланный в Византию, положил начало Варяжской гвардии.

Георгий Маниак (умер в 1043 году) — византийский полководец XI века, в последний раз отвоевал для Византии Сицилию в 1038—1040 годах. Очевидец так описал внешность талантливого военачальника: «Его рост достигал чуть ли не трех метров, и, чтобы смотреть на него, людям приходилось закидывать головы, словно они глядели на вершину холма или высокую гору; его манеры не были мягкими или приятными, но напоминали о буре; его голос звучал как гром; а его руки, казалось, подходили для того, чтобы рушить стены или разбивать бронзовые двери. Он мог прыгать как лев, и его хмурый взгляд был ужасен. И все остальное в нем было чрезмерным. Те, кто его видел, обнаруживали, что любое описание его, которое они слышали, было преуменьшением».

В то время когда Маниак находился в сицилийском походе, его жена была соблазнена Романом Склиром (братом фаворитки императора Константина IX). Склир, опасаясь возмездия обманутого мужа, оклеветал его перед импера-

тором, и последний вызвал Маниака в Константинополь. Полководец, однажды уже пострадавший от императорского правосудия, отказался подчиниться приказу, провозгласил себя императором и с армией переправился на Балканы. Двигаясь на Фессалоники, Георгий Маниак разбил армию Константина IX при Острове, но сам погиб в сражении.

Гурген II — царь Грузии в 1001 — 1008 гг.

Зоя (ок. 978 — июнь 1050) — самодержавная византийская императрица в 1042 году, дочь императора Константина VIII, супруга трех византийских императоров (Романа III Аргира, Михаила IV Пафлагона, Константина IX Мономаха), взошедших на престол благодаря браку с ней. После смерти своего второго мужа была насильно пострижена в монахини, но в результате народного бунта оставила монашество и вместе со своей сестрой Феодорой встала во главе империи, а затем в третий раз вышла замуж.

Игорь Рюрикович (ок. 878 — 945) — великий князь Киевской Руси, согласно летописной традиции, сын Рюрика. Руководитель русских войск во время русско-византийской войны 941—944 годов.

Иоанн I Цимисхий — византийский император в 969 — 976 годах. Осуществлял активную внешнюю политику, вел успешные войны с арабами, русами и болгарами.

Иоанн II Комнин (13 сентября 1087 — 8 апреля 1143) — византийский император в 1118—1143-х годах. При нем продолжилось Комниновское возрождение Византийской

империи, ознаменованное ростом военной и экономической мощи государства. Иоанн, а затем его сын Мануил стали последними василевсами, при которых империя вела активную завоевательную политику. Придерживаясь стратегии своего отца — Алексея Комнина, Иоанн активно воевал в Малой Азии с сельджуками, а на западе противостоял печенегам и следил за ситуацией на Балканах.

Иоанн III Дука Ватац (ок. 1192 — 3 ноября 1254) — никейский император в 1221 — 1254-х годах.

Иоанн V Палеолог (18 июня 1332 — 16 февраля 1391) — византийский император с 1341 по 1376 и с 1379 по 1391 год.

Иоанн VI Кантакузин (около 1293 — 15 июня 1383) — император Византийской империи в 1347 — 1354 годах.

Исаак I Комнин (ок. 1005 — 31 мая 1061) — византийский император в 1057—1059 годах.

Исаак II Ангел (ок. 1156 — январь 1204) — византийский император в 1185 — 1195 и 1203 — 1204 годах. Стал первым представителем династии Ангелов, правившей страной 19 лет.

Кнут Великий (994/995—1035) — король Дании, Англии и Норвегии, владетель Шлезвига и Померании из династии Кнутлингов. Создатель великой северной империи.

Константин VII Багрянородный (905—959) — византийский император из Македонской династии, номинально

царствовал с 913-го, фактически — с 945 года. Активизировал военные действия против арабов.

Константин VII известен как один из образованнейших людей эпохи, автор сочинений «О фемах», «О церемониях», «Об управлении империей», являющихся важнейшими источниками для изучения истории Византии, Руси и других стран.

Константин IX Мономах (ок. 1000 — 11 января 1055) — византийский император (11 июня 1042 — 11 января 1055) из Македонской династии. При Мономахе в 1043 году имел место последний поход Киевской Руси (единственный после Крещения) на Константинополь — русско-византийская война 1043 года.

Константин X Дука — византийский император в 1059 — 1067-х годах.

Лев VI Мудрый (19 сентября 866 — 11 мая 912) — византийский император (с 886 до 912 г.) из Македонской династии. Свое прозвище получил за сочинение трактатов (в том числе о военном деле — «Тактика Льва»), стихов и речей, а также за завершение начатого его отцом Василием I Македонянином свода законов, называемых «Базилики», комментариев и дополнений к нему.

Магнус I Добрый (1024 — 25 октября 1047) — король Норвегии и Дании. В 1028 году его отец Олаф святой с сыном был вынужден бежать в Новгород к Ярославу Мудрому. После смерти отца малолетний Магнус был усыновлен

Ярославом Мудрым и воспитывался в его семье, проживал в Новгороде.

В ходе борьбы за корону в 1046 году Харальд Хардрада стал соправителем Магнуса. В 1047 году Магнус умер (возможно, от падения с коня). Утверждается, что он сам перед смертью провозгласил своими наследниками в Дании — Свена, а в Норвегии — Харальда. О происхождении прозвища существуют две версии. По одной, сначала Магнус был жестоким и грозным королем, который мстил за изгнание своего отца норвежской аристократией, но затем скальд Сигват так сильно подействовал на Магнуса своей речью, что из тирана он превратился в мягкого и доброго государя. По другой версии, свое прозвище он получил после блистательной победы над вендами, вторгнувшимися в 1043 году в Ютландию.

Мануил I Комнин (28 ноября 1118 — 24 сентября 1180) — византийский император — последний Великий Комнин. Активной и амбициозной внешней и военной политикой стремился восстановить славу и статус Византии. Мануил воевал в Южной Италии, обеспечил продвижение по землям империи воинов Второго крестового похода. Защищая Святую землю от мусульман, объединил усилия с Иерусалимским королевством и совершил поход в фатимидский Египет. Император обеспечил византийский протекторат над венгерским королевством и ближневосточными государствами кресто-

носцев, а также гарантировал безопасность на западной и восточной границах империи. Но к концу правления успехи на востоке были скомпрометированы поражением при Мириокефале.

Михаил III (19 января 840 — 24 сентября 867) — византийский император с 842 года, последний правитель Аморейской династии. В период его правления произошло нападение Руси на Византию (860 — 861 гг.).

Михаил V Калафат (1015 — 24 августа 1042) — византийский император (1041—1042) из Македонской династии, правивший всего 4 месяца. Свергнут в результате народных волнений.

Михаил VIII Палеолог (1224/1225 — 11 декабря 1282) — византийский император с 1261 года (никейский император — с 1259 г.), основатель династии Палеологов. Отвоевал в 1261 году у крестоносцев Константинополь, захваченный ими во время Четвертого крестового похода, и возродил Византийскую империю.

Никифор II Фока (ок. 912 — декабрь 969) — военачальник, затем византийский император (963 — 969). Император-воин, победитель арабов.

Никифор III Вотаниат (ок. 1002 — 10 декабря 1081) — византийский император, правивший в 1078 — 1081-х годах.

Олаф I Трюггвасон (963—1000) — король Норвегии с 995-го по 1000 год, потомок короля Харальда Прекрасноволосого.

лосого. В молодости служил в дружине князя киевского Владимира Святославича. Олаф пользовался популярностью среди дружинников, снискал хорошее отношение и со стороны великого князя: «Вальдимар конунг сделал его начальником войска, которое он посылал на защиту своей страны».

Участвовал в походе Владимира Святославича на Червенские города в 981 году. Возвышение Олафа и его тесные отношения с женой Владимира вызвали недовольство и домыслы. Завистникам удалось убедить великого князя в том, что дальнейшее пребывание Олафа на Руси опасно. Около 981 года Олаф оставляет службу у Владимира и отправляется в поход по Балтике. В дальнейшем вернулся на Русь, участник Крещения Руси.

Олаф II Святой Харальдсон (995—1030) — король Норвегии с 1015-го по 1028 г., представитель династии Хорфатеров, сын Харальда Гренландца. Ему посвящена «Сага об Олафе Святом». Один из самых почитаемых в Скандинавии общехристианских святых (почитался также на Руси). Единоутробный брат Харальда Хардрады. В 1030 году в битве при Стикластадире был убит.

Олег (ум. 912 г.) — князь новгородский с 879 года и великий князь киевский с 882 г. Участник похода на Византию 907 года.

Петр II Делян (ум. 1041) — предводитель восстания болгар против Византийской империи, начавшегося летом 1040 года в регионе Поморавле (в современной Сербии). Был провозглашен царем Болгарии (как внук Самуила) в

Белграде (летом 1040 года). В битве при Острове болгарские войска потерпели поражение. Петр II Делян был взят в плен и увезен в Константинополь, где он, скорее всего, был казнен. Согласно некоторым легендам, он был отправлен в монастырь в долине Искыра, где и умер.

Рено де Шатийон (1124—1187) — французский рыцарь, участник Второго крестового похода, князь Антиохии. После разгрома признал себя вассалом византийского императора Иоанна II Комнина.

Роберт Гвискар (1016—1085) — четвертый граф и первый герцог Апулии. Окончательно изгнал из Италии византийцев (1071 г.), захватил княжество Салерно (1077 г.) и тем самым завершил завоевание норманнами Южной Италии.

Рожер II (22 декабря 1095 — 26 февраля 1154) — основатель и первый король (с 1130 года) Сицилийского королевства из династии Отвилей, граф Сицилии (с 1105 года), герцог Апулии (с 1127 года).

Роман I Лакапин (ок. 870 — 15 июня 948) — византийский император с 920-го по 944-й год. В период правления Романа I полководец Иоанн Куркуас в течение 22 лет (920 — 942) взял более 1000 крепостей и отодвинул границу империи от реки Галиса до Евфрата и Тигра. Критский пират Лев Триполийский был уничтожен в морском сражении при Лемносе (924 год) — это освободило острова и побережья от постоянной опасности. В 928 году пали Фе-

одосиополь и Эрзерум, в 934 году разрушена Мелитена, в 942 году взяты Дара и Низибис.

Роман II (938 — 15 марта 963) — византийский император с 9 ноября 959-го по 15 марта 963 года, сын Константина VII. В период правления Романа II была совершена успешная морская экспедиция на остров Крит — в марте 961 года пала столица острова, Хандокс, взятая штурмом при страшном кровопролитии. На месте разрушенного до основания города византийцы основали военно-морской порт Теменон. Эта победа значительно подняла политический престиж Византии и дух ее армии. В 961-м и 962 годах были удачно отброшены полчища венгров. В 962 году полководец Никифор Фока совершил успешный сирийский поход, взял множество городов, разгромил эмира Алеппо.

Роман III Аргир (968 — 11 апреля 1034) — византийский император с 1028-го по 1034 годы.

Роман IV Диоген — византийский император в 1067 — 1071-х гг.

Самуил — болгарский царь (976—1014), участник многих военных кампаний, главный противник Василия II. Увидев печальный кортеж своих воинов, плененных при Клейдоне и после ослепления отпущенных на родину, скончался от инсульта.

Святослав Игоревич (942 — март 972) — князь новгородский в 945 — 969 годах, великий князь киевский с 945 по 972 год, известный полководец Древней Руси. Участник русско-византийской войны 970—971 годов.

Сигурд I Магнуссон (1090 — 26 марта 1130) — король Норвегии (1103—1130), сын Магнуса III Босоногого. С 1103 года правил совместно с Эйстейном I Магнуссоном, а с 1123 года — единолично. Король-крестоносец.

Харальд III Сигурдсон (Хардрада) (1015—1066) — король Норвегии, в 1034—42 гг. — офицер Варанги, ветеран Сицилийской и Азиатской кампаний, спафарокандидат и манглабит императорской службы.

Эдгар II (ок. 1051 — ок. 1126) — последний представитель Уэссексской королевской династии, провозглашенный (но не коронованный) королем Англии в период нормандского завоевания 1066 г. Позднее активно участвовал в англосаксонском сопротивлении Вильгельму Завоевателю, но был вынужден покориться и оставить претензии на английский престол.

Ярополк Святославич (ум. 11 июня 978) — великий князь киевский (972 — 978), старший сын князя Святослава Игоревича.

Ярослав Владимирович Мудрый (ок. 978 — 19 или 20 февраля 1054) — ростовский князь (987—1010), князь новгородский (1010—1034), великий князь киевский (1016—1018, 1019—1054).

Ярослав (конунг Ярицлейв) был свояком будущего, норвежского конунга Олафа Святого — они были жена-ты на сестрах. Малолетний сын будущего святого Олафа Магнус Добрый после гибели отца был усыновлен буду-

щим святым Ярославом Мудрым, воспитывался в его семье и по достижении совершеннолетия при помощи приемного отца получил снова престол Норвегии, а затем и Дании.

Дочери Ярослава позволили ему породниться чуть ли не со всей Европой — Елизавета стала женой норвежского короля Харальда Хардрады, Анастасия — женой короля Венгрии Андраша I (в городе Тихонь на берегу озера Балатон в их честь названа церковь и установлен памятник), а Анна вышла замуж за короля Франции Генриха I (во Франции известна как Анна Русская, или Анна Киевская, — в г. Санлис ей также установлен памятник).

СОДЕРЖАНИЕ

1. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, СТРУКТУРА И СТАТУС.....	5
2. РУСЫ И ВАРАНГА	45
3. КУЗНИЦА КАДРОВ — ИЗВЕСТНЫЕ ЛЮДИ, СЛУЖИВ- ШИЕ В СТРАЖЕ	68
4. ВООРУЖЕНИЕ, СНАРЯЖЕНИЕ И УНИФОРМА	90
5. ВСЕГДА В АВАНГАРДЕ — БОЕВАЯ ТАКТИКА ВАРАНГИ.....	128
6. ОПЛОТ ПРОТИВ ВРАГА ВНУТРЕННЕГО — ОХРАН- НАЯ И ПОЛИЦЕЙСКАЯ СЛУЖБА	136
7. В БОРЬБЕ С ВРАГОМ ВНЕШНИМ — БОЕВОЙ ПУТЬ ЧАСТИ	147
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	182

ISBN 978-5-4444-2364-6

В книге рассмотрена история одного из самых элитных и прославленных воинских формирований армии Византийской империи — Варяжской гвардии (Варанги). Исследованы история создания и структура Варяжской гвардии, специфика ее комплектования, обучения, снаряжения и вооружения. Проанализированы особенности боевой тактики гвардейского формирования и основные вехи его многовекового боевого пути и внутренней службы.

Особое внимание уделено известным людям, в разное время служившим в рядах стражи, а также русам, входившим в состав гвардии.

Варанга охарактеризована как универсальное воинское формирование повышенной надежности.

Отмечено и цивилизаторское значение Варяжской гвардии — ее воины являлись культурно-религиозным связующим звеном между народами Северной и Восточной Европы с Византийской империей, воспринимая высокие достижения империи в материальной и духовной культуре, являясь носителями византийского образа жизни и христианских ценностей.

Работа снабжена приложениями, включающими в себя источники, комментированные словарики, имеет значительное количество иллюстраций.

HISTORY
FILES

